DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/vparizhie01skal

Скальковский, К. А.

К. СКАЛЬКОВСКІЙ

ВЪ ПАРИЖЪ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1898

Bibliothèque
«TZAREVITCH»

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ этой книгѣ собраны очерки Парижа появлявшіеся въ видѣ отдѣльныхъ фельетоновъ или въ видѣ корреспонденцій. Нѣкоторые очерки я пополнилъ, нѣкоторыя корреспонденціи соединилъ въ главы, выпустивъ то, что потеряло интересъ.

Главы II, VIII и XIII содержатъ матеріалъ, по большей части не бывшій еще въ печати. а глава XI появляется впервые.

Конечно, я не думаю, что моя книжка можетъ дать какое либо цѣльное впечатлѣніе о такомъ гигантѣ какъ Парижъ. Это—особый міръ, и рядъ томовъ, написанныхъ первоклассными талантами, не исчерпаетъ и сотой части богатаго матеріала, представляемаго жизнью столицы Европы. Но ка-

ждый даетъ, что можетъ, и изъ отдѣльныхъ кирпичей складывается зданіе.

И мелочи имѣютъ свое значеніе. Недаромъ Меримэ, одинъ изъ умнѣйшихъ писателей, сказалъ, что онъ предпочелъ бы для пониманія исторіи записки одной изъ горничныхъ Перикла Исторіи пелопонезской войны Ѳукидида.

Парижъ и все французское долго еще будутъ интересовать наше общество и помимо франко-русскаго союза.

Хотя въ Россіи, какъ и въ цѣлой Европѣ, значеніе французской литературы относительно уменьшилось, но оно и теперь огромное. Нѣтъ сомнѣнія, что пропорціонально у насъ менѣе покупается французскихъ книгъ и число магазиновъ, торгующихъ французскими книгами, въ русскихъ городахъ и даже въ столицахъ уменьшилось, но это зависитъ отъ развитія собственной литературы и русской книжной торговли. Сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ назадъ сколько нибудь образованный человѣкъ въ Россіи не могъ обойтись безъ пособія французскихъ книгъ; по многимъ весьма важнымъ

отраслямъ знанія русскихъ книгъ вовсе не было, да и вообще русская литература была бѣдна до чрезвычайности; теперь и русская литература стала богаче, и на русскій языкъ переводится многое изъ того, что появляется замѣчательнаго на французскомъ, да и цензурныя условія стали легче.

Во всякомъ случаѣ, путемъ ли перевода, путемъ ли чтенія въ оригиналѣ, или косвеннымъ путемъ черезъ нѣмецкую и др. литературы, но французское вліяніе до сихъ поръ сохранилось въ русской литературѣ. Въ послѣдней легко прослѣдить и вліяніе Жоржъ-Занда, реалистовъ 40-хъ и 50-хъ годовъ и новѣйшихъ французскихъ натуралистовъ и декадентовъ и наша соціалистическая беллетристика: «Что дѣлать» и т. п. навѣяна подобными же французскими произведеніями. Даже Рошфоръ имѣлъ замѣтное вліяніе на русскихъ воскресныхъ фельетонистовъ.

Вліяніе богатѣйшей французской литературы—явленіе, впрочемъ, весьма нормальное, но что болѣе удивительно, такъ это взаимодѣйствіе сравнительно скудной рус-

ской литературы на французскую. Между тѣмъ несомнѣнно, что и Толстой, и Достоевскій, если не въ манерѣ, то въ идеяхъ, имѣли извѣстную долю вліянія на французскую литературу, вообще очень чуткую и на которую послѣдовательно вліяли, какъ извѣстно, литературы итальянская, испанская, англійская, нѣмецкая и даже норвежская.

Поддержать слабую связь французовъ съ русскою литературою — задача трудная, но зато и болѣе благодарная, чѣмъ поддержка связи русскаго общества съ французскою литературою и безъ того существующей въ широкой степени въ теченіе двухъ вѣковъ. Мольеръ вѣдь въ дубовыхъ переводахъ былъ извѣстенъ еще въ теремахъ Московской Руси, а французить мы начали еще со временъ Елисаветы Петровны.

Къ сожалѣнію, дѣло ознакомленія французовъ съ русскою литературою попало теперь въ Парижѣ въ руки жидовъ, для которыхъ — что торговля русской литературой, что старыми панталонами — все одинаково.

Глава XII-я моей книги, когда явилась въ фельетонѣ «Новаго Времени», вызвала

цѣлую бурю, редакція получила нѣсколько писемъ, а петербургская нѣмецкая пресса пришла въ ярость. Несомнѣнно, что Сенъ-Серъ, какъ французъ, посмотрѣлъ на нѣмецкихъ женщинъ исключительно съ точки зрѣнія моды, наружнаго изящества, пикантности, обольстительности и всего того женскаго арсенала, которымъ преимущественно обладаютъ дамы, а между дамами преимущественно француженки.

Защищая фельетонъ, А. С. Суворинъ написалъ блестящее письмо въ защиту нѣмокъ, изъ котораго не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующій отрывокъ:

Неужели въ самомъ дѣлѣ необходимо, чтобъ жена была любовницей, чтобъ она умѣла одѣваться, знала бы тайны туалета, не носила бы тиковыхъ корсетовъ и чулокъ до колѣнъ? О многихъ ли русскихъ дамахъ можно сказать, что онѣ прекрасныя хозяйки и хорошія жены? А французъ это сказалъ вообще о нѣмецкихъ женщинахъ. Неужели главное достоинство женщинъ заключается въ томъ, чтобъ хорошо одѣваться, знать всѣ тайны туалета, быть хорошей любовницей, носить шелковые корсеты, чулки выше колѣнъ и какъ можно меньше рожать дѣтей, чтобъ свободнѣе предаваться всѣмъ удовольствіямъ жизни? Вѣроятно это и есть женскій идеалъ... какъ самый удобный и разнообразный

для мужчины. Мужчина говоритъ: «я ужасно избалованъ и требователемъ, я люблю природу только подкрашенную, усовершенствованную, я люблю батистъ, шелкъ, я люблю усовершенствованное кокетство и проч., а потому, о женщина, старайся объ этомъ. Если объ этомъ не будешь стараться, ты сдѣлаешься смѣшною». И дамы стараются другъ передъ другомъ, чтобы какъ можно пріятнѣе показаться мужчинѣ. Но нѣмки объ этомъ стараются мало и вотъ онѣ виноваты...

Нѣмка пьетъ пиво. Увы, пьетъ. Это отвратительно. Но если бы нѣмка пила шампанское—это было бы увлекательно. По крайней мѣрѣ французъ не поставилъ бы ей этого въ вину. Повидимому, какая малость — пиво и шампанское, а женщина, употребляющая шампанское, выше женщины, употребляющей пиво. Вотъ вамъ логика этихъ усовершенствованій!.. У нѣмецкой дѣвушки красныя руки, потому что она готовитъ на кухнѣ. Она плохая кухарка, но все-таки кухарка и никогда не скажетъ, что булки ростутъ въ полѣ. Она экономна, она, выйдя замужъ, старается не выйти изъ мужнина бюджета и ведетъ хозяйство образцово. Но все это не важно. Какая же она женщина, когда носитъ красныя фланелевыя юбки, чулки до колѣнъ и тиковые корсеты!

Давайте намъ женщину изящную, съ прекрасными ручками, съ восхитительной ножкой, одѣтую по послѣдней модѣ, тонкую кокетку, обольстительную, прекрасную любовницу— вотъ это прелестно! Пусть она будетъ плохой хозяйкой, пусть она избѣгаетъ рожать дѣтей, какъ Божьяго наказанія, но пусть она будетъ дамочкой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ—вотъ это чудесно! Пусть она будетъ совсѣмъ легкаго

нрава, но пусть она ведетъ свои амуры со всей ловкостью и изяществомъ—вотъ это превосходно!

Я пишу это не въ интересѣ нѣмокъ. Господь съ ними. Отъ роду я не зналъ ни одной нѣмки и судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ не могу, но въ книгѣ француза я вижу, что нѣмки обладаютъ такими качествами, которыя дай Богъ имъ хранить и которымъ Германія много обязана. Я пишу это въ интересѣ массы русскихъ женщинъ, которыя носятъ тиковые корсеты или никакихъ не носятъ, которыя не знаютъ, что чулки надо носить выше колѣна, которыя не знакомы ни съ тайнами туалета, ни съ свѣжими парижскими модами, которыя рожаютъ дѣтей, сами ихъ кормятъ и воспитываютъ и стараются быть хорошими женами и хозяйками. Дай Богъ имъ здоровья, побольше дѣтей и поменьше досуга на то, что пишется, пикантности ради, не столько о женщинахъ, сколько о дамахъ.

Послѣдняя глава моей книги «Въ полусвѣтѣ» появилась ранѣе въ «Новомъ Времени» въ видѣ фельетона подъ названіемъ «Въ Парижѣ», хотя и въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Она имѣла большой успѣхъ: весь нумеръ «Новаго Времени», гдѣ фельетонъ былъ напечатанъ, разошелся безъ остатка, о фельетонѣ говорили и спорили цѣлую недѣлю, нѣкоторыя наши дамы стали даже мыть по пяти разъ въ день руки, считая это верхомъ парижскаго шика. Статья

содѣйствовала, такимъ образомъ, увеличенію сбыта мыла.

Но нашлись люди, которыхъ глубоко возмутило, что Фуфу мѣняетъ два раза въ день бѣлье. Эти нечистоплотные зоилы завопили благимъ матомъ. Одна петербургская газета, безуспѣшно искавшая обратить на себя вниманіе, напечатала велерѣчивую передовую статью, начинавшуюся и оканчивавшуюся словами: «Берегите своихъ женъ и дѣтей! Берегите своихъ юныхъ сыновей!» и въ числѣ прочихъ нелѣпостей содержавшую слѣдующую фразу:

«Неужели такъ все и впредь будетъ и «Новое Время» попрежнему будетъ пользоваться исключительнымъ правомъ выставлять на страницахъ своей газеты лицъ, живьемъ схваченныхъ на улицѣ, въ клоакѣ цивилизаціи, въ гульбищахъ парижскаго развращеннаго общества?»

Какое ужасное, подумаешь, преступленіе живо изображать пороки и развращеніе?

Другая газета также настроила лиру въ грустномъ тонѣ и, скрывая подъ защитою нравственности зависть къ доходамъ «Но-

ваго Времени», лицемѣрно замѣтила: «Мы не дѣти, и хорошо знаемъ, что на свѣтѣ бываютъ кокотки, что кокотки эти увлекаютъ большинство мужчинъ, что каждый заплатилъ или платитъ дань этой сторонѣ жизни, но нельзя же вовсе отрицать необходимость хоть нѣкоторой завѣсы на все это».

А одинъ моралистъ пошелъ еще далѣе и, поплакавъ о женщинахъ, «имѣющихъ возможность имѣть панталоны въ 1500 франковъ или рублей, если оплатить ихъ нашей пошлиной», пришелъ къ заключенію, до котораго никакой Кифа Мокіевичъ ранѣе не додумывался, а именно, что еслибы въ Парижѣ не было кокотокъ, то желѣзо въ Тульской губерніи было бы для мужиковъ гораздо дешевле нынѣшняго!

Я могъ бы въ отвѣтъ моимъ порицателямъ ограничиться словами Виктора Гюго, очень удачно, отвѣчая кому-то въ палатѣ въ 1849 г., перефразировавшаго слова Гейне: Chacun a le droit d'être imbécile mais il ne faut pas abuser de ce droit.

Я не Викторъ Гюго, но дѣйствительно мои противники не имѣютъ права столь

публично расписываться въ собственномъ тупоуміи.

Въ особенности нелѣпо завѣреніе, что литература должна игнорировать кокотокъ и публичныхъ женщинъ. Ставя такое положеніе, авторы вышеозначенныхъ писаній обличаютъ только свое глубочайшее невѣжество, а можетъ быть и лицемѣріе, которымъ, кстати сказать, издавна заражено все наше общество.

Не говоря уже о Библіи, гдѣ въ стольких мѣстахъ упоминается о падшихъ женщинахъ, и Евангеліи, гдѣ отведено блудницѣ одно изъ самыхъ трогательныхъ и высоко поучительныхъ мѣстъ, можно указать сотни и тысячи примѣровъ въ литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, гдѣ публичнымъ женщинамъ посвящены главы и цѣлыя книги.

Публичный домъ описанъ въ знаменитомъ высоконравственномъ романѣ Ричардсона «Кларисса Гярловъ», въ еще болѣе знаменитой «Nouvelle Heloïse» Жанъ-Жака Руссо, въ извѣстномъ романѣ Жюль Жанена «L'ane mort», въ разсказѣ Гоголя «Нев-

скій проспектъ». А сочиненія Гоголя даются у насъ въ награду гимназистамъ.

Кокоткѣ посвященъ одинъ изъ chei d'oeuvre'овъ XVIII столѣтія «Manon Lescaut» аббата Прево, какъ и одинъ изъ лучшихъ романовъ XIX столѣтія—«La dame aux camélias» Дюма-сына. Можно бы перечислить десятки и сотни подобныхъ произведеній.

Такъ не смѣшны ли господа, которые, проповѣдуя мораль, живутъ со своими кухарками, находя это нравственнымъ, ибо это обходится дешевле, чѣмъ жить съ кокотками, или, принимаясь поучать общество, собственныхъ женъ морятъ голодомъ и складываютъ еще на нихъ обязанность воспитывать своихъ дѣтей.

Видѣть въ моемъ очеркѣ что-нибудь скабрезное, надобно было или при предвзятой мысли или при особомъ недомыслiи. Напротивъ, изъ моего описанія ясно слѣдовало, что любовь, а тѣмъ болѣе развратъ не играетъ ровно никакой роли въ жизни выдающихся дамъ полусвѣта; у нихъ все направлено на тряпки, т. е. исключительно на удовлетвореніе тщеславія. Это,

дѣйствительно, какія-то дорогія вѣшалки для дорогихъ платьевъ, которыя богатые дураки нанимаютъ, чтобы публика, зная какъ дорого обходится обладаніе подобными дамами, считала обладателей ихъ крезами.

Что предосудительнаго отмѣчать подобную человѣческую слабость и представлять читателямъ, конечно не гимназическаго возраста, эту страничку общественной физіологіи. Если же литературу низводить до уровня чтенія институтокъ и кадетъ, то придется отказаться отъ всякой литературы. Все это, впрочемъ, такъ ясно, что не стоитъ и тратить словъ на доказательства.

Можно бы, вмѣсто кокотокъ, описывать исключительно эмансипированныхъ женщинъ, благо ихъ теперь и въ Парижѣ расплодилось не мало, вслѣдствіе проповѣди такъ называемаго феминизма, но я, грѣшный человѣкъ, остаюсь при мнѣніи, выраженномъ нѣкогда Джонсономъ, что «ученая женщина все равно, что собачка, ходящая на заднихъ лапкахъ. Это можетъ быть курьезно, но вовсе не красиво».

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Книга моя, хотя изданная нѣсколько неисправно, разошлась очень быстро. Успѣху ея не повредили ни лѣтняя жара, ни молчаніе печати.

Въ Парижѣ, впрочемъ, гдѣ я скорѣе могъ ждать суровую оцѣнку, книга моя была встрѣчена очень сочувственно. Одна изъ серьезныхъ ежедневныхъ газетъ помѣстила цѣлый фельетонъ, содержащій весьма лестный обзоръ моей публицистической дѣятельности. Другая газета перевела въ пяти фельетонахъ главу «Въ полусвѣтѣ» и предпослала ей очень сочувственную замѣтку, называя меня «un vrai Parisien par la finesse de l'esprit et la sureté de mes informations», а въ другомъ мѣстѣ «un observateur doué du sens le plus subtil et le plus profond».

Такіе комплименты не въ нравахъ русской печати. У насъ книги или замалчиваютъ, или ихъ

ругаютъ напропалую. Въ какомъ-то нижегородскомъ листѣ былъ помѣщенъ фельетонъ, гдѣ я и моя книга были покрыты грязью.

Какое отношеніе имѣетъ нижегородская пресса къ Парижу?

Что ему Гекуба
И что Гекубѣ онъ?

Могутъ спросить съ удивленіемъ читатели? Но въ нижегородской прессѣ, очевидно, участвуютъ въ свободное отъ ярмарочнаго времени крючники, которые не могутъ не ругаться. А такъ какъ тасканіе на головѣ десяти-пудовыхъ кулей, очевидно, спрессовало ихъ мозги, то можно себѣ представить сколько остроумія въ этой руганн.

Но такъ какъ un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire, то и нижегородская брань нашла отголосокъ въ органѣ петербургскихъ старшихъ и младшихъ дворниковъ, въ «Сынѣ Отечества». Газета эта перепечатала самыя грязныя мѣста нижегородскаго фельетона и облила ихъ еще собственными помоями.—«Нате, молъ, кушайте, милые читатели, на здоровье».

Вотъ, кажется, все, что появилось въ русской прессѣ о моей книгѣ, по крайней мѣрѣ все, что достигло до меня въ Парижѣ.

Въ новомъ изданіи я прибавилъ двѣ новыя главы III и XIII, кромѣ того дополнилъ кое-что

и въ другихъ главахъ, такъ что бывшую главу VIII пришлось раздѣлить на двѣ. Мой пріятель г. Онѣгинъ, живущій болѣе тридцати лѣтъ въ Парижѣ и знающій его досконально, былъ такъ любезенъ, что прочелъ очень внимательно мою книгу и исправилъ всѣ вкравшіяся въ нее маленькія ошибки и противорѣчія, за что я и приношу ему мою искреннюю благодарность.

*

I.

Публичное чтеніе во время войны.

Въ № 261 «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ 1872 г., непзвѣстный авторъ, описывая скандалъ, сдѣланный г-жѣ Андре Лео въ засѣданіи лозанскаго Конгреса мира, по поводу прочитанной ею записки, оправдывающей Коммуну во взведенныхъ на нее обвиненіяхъ по убійствамъ и поджогамъ, замѣтилъ, что г-жа Андре Лео мѣняла не разъ фамилію и называлась прежде Олемпъ Одуаръ, подъ именемъ которой написала нѣсколько романовъ.

Объясненіе это принадлежало пылкой фантазіи автора. Всѣмъ извѣстно, что Андре Лео есть псевдонимъ одной изъ романистокъ Франціи, г-жи Шампсе (Champseix). Жена радикальнаго журналиста, она осталась въ 1861 г. молодою вдовою (28-ти лѣтъ) безъ всякихъ средствъ къ существованію и принялась за перо, подписываясь псевдонимомъ: André

Léo—именами двухъ своихъ дѣтей. Въ 1862 году явился ея романъ «Un mariage scandaleux», который хотя сильно напоминалъ жоржъ-сандовскую «Valentine», однако обратилъ всеобщее вниманіе талантомъ автора, смѣлостью и теплотою. Съ тѣхъ поръ г-жа Шампсе написала много романовъ и повѣстей, изъ которыхъ болѣе всѣхъ понравились «Deux filles de M. Plichon» и «Jacques Galeron», и выступила также, какъ публицистка, горячею защитницей женскаго вопроса. Какъ ни судить о дѣятельности г-жи Шампсе, но нельзя не признать, что это одна изъ самыхъ видныхъ литературныхъ личностей современной Франціи, составляющая рѣзкій контрастъ съ бульварными драматургами и романистами, идеализирующими кокотокъ.

Совершенно другой репутаціей пользуется г-жа Олемпъ Одуаръ (Audouard), значительно обязанная своею извѣстностью скандалу. Бросивъ своего мужа, скромнаго нотаріуса, г-жа Одуаръ изъѣздила Европу, Востокъ и Америку, написала нѣсколько книгъ и обратила на себя вниманіе публичными чтеніями въ Парижѣ, подъ покровительствомъ Дюма-отца, репутація котораго въ послѣдніе годы жизни была весьма сомнительна.

Изъ книгъ г-жи Одуаръ «Comment aiment les hommes» и «Guerre aux hommes» представляютъ рѣзкій обвинительный актъ противъ непрекраснаго

пола, а «Les mystères du Sérail» имѣютъ цѣлью доказать, что положеніе женщинъ въ Турціи несравненно свободнѣе и почетнѣе, нежели въ Европѣ. Подобными парадоксами переполнены и другія сочиненія г-жи Одуаръ, которыя имѣли то, что называютъ французы, effet du scandale, и разошлись во многихъ изданіяхъ.

Случайно познакомился я съ г-жею Одуаръ въ 1870 году въ Парижѣ, и такъ какъ это знакомство произошло при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ, то я позволилъ себѣ описать ихъ *), какъ матеріалъ для характеристики настроенія Парижа въ началѣ войны. Читатель увидитъ, съ какимъ малымъ сочувствіемъ относились парижане къ войнѣ, которая окончилась для нихъ такъ печально.

Война кипѣла уже на рейнской границѣ; каждый день проходили по парижскимъ бульварамъ линейныя войска и мобили, отправлявшіеся на театръ войны, каждую ночь ходили по улицамъ нанятыя, по всей вѣроятности, не въ мѣру усердной полиціей, толпы гаменовъ и пьяныхъ рабочихъ, распѣвая съ гамомъ и свистомъ первый куплетъ марсельезы и крича à Berlin! Подъ звуки зна-

*) Въ письмѣ, помѣщенномъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

менитаго гимна ежедневно отплясывали канканъ и вальсъ веселые посѣтители Мабиля и Closerie des Lilas, какъ вдругъ было объявлено огромными афишами, наклеенными на всѣхъ углахъ Парижа, что г-жа Одуаръ прочтетъ лекцію объ участіи женщинъ въ войнѣ. Предметъ, казалось, былъ какъ нельзя болѣе современнымъ и подходящимъ.

Я ожидалъ большой толпы, читая въ «Figaro» описаніе ея прежнихъ конференцій, касавшихся болѣе хлесткихъ вопросовъ, и заблаговременно запасся биллетомъ; но, къ моему удивленію, ярко освѣщенная газомъ зала конференціи на бульварѣ des Capucines была совершенно пуста. Только нѣсколько англичанъ терпѣливо сидѣли, не шевелясь и не моргая, на своихъ стульяхъ. Потолокъ и стѣны залы были разрисованы небесными свѣтилами и мистическими знаками, показывая, что она служила прежде для собранія какой-нибудь франкъ-масонской ложи.

Послѣ небольшого ожиданія, появился господинъ во фракѣ, ведя за руку г-жу Одуаръ, одѣтую въ изящное бальное платье, очень сильно декольтированное. Она была очень красива собою, роскошно сложена, имѣла прекрасные бѣлокурые волосы, и вообще на видъ ей казалось не болѣе тридцати лѣтъ, хотя безпощадный «Вапрò» изобличалъ ее въ томъ, что ей уже подъ сорокъ. Раз-

сѣвшись весьма кокетливо, расправивъ складки платья, поигравъ вѣеромъ и обшивкой своего декольте, снявъ перчатку и выпивъ немного сахарной воды, г-жа Одуаръ, не обращая никакого вниманія на совершенно пустой залъ, начала читать, или, вѣрнѣе, разсказывать содержаніе небольшой рукописи, написанной на изящной почтовой бумагѣ и лежавшей передъ нею.

Читала она очень хорошо, пріятно картавя и съ притворнымъ чувствомъ. Для сильнѣйшаго эфекта, окончивъ рукопись, она взяла извѣстную книгу Шеню и прочла въ ней описаніе поля сраженія подъ Сольферино тономъ актрисы, убивающейся въ трагедіи надъ трупомъ своего милаго. Комизмъ заключался въ томъ, что въ рукописи стояли безпрерывныя обращенія: Vous, femmes françaises! а между тѣмъ въ залѣ не было ни одной женщины. Нѣсколько разъ повторяла также г-жа Одуаръ, что она ррреспубликанка и ненавидитъ Вторую Имперію, и закончила выраженіемъ пуассардки: Sus aux prussiens, произнесеннымъ, впрочемъ, любезнымъ тономъ француженки, посѣтившей уже всѣ столицы Европы и, вѣроятно, Берлинъ.

Англичане выслушали конецъ не поморщась; я похлопалъ въ ладони, радуясь прослушать conférence, почти спеціально для меня произне-

сенную. Затѣмъ г-жа Одуаръ вынула изъ портмоне 20 франковъ и положила ихъ на столъ въ пользу раненыхъ; англичане мгновенно опустили руки въ карманы и вынули по наполеону. Собравъ наши пожертвованія, г-жа Одуаръ скромно замѣтила, какъ ей пріятно, что слова ея не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, ибо, за всѣми расходами, доставили бѣднымъ раненымъ 120 франковъ, которые будутъ переданы Международному Обществу вспоможенія раненымъ.

Мнѣ очень понравилось спокойствіе, съ которымъ г-жа Одуаръ перенесла неуспѣхъ своего предпріятія, и очень деликатно отнеслась къ своимъ немногочисленнымъ слушателямъ, не сокращая и не измѣняя чтенія.

Я подошелъ къ проповѣдницѣ женской эмансипаціи, изящная наружность которой такъ сильно не согласовалась съ ходячими понятіями объ отталкивающей внѣшности *синихъ чулковъ*, и старался, дѣлая комплименты ея таліи и наряду, утѣшить разсказами объ успѣхѣ романовъ ея въ Россіи, гдѣ нѣкоторые переведены и на русскій языкъ. Оказалось, что г-жа Одуаръ бывала въ Петербургѣ и знаетъ нѣсколько Россію. Мы поговорили также о войнѣ, и я узналъ, что она «ненавидитъ» пруссаковъ, не будучи, однако, въ состояніи объяснить причины своей ненависти.

Случай этотъ, который я припомнилъ, читая замѣтку «Биржевыхъ Вѣдомостей», показываетъ, съ какимъ равнодушіемъ относились парижане къ существеннѣйшимъ вопросамъ войны; въ запискѣ г-жи Одуаръ были очень хорошо собраны примѣры дѣятельности на пользу раненыхъ въ Америкѣ въ 1861—1865 годахъ и Пруссіи въ 1866 году, съ указаніемъ на то, чѣмъ весьма не худо было воспользоваться...

II.

Послѣ Коммуны.

Безъ особыхъ приключеній проѣхалъ я, въ февралѣ 1872 года, неизмѣримо скучное пространство, отдѣляющее Эйдкуненъ отъ Петербурга; мы опоздали только минутъ на десять, но нѣмецкаго поѣзда уже не застали. Я проклялъ «лучше часомъ ранѣе, нежели секундою позже»—классическое нѣмецкое изреченіе, и тщетно сталъ измышлять, какъ провести семь часовъ въ Эйдкуненѣ, задача, дѣйствительно, не разрѣшимая. Какъ жалѣлъ я, что нахожусь въ странѣ «добрыхъ нравовъ»; то ли дѣло въ Египтѣ, тамъ въ каждомъ уѣздномъ городишкѣ можно найти кафе-шантанъ и рулетку. Эйдкуненъ—мѣстечко, интересное только для контрабандистовъ, а не для обыкновенныхъ смертныхъ.

Что сказать новаго о билліардномъ полѣ, называемомъ Пруссіею? Зимою оно, кажется, еще скуч-

нѣе, а Берлинъ, будь Германская имперія въ десять разъ длиннѣе и шире, останется тѣмъ же невозможно скучнымъ и несноснымъ Берлиномъ, какъ и прежде.

Въ Бельгіи я купилъ нѣсколько нумеровъ бельгійскихъ газетъ. О Бельгіи, конечно, поль-слова—Франція на первомъ планѣ. Да и можетъ ли быть иначе въ этой чисто-французской провинціи, которая обособится только, когда выдумаютъ особую бельгійскую вѣру и бельгійскій языкъ. Наконецъ въѣзжаю во Францію, гдѣ не былъ со времени войны. Перемѣна замѣтная. На границахъ требуютъ паспортовъ; только англичане избавлены отъ этой формальности; они рѣшительно воспротивились, объявивъ, что станутъ ѣздить въ Швейцарію и Италію черезъ Бельгію и Германію, а въ Испанію—моремъ. Французы уступили, боясь потерять фунты стерлинговъ, обильно начиняющіе многочисленные англійскіе карманы.

Паспортная процедура, впрочемъ, несложна. Каждый, проходя въ двери таможни, держитъ паспортъ и выкрикаетъ свое имя и званіе. Мой скромный титулъ Conseiller de la cour — надворный совѣтникъ—пмѣлъ эффектъ.

— Passez, Monsieur le Conseiller à la Cour, сказалъ чиновникъ почтительно кланяясь и принимая меня, очевидно, за члена судебной палаты; во Фран-

ціи уваженіе къ магистратурѣ сохранилось еще отъ ancien regime *).

Въ Парижѣ нѣтъ ухарской внѣшности временъ Имперіи; въ сужденіяхъ, никогда не допускавшихъ возраженія, замѣтна робость и нетвердость. Въ новой республикѣ третья фраза каждаго встрѣчнаго— это то, что во Франціи республика не возможна, потому что трудно, будто бы, совокупить порядокъ со свободою; «il faut une bonne et franche dictature pour nous rendre la liberté», компично замѣчаютъ французскіе радикалы, недовольные торжествомъ легитимистовъ и клерикаловъ на выборахъ. Уступка богатыхъ провинцій Пруссіи и

*) Все зависитъ именно отъ способа произношенія. То же званіе совѣтника въ другомъ мѣстѣ не послужило мнѣ въ пользу.

Я присутствовалъ на одномъ изъ Garden-Partie въ Елисейскомъ дворцѣ. Гости, прежде чѣмъ разсѣяться по великолѣпному саду дворца и подойти къ довольно скверно сервированному открытому буфету, дефилировали и представлялись президенту республики Карно и его супругѣ. Карно всѣмъ одинаково улыбался и подавалъ руку, но съ русскими былъ любезнѣе другихъ и съ каждымъ разговаривалъ. Въ это время франко-русская дружба уже начинала обрисовываться.

Подходя къ президенту, гости говорили huissier на ухо свое званіе и имя; послѣдній громко провозглашалъ и то и другое. Сказалъ ли я мое имя и званіе тихо или huissier ослышался, только онъ изъ Conseiller privé сдѣлалъ Conseiller Monsieur Prive, что и возгласилъ на всю залу. Это вызвало со стороны Карно довольно сухое рукопожатіе. Онъ не сказалъ мнѣ ни слова, принявъ за француза.

ожидаемый разрывъ торговаго договора съ Англіею замѣтно подѣйствовали на развитіе промышленности сѣверныхъ департаментовъ Франціи; на каждомъ шагу видишь свѣжія постройки; это воздвигаются новыя фабрики и заводы или расширяются старые. Въ особенности кипитъ дѣятельность къ окрестностямъ Мобежа.

Отъ Сенъ-Кантена дорога идетъ уже по странѣ, бывшей недавно театромъ войны; по серьезныхъ слѣдовъ разрушенія незамѣтно. Поѣзда ходятъ, однако, медленнѣе, случаются часто неурядицы. Я запоздалъ и прибытіемъ въ Парижъ. Въ газетахъ каждый день печатается, что новый выборный муниципалитетъ ничего не дѣлаетъ. Судя по внѣшности города, это неправда. Парижъ такъ же освѣщенъ, такъ же политъ, какъ и при Имперіи. Сгорѣвшія зданія, которыхъ вовсе не такъ много, застраиваются; въ развалинахъ остаются Тюльери и Счетная палата, но на мѣстѣ министерства финансовъ будетъ воздвигнутъ великолѣпный отель; сгорѣвшіе дома на улицѣ Royal и улицахъ Saint-Honoré и Faubourg Saint-Honoré, на пересѣченіи которыхъ была устроена коммунарами громадная баррикада, усиленно ремонтируются; продолжается также и застройка новыхъ кварталовъ, проектированныхъ еще Гаусманомъ. Парижъ, впрочемъ, имѣетъ видъ гораздо менѣе оживленный, нежели прежде. Гово-

рять, что 400,000 жителей оставили его насильно или по доброй волѣ. Цѣна поземельной собственности также сильно упала, наравнѣ съ паденіемъ государственныхъ фондовъ. Даже въ кварталѣ Champs Elysées можно, говорятъ, купить землю по 45 франковъ за квадратный метръ *). Общій же характеръ «новаго Вавилона» мало измѣнился: развлеченій много, въ театрахъ новинки: «Fantasio», «Roi Carotte», «Rabagas».

«Rabagas» имѣетъ въ театрѣ Vaudeville успѣхъ чрезвычайный, хотя для дамъ «Rabagas» не очень-то занимательное зрѣлище, такъ какъ для полнаго уразумѣнія комедіи необходимо требуется хорошее знаніе современной исторіи и постоянное чтеніе политическихъ газетъ.

«Rabagas»—не только одно изъ лучшихъ произведеній талантливаго Сарду, но одна изъ самыхъ блестящихъ политическихъ сатиръ, когда-либо появлявшихся на сценѣ со временъ Аристофана. Впечатлѣніе, производимое комедіей, очень велико, республика еще многимъ противна во Франціи, къ ней еще не привыкли, и потому каждый день въ театрѣ Vaudeville происходитъ состязаніе между публикою.

*) Теперь въ этомъ кварталѣ цѣна земли колеблется отъ 1000 до 2000 франковъ за метръ. Не удивительно, что парижскіе буржуа не любятъ революцій и коммунаровъ.

Въ «Rabagas» большинство парижской критики отрицаетъ серьезную политическую подкладку и хочетъ видѣть только карикатуру на Гамбетту *). На дѣлѣ въ Рабагасѣ удачно собраны многія черты новѣйшихъ революціонныхъ дѣятелей; здѣсь, кромѣ Гамбетты, многое взято у Эмиля Оливье, у дѣятелей Коммуны, наконецъ, фабула комедіи, основанная на желаніи принца Монако faire de l'ordre avec du désordre — усмирить опозицію, поручивъ ей управленіе, развѣ не повторялась почти во всѣхъ странахъ съ тѣмъ же успѣхомъ? Развѣ въ Царствѣ Польскомъ и даже у насъ не было столь же неудачныхъ попытокъ, какъ выражается г. Катковъ, вступать въ соглашеніе «съ улицей». Эта всеобщность явленія, затрогиваемаго карикатурами «Rabagas'a», и даетъ послѣдней значеніе сатиры съ глубокимъ общественно-политическимъ смысломъ. Самый типъ Рабагаса—государственнаго человѣка изъ адвокатовъ въ Западной Европѣ, сталъ нынѣ господствующимъ во Франціи, Испаніи, Греціи, Италіи, конфисковавшимъ въ свою пользу правительство. И у насъ есть Рабагасы, но они еще въ эмбріонѣ.

*) Но и съ этой даже точки зрѣнія сатирикъ оказался пророкомъ. Когда Гамбетту призвали къ дѣламъ и онъ образовалъ такъ называемое le grand ministère, то не продержался и двухъ мѣсяцевъ.

Содержаніе комедіи Сарду состоитъ въ томъ, что принцъ Монако, утомившись недовольствомъ своего народа, требующаго реформъ и поджигаемаго радикальною газетою «La Carmagnole», по совѣту своей любовницы, американки миссъ Блоунтъ, рѣшается уволить перваго министра и сдѣлать таковымъ Рабагаса, рѣчистаго радикальнаго адвоката—идола монакской оппозиціи. Рабагасъ живо сдается на предложеніе двора, а разъ взявши въ руки власть, начинаетъ дѣйствовать противъ своихъ прежнихъ друзей и единомышленниковъ кавалеріей и картечью, онъ требуетъ полиціи, но не «сантиментальной».—«Я не вижу разницы въ перемѣнѣ, если все остается по-старому», говоритъ принцъ и хочетъ уволить Рабагаса. Послѣдній не такъ, однако, легко разстается съ портфелемъ.

Любовная интрига между дочерью принца и молодымъ придворнымъ офицеромъ, не особенно удачно, хотя и затѣйливо построенная, даетъ возможность Рабагасу продержаться въ министерствѣ еще цѣлую ночь, а комедіи растянуться на два лишнихъ акта, болѣе слабыхъ, чѣмъ первыя три дѣйствія *),

*) Сарду самъ убѣдился въ слабости этихъ дѣйствій и при возобновленіи комедіи въ 1898 г. въ частномъ спектаклѣ у г-жи Обернонъ онъ выпустилъ два послѣдніе акта и передѣлалъ третій, сконцентрировавъ весь интересъ пьесы на личности Рабагаса.

хотя и тутъ есть превосходныя сцены, какъ, напримѣръ, сцена, гдѣ бывшіе товарищи Рабагаса по редакціи, смотря по уходу одного изъ нихъ, мѣняютъ предположенную для будущей монакской республики форму правительства: тріумвиратъ на двухъ консуловъ, двухъ консуловъ на диктатуру.

Такихъ сценъ въ комедіи множество. Очень хорошо обрисованъ будущій начальникъ революціонной арміи, польскій генералъ, Петровльскій: «я говорю на всѣхъ языкахъ, кромѣ языка рабскаго», рекомендуетъ себя этотъ авантюристъ, сражавшійся за свободу и въ Южной, и въ Сѣверной Америкѣ и еще въ десяти мѣстахъ. «Побольше галуновъ на мундирѣ и побольше денегъ» — вотъ его девизъ. Съ натуры списаны и дѣятели редакціи радикальнаго листка, устроеннаго при либеральной полиціи: «Чѣмъ больше кричатъ они о политикѣ, тѣмъ больше пьютъ; чѣмъ больше пьяны, тѣмъ больше кричатъ», говоритъ ея хозяинъ.

Въ комедіи не выдумано ничего, всякое слово, каждая характеристика взята изъ революціонныхъ изданій и изъ событій послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, какъ, напримѣръ, забавныя мѣста во 2-мъ дѣйствіи, когда каждый, кто упомянетъ имя Бога въ редакціи газеты «La Carmagnole», долженъ платить штрафъ въ 50 сантимовъ, и самъ Рабагасъ

нечаянно подвергается этому штрафу, но ограничивается жестомъ покорности.

Сарду, какъ всѣ сатирики, любитъ вдаваться въ карикатуру, но дѣло исполнителей смягчать эту тенденцію тонкою игрою. Рабагасъ наглъ и самоувѣренъ до безконечности, но нигдѣ не является онъ шутомъ, или тѣмъ, что называютъ французы un cuistre. До послѣдняго момента Рабагасъ, какъ всѣ адвокаты, глубоко убѣжденъ, что можетъ быть великимъ министромъ, дипломатомъ, полководцемъ, словомъ, чѣмъ угодно.

Гренье, изображающій Рабагаса-Гамбетту, бывшій оперетточный пѣвецъ, отличавшійся въ репертуарѣ Оффенбаха, обладаетъ громовымъ пѣвучимъ голосомъ, напоминающимъ голосъ бывшаго диктатора. Увѣряютъ, что Петровльскій карикатура псевдогенерала Домбровскаго, командовавшаго войсками Коммуны. Я зналъ послѣдняго артиллерійскимъ офицеромъ въ Петербургской военной академіи. Сарду выставляетъ его трусомъ, но маленькій, живой и горячій Домбровскій — типичный полякъ — навѣрное былъ храбръ, какъ всѣ его соотечественники.

Воспоминаніе объ жидовской диктатурѣ Гамбетты возмущаетъ теперь многихъ и часть публики отъ души неистово аплодируетъ Рабагасу. Зато другая неистово свищетъ и шикаетъ. Шумъ продолжается весь спектакль и иногда такъ усиливается,

что актеры на-время останавливаются и ждутъ, пока отъ рева глотки протестантовъ не пересохнутъ; трудно передать шумъ, происходящій въ театрѣ: свистъ, крикъ и ругательства, особенно съ верховъ, не прекращаются ни на одну минуту до самаго конца представленія; послѣ каждыхъ словъ принца Монако происходилъ шумный перерывъ и старикъ Лафонъ, исполнявшій роль принца, терпѣливо стоялъ молча по нѣсколько минутъ, насмѣшливо поглядывая на верхи, пока не прекратится шумъ. Играетъ Лафонъ мастерски, чему помогаютъ и аристократическія манеры и добродушная иронія въ тирадахъ, особенно въ знаменитомъ разсказѣ 1-го дѣйствія, гдѣ принцъ объясняетъ отношенія къ нему оппозиціи. Очень мила и г-жа Антоненъ въ роли миссъ Блоунтъ, особенно въ сценѣ, гдѣ американка соблазняетъ Рабагаса изъ коновода оппозиціи сдѣлаться министромъ.

Я убѣдился въ чувствительности французовъ насчетъ патріотизма. Около меня въ креслахъ сидѣлъ какой-то толстякъ, очевидно провинціалъ; онъ восхищался пьесою и возмущался перерывами и шумомъ. Но когда въ концѣ комедіи Рабагасъ, оплеванный и выгнанный, объявляетъ принцу Монако, что уходитъ въ страну, гдѣ умѣютъ цѣнить людей его закала, и на вопросъ принца, что это

за страна? отвѣчалъ—Франція! мой провинціалъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— C'est trop! Mercі, messieurs les sifflеurs, закричалъ онъ, обращаясь къ бурно протестовавшему райку.

Въ «Le roi Carotte» дебютировала молодая еврейская пѣвица Жюдикъ съ замѣчательно красивыми большими черными глазами и чудною таліею. Ее, говорятъ, отыскали въ какомъ-то брюссельскомъ кафе-шантанѣ и предсказываютъ ей великую будущность и опереточное наслѣдство г-жи Шнейдеръ.

Въ рукахъ у всѣхъ «Figaro», который успѣлъ въ одинъ годъ продаться два раза и, не считая субсидій, выручить 350,000 фр. чистаго барыша; кучера такъ же величественны, гарсоны расторопны, кафе полны народа, особенно вечеромъ. Только псевдо-герцогини Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, разгуливающія по вечерамъ по тротуарамъ, не увѣряютъ, какъ прежде, иностранцевъ, что ихъ отцамъ были отрублены головы во время революціи 1848 года, но сваливаютъ все на Коммуну. Говорятъ, однако, что Парижъ недоволенъ, спокойствіе его — призрачное; люди опытные предсказываютъ новый переворотъ, который будто бы будетъ въ пользу монархіи или бонапартизма.

Мнѣ некогда было прислушиваться къ публичнымъ пересудамъ Парижа, тѣмъ болѣе, что въ Па-

ріжѣ усердно топили камины, а я поѣхалъ спеціально искать тепла, воздуха и зелени, для чего и выбралъ Испанію. На станціи Орлеанской желѣзной дороги даютъ билеты прямо до Мадрида. Весь переѣздъ совершается въ 36 часовъ; вагоны тѣсны и неудобны, и поневолѣ вспоминаешь о нашихъ грязенскихъ и царицынскихъ линіяхъ, гдѣ хотя и ломаютъ шеи исправно, зато не убиваютъ людей медленною смертью въ душныхъ вагонахъ. Путешествіе въ вагонахъ, даже перваго класса, въ южной Франціи и Испаніи—положительно пытка.

Вагоны были переполнены, и преимущественно испанцами. Это имѣло и свою хорошую сторону, потому что изъ разговоровъ можно всегда почерпнуть гораздо болѣе полезныхъ наставленій, нежели изъ гида. Я не разсчитывалъ на счастье одного русскаго публициста, который по дорогѣ изъ Бордо въ Парижъ сидѣлъ въ одномъ купэ съ Тьеромъ, Гамбеттой, Луи Бланомъ, Феликсомъ Піа и Трошю, случайно, какъ бы собравшимися, чтобы объяснить ему тонкости французской политики, и потому занялся чтеніемъ. Я познакомился съ писателемъ, подписывающимся четырьмя L. Книги его я купилъ на желѣзнодорожной станціи.

Подъ этимъ оригинальнымъ псевдонимомъ (Quatrelles) скрывается очень остроумный авторъ, фельетоны котораго въ «La Vie Parisienne» обратили

на него во Франціи общее вниманіе. Въ Россіи Катрель пока неизвѣстенъ, хотя фельетоны его, изданные въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, подъ названіемъ: «Voyage autour du grand monde» и «La vie au grand orchestre», можно рекомендовать любителямъ легкой французской литературы.

Легкая литература — легкая не въ смыслѣ содержанія, а въ смыслѣ формы—всегда составляла особую привилегію французовъ. Въ видѣ забавныхъ повѣстей Вольтеръ рѣшалъ самые глубокомысленные религіозные, политическіе и философскіе вопросы: «Candide», «Jenny» и проч. до сихъ поръ сохранили еще всю свѣжесть и пережили другіе, болѣе объемистые труды фернейскаго философа. Кромѣ этого литературнаго колосса, сатирическая литература являлась во Франціи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и очень часто въ шутливой формѣ была серьезнѣе, чѣмъ многотомная эрудиція нѣмецкихъ ученыхъ. Достаточно вспомнить, напримѣръ, политическіе памфлеты Поля Люи Курье, нанесшіе такіе тяжелые удары правительству реставраціи, или Кормнена (Тимонъ), сослужившіе ту же службу во время іюльской монархіи.

Съ развитіемъ ежедневной періодической печати общественная и политическая сатира все болѣе и болѣе сосредоточивается во Франціи въ фельетонѣ.

Уже Альфонсъ Карръ, г-жа Жирарденъ и другіе извѣстные фельетонисты 30-хъ и 40-хъ годовъ значительную часть своихъ фельетоновъ посвящали текущей политикѣ. Во время второй имперіи, когда періодическая печать была стѣснена до невѣроятности, а появленіе отдѣльныхъ политическихъ памфлетовъ стало почти немыслимо, фельетонъ сдѣлался чрезвычайно удачною формою для проведенія опозиціонныхъ идей; самая придирчивая цензура не могла угоняться за тѣмъ, что публика выучилась читать между строками и понимать по самымъ тонкимъ намекамъ; фельетонъ же въ смыслѣ легкой болтовни «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ», замѣчательнѣйшимъ представителемъ котораго остается Лео Леспесъ (Тимотэ Триммъ), фельетонистъ входящаго въ моду «Petit Journal», отошелъ на второй планъ и сдѣлался удѣломъ печати, разсчитанной на полуобразованный классъ читателей.

Въ числѣ многочисленныхъ дѣятелей на поприщѣ политическаго фельетона—туда вторгались даже такіе писатели, какъ Люп Вёльо («Les oiseurs de Paris») — наиболѣе талантливыми остаются: Эдуардъ Локруа, нынѣ членъ Національнаго Собранія, и Анри Рошфоръ, отправленный въ ссылку въ каторжныя работы въ Новую Каледонію. Остроумнѣйшіе фельетоны перваго собраны въ книгѣ подъ

названіемъ «Les aigles du Capitole», чрезвычайно ѣдкой сатирѣ наполеоновскаго режима. Рошфоръ изъ своихъ фельетоновъ, уже болѣе мелкихъ по мысли, составилъ три сборника: «Les français de la décadence», «La grande bohême» и «Les signes du temps». Въ этихъ очеркахъ менѣе рѣзкости, но зато несравненно болѣе соли и таланта, чѣмъ въ пресловутыхъ «Lanternes» и статьяхъ въ Mot d'Orde» во время Коммуны. Очевидно, что создать подобный жанръ могли только особыя политическія условія Франціи въ 60-хъ годахъ, и бывшіе фельетонисты не справились съ задачею чисто-политическихъ публицистовъ, которая открывалась для нихъ заграницею или послѣ Второй Имперіи. Что для этого рода литературы потребны условія, препятствующія другимъ видамъ литературы, можно прослѣдить и въ другихъ странахъ: Коббетъ въ Англіи, Гейне и Бёрне—въ Германіи имѣютъ теперь серьезныхъ преемниковъ.

Литературный фельетонъ развивался во Франціи параллельно съ политическимъ и нашелъ себѣ даровитѣйшаго представителя въ послѣднее время въ Гюставѣ Дроза, который посвящаетъ себя отчасти и роману. «Monsieur, Madame et Bebé» и «Entre nous» Дроза—хорошо извѣстны русскимъ читателямъ, вызвавъ своимъ успѣхомъ («Monsieur, Madame и Bebé» въ короткій срокъ имѣлъ болѣе

сорока изданій) не мало подражателей, также очень талантливыхъ. Очень немногіе изъ нихъ, однако, не захватываютъ, хотя бы слегка, и политическихъ вопросовъ въ своихъ фельетонахъ. Между писателями этого рода можно указать на двухъ братьевъ Додэ (Альфонсъ болѣе талантливъ), Галеви, извѣстнаго сотрудника Мельяка по либретто оффенбаховскихъ опереттъ, написавшаго рядъ занимательныхъ разсказовъ, собранныхъ въ книгѣ, названной по двумъ лучшимъ разсказамъ: «M. et M-me Cardinal» и, наконецъ, Катреля.

По поводу эпизода въ «M. и M-me Cardinal», гдѣ г-жа Кардиналь въ моментъ взятія Парижа переодѣваетъ и прячетъ своего мужа, ставшаго изъ сутенера мировымъ судьей при Коммунѣ, я убѣдился, что такая предусмотрительность была весьма не лишняя.

Мнѣ во время моего пребыванія въ Парижѣ показывали Saint-Lazare, старинное зданіе временъ Людовика XIV, служившее политическою тюрьмою во время первой Революціи (оно даже изображено въ знаменитой картинѣ La dernière charette). Это зданіе теперь одновременно и больница и тюрьма для публичныхъ женщинъ, находящихся въ совершенно рабской зависимости отъ полиціи. Ничего особеннаго оно не представляетъ, кромѣ своихъ весьма антигигіеническихъ условій. Показывая жи-

денькій садъ около тюрьмы, но еще въ стѣнахъ ея, мнѣ сообщили, что это садъ для смотрителя тюрьмы, и разсказали слѣдующій траги-комическій эпизодъ.

Когда Коммуна овладѣла Парижемъ, тогда всѣ правительственные чиновники бросили свои мѣста, руководствуясь приказаніемъ изъ Версаля. Ушелъ и смотритель Saint-Lazare'a. На мѣсто его явился какой-то молодой человѣкъ и важно, отъ имени Коммуны, взялъ въ руки бразды правленія; онъ немедленно выгналъ вонъ монахинь, ухаживающихъ въ тюрьмѣ и больницѣ, а затѣмъ весьма либерально распустилъ всѣхъ заключенныхъ въ тюрьму, оставивъ при себѣ изъ нихъ только двухъ или трехъ хорошенькихъ. Надобно замѣтить, что въ эту тюрьму попадаютъ и женщины съ весьма громкими именами.

Два мѣсяца смотритель катался какъ сыръ въ маслѣ, но какъ-то въ концѣ мая, на разсвѣтѣ, версальцы проникли въ Парижъ, обойдя съ тылу почти всѣ баррикады. Рано утромъ въ Saint-Lazare пришелъ взводъ солдатъ съ офицеромъ.—Кто здѣсь начальникъ? спросилъ офицеръ.

— Я начальникъ! не безъ апломба отвѣчалъ импровизированный смотритель.

— А это вы, говоритъ офицеръ, такъ не угодно ли пожаловать въ садъ.

Смотритель идетъ въ недоумѣніи; тамъ его среди кустовъ сирени ставятъ у стѣнки, затѣмъ, раздается залпъ: памъ! памъ! И душа коммунара безъ длинныхъ церемоній отправляется въ Нирвану. Скоро, милостиво и справедливо! сказалъ бы горбуновскій купецъ. А такихъ случаевъ насчитываютъ во время взятія Парижа сотни.

Но вернемся къ болѣе веселому Катрелю, настоящее имя котораго Лэпинъ. Онъ былъ секретаремъ герцога де-Морни и въ качествѣ такового пріѣзжалъ на коронацію въ Москву въ 1856 году *).

Катрель болѣе всего подходитъ, по своему жанру, къ мелкимъ разсказамъ Гюстава Дроза, хотя и слабѣе послѣдняго по таланту. У Катреля, быть можетъ болѣе остроумія, но нѣтъ тонкаго психологическаго анализа, дѣлающаго Дроза однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей современной Франціи; кромѣ того, Катрель несравненно однообразнѣе Дроза. Первые фельетоны Катреля собраны въ 1870 году въ отдѣльной книжкѣ «Voyage autour du grand Monde». Большой свѣтъ Катреля—та громкая по титуламъ и распущенная по жизни аристократія, которая выросла въ офиціальной атмосферѣ Второй Имперіи. Катрель очерчи-

*) Въ 80-хъ годахъ Катрель, нынѣ умершій, издалъ интересное описаніе этого путешествія въ особой книгѣ.

ваетъ ее мастерски, особенно женскіе типы фривольныхъ барынь, помѣшанныхъ на нарядахъ и копирующихъ кокотокъ. Лучшіе разсказы книги посвящены описанію того, какъ нѣсколько подобныхъ великосвѣтскихъ дамъ, утомившись удовольствіями, устроили себѣ для потѣхи благотворительное общество, названное L'oeuvre du Chemin de Damas. Дальнѣйшимъ похожденіямъ этихъ дамъ и посвящена большая часть книги. Тутъ описаны аристократическія похороны, морскія купанья, прогулка въ дилижансѣ и т. п. Все это служитъ матеріаломъ для забавныхъ и пикантныхъ сценъ. Въ цѣломъ вся серія разсказовъ представляетъ довольно разнообразную характеристику новой финансовой и чиновной аристократіи, замѣнившей въ XIX вѣкѣ старую, феодальную.

Въ этой же книгѣ помѣщено нѣсколько сатиръ болѣе политическаго содержанія. Въ «Le petit lever du baron», напримѣръ, описывается нѣкій администраторъ, весьма любезный къ женщинамъ и занятый сочиненіемъ брошюры «La liberté par le Pape». Другой разсказъ «La Sauce» посвященъ описанію дипломатическаго конгреса при Наполеонѣ V, гдѣ министръ иностранныхъ дѣлъ изобрѣтаетъ, при помощи повара, какой-то удивительный соусъ, приводящій всѣхъ дипломатовъ къ единодушному соглашенію относительно протектората

Франціи надъ Антильскими островами. Весьма злая сатира режима Второй Имперіи заключается въ разсказѣ «Plaisir du Roi», гдѣ описанъ фантастическій маскарадъ, данный будто бы въ 1904 году въ Мюнхенѣ скучающему короля Іоанну II (читай Наполеону III-му) министромъ промышленности и путей сообщенія, по мысли жены послѣдняго. Весьма комично описаніе самаго маскарада, гдѣ безконечный рядъ просителей, будто бы не узнавая короля, болѣе или менѣе искусно передаютъ ему свои просьбы. Разсказъ заканчивается нѣсколько рискованной сценой въ спальнѣ баронессы, гдѣ господинъ въ черномъ спасаетъ репутацію баронессы.

Въ прошломъ году вышелъ новый томъ разсказовъ Катреля, подъ заглавіемъ «La vie au grand Orchestre», распредѣленныхъ, по содержанію, на семь симфоній: героическую, патетическую и т. д. Многіе изъ этихъ новыхъ очерковъ также очень остроумны. Въ нихъ по большей части дѣйствуютъ тѣ же лица, какъ въ разсказахъ «Voyage autour du grand monde». Самый интересный разсказъ — «Saint-Germain contre Saint-Honoré», описывающій забавный пассажъ, какъ нѣсколько «папскихъ зуавовъ» изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья хотѣли познакомиться поближе съ имперіалистскою псевдо-аристократіей и переодѣлись для того ла-

кеями, нанимаемыми въ подмогу для прислуги на большихъ обѣдахъ и балахъ. Коварный планъ этотъ былъ узнанъ, и герцогиня Тильзитская, хозяйка дома, разослала приглашенія чуть не «всему Парижу», чтобъ публично насладиться изобличеніемъ дерзкихъ юношей. Сцены неловкости импровизированной прислуги во время обѣда презабавны. Дѣло кончается, однако, въ пользу легитимистовъ: подкупивъ горничную, они провѣдали о женскихъ замыслахъ и затѣмъ спрятались въ спальнѣ герцогини въ шкафу, въ то время, когда всѣ пріятельницы герцогини переодѣвались послѣ обѣда къ балу. Послѣ длинныхъ переговоровъ «зуавы» ушли изъ шкафа съ закрытыми глазами, но зато удачно избѣжали ожидавшаго ихъ публичнаго скандала, а Сенъ-Жерменское предмѣстье такъ и осталось во враждѣ съ предмѣстьемъ Сентъ-Оноре.

Очень забавны еще разсказы «Une Escapade»—о томъ, какъ одна великосвѣтская барыня рѣшилась бѣжать отъ мужа, но возвратилась, потому что любовникъ ея позабылъ посовой платокъ и своимъ критическимъ положеніемъ охладилъ жаръ молодой аристократки, и «La Légende du lancier Griespach»—о томъ, какъ Наполеонъ III замѣтилъ на парадѣ въ кирасирскомъ полку солдата въ уланскомъ мундирѣ, какъ вопросъ императора, передаваемый черезъ десятки устъ, по порядку по-

степенности, чуть не довелъ бѣднаго улана до позорнаго наказанія, и какъ отвѣтъ, передаваемый тѣмъ же путемъ, такъ, наконецъ, исказился, что Наполеонъ III, позабывъ уже о чемъ идетъ рѣчь, приказалъ наградить улана орденомъ. Еще характернѣе три разсказа, образующіе реалистическую симфонію; тутъ выведены оригинальные типы современнаго Парижа: «La Secheuse» — барыня, которая беретъ даромъ сырыя квартиры въ богатыхъ домахъ и сушитъ ихъ насчетъ здоровья и кармановъ своихъ гостей; «La Lanceuse»—другая барыня, спеціальность которой носить, чтобъ вводить въ моду, самыя эксцентрическіе и, конечно, даровые костюмы, и «Le coudeur de têtes»—фотографъ, продающій неприличныя карточки съ головами свѣтскихъ дамъ и наталкивающійся при продажѣ на мужа одной изъ нихъ. Всѣ эти разсказы написаны, конечно, трудно передаваемымъ парижскимъ жаргономъ и теряютъ очень много въ переводѣ.

III.

Паденіе Тьера.

Я вышелъ изъ театра Variétés (24 мая 1873 г.) и увидѣлъ необычайное оживленіе на бульварахъ; толпа рвала газеты, дававшія отчетъ о третьемъ въ томъ же днѣ засѣданіи въ версальскомъ національномъ собраніи. Повсюду раздавались крики: la demission de M. Thiers! А послѣ раздавались довольно робкіе голоса: à bas les cléricaux! Такого оживленія на улицахъ Парижа я не видалъ со времени войны.

Царствованіе такъ-называемаго «Provisoire le Petit» съ его излишнимъ старческимъ краснорѣчіемъ и непопулярными министрами окончательно, повидимому, прискучало французамъ и вниманіе общества обратилось къ конституціоннымъ вопросамъ, вопреки обѣщанію, данному собраніемъ въ Бордо, не касаться ихъ вовсе ранѣе окончатель-

наго переустройства администраціи, финансовъ и военныхъ силъ.

Интрига противъ Тьера была ведена очень искусно и его паденіе поразило всѣхъ. Не подлежало сомнѣнію, что въ собраніи поднимется немедленно вопросъ о возстановленіи монархіи.

Истинное значеніе парламентскаго переворота скоро выяснилось. Побѣдивъ правительство Тьера большинствомъ всего четырнадцати голосовъ, монархическая коалиція не рѣшилась сразу обнаружить истинную цѣль своихъ замысловъ, такъ какъ для пораженія либеральнаго правительства ей пришлось прибѣгнуть къ помощи бонапартистской партіи, располагавшей въ Національномъ собраніи слишкомъ двадцатью голосами. Но во Франціи, какъ и вездѣ, никогда не было недостатка въ людяхъ, спѣшившихъ предлагать свои услуги всѣмъ, кто оставался въ данный моментъ побѣдителемъ, и въ настоящемъ случаѣ успѣхъ партіи «нравственнаго порядка», или, вѣрнѣе, монархической, возросталъ такъ быстро, что черезъ два мѣсяца она располагала уже въ національномъ собраніи большинствомъ приблизительно въ 100 голосовъ и не будь случайно графъ Шамборъ и Макъ Магонъ такъ ограниченны, монархія была бы навѣрное возстановлена, вопросъ только—надолго ли?

Если ее не возстановили ранѣе, то причиною тому Тьеръ, котораго между тѣмъ считали всегда монархистомъ, хотя онъ былъ только честолюбцемъ.

Жизнь этого государственнаго дѣятеля весьма любопытна.

Либералъ и горячій поклонникъ величайшаго зла, разъѣдающаго столѣтія Францію — централизаціи, врагъ іезуитовъ и защитникъ свѣтской власти папъ, конституціоный министръ и панегиристъ Наполеона I и даже Робеспьера, опозиціонный журналистъ, академикъ и защитникъ цензуры, самый воинственный министръ въ палатѣ и самый миролюбивый въ дѣйствительности, протекціонистъ во имя принциповъ, а не во имя интересовъ— таковъ государственный человѣкъ, котораго Франція выставила въ 1870 г. какъ самаго опытнаго и благоразумнаго, поручивъ ему въ высшей степени деликатное дѣло умиротворенія партій.

«Тьера не качала на рукахъ герцогиня, когда онъ родился», говоритъ Корменень. Сынъ слесаря и неудавшійся адвокатъ, Тьеръ искалъ случая отличиться. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Франціи прискучило, по обыкновенію, довольствоваться своимъ правительствомъ. Либерализмъ былъ въ большомъ ходу, и доктринеры, обратившіеся черезъ нѣсколько лѣтъ въ злѣйшихъ враговъ свободы, бунтовали.

Тьеръ сдѣлался писателемъ и журналистомъ. Его «Исторія Революціи» и до сихъ поръ осталась хорошимъ описаніемъ великой эпохи; но недостатки сочиненія не уменьшились отъ времени. Какъ журналиста, его выдвинулъ 1830 годъ. Не смотря на могущественное покровительство Лаффита, съ которымъ онъ потомъ рѣзко разошелся, безъ революціи Тьеръ, вѣроятно, остался бы навсегда писателемъ. Во время іюльскаго переворота Тьеру принадлежалъ знаменитый протестъ журналистовъ, въ которомъ его искусное перо съумѣло соединить осторожность и твердость, большую энергію съ ловкою умѣренностью.

Торжество буржуазіи сдѣлало его депутатомъ и министромъ и выдвинуло на политическое поприще.

Въ первый разъ попробовалъ Тьеръ свой ораторскій талантъ по поводу преній въ сентябрѣ 1831 года о политикѣ правительства относительно мятежа въ Польшѣ. Подъ вліяніемъ Тьера, пренія палаты, долго возбуждавшія вниманіе Парижа и всей Европы, окончились рѣшеніемъ, которымъ палата одобрила невмѣшательство въ польскія дѣла.

Несмотря на свое плебейское пропсхожденіе, Тьеръ явился ярымъ защитникомъ наслѣдственности званія пера. Труды его не пропали даромъ, и 11-го октября 1832 года онъ въ первый разъ

является министромъ. Ему досталось министерство внутреннихъ дѣлъ. Люи Бланъ объясняетъ очень хорошо, какъ по совѣту Талейрана, правительство нарочно выставило Тьера впередъ, надѣясь найти въ немъ своего покорнаго слугу, а по манерамъ— человѣка, пріятнаго буржуазіи.

Тьеръ не былъ доктринеромъ, и потому, не смотря на свою систему управленія, онъ никогда не встрѣчалъ такого осужденія со стороны династической и республиканской опозиціи въ палатѣ, какъ его политическій противникъ Гизо.

Отстаивая съ большимъ краснорѣчіемъ стѣснительные законы о книжной торговлѣ, печати и политическихъ обществахъ, не пользуясь расположеніемъ палаты, Тьеръ согласился на амнистію по всѣмъ политическимъ преступленіямъ, чѣмъ вызвалъ министерскій кризисъ.

Черезъ три дня послѣ отставки, онъ вступилъ въ то же министерство, самымъ темнымъ дѣломъ котораго было преслѣдованіе герцогини Беррійской. Исторія рыцарски-безумной попытки возмущенія Вандеи, сдѣланной герцогиней, всѣмъ извѣстна. Тьеръ подкупилъ Дейца, указавшаго домъ, гдѣ скрывалась въ Нантѣ герцогиня, и одобрилъ рядъ мѣръ, хотя уронившихъ герцогиню въ глазахъ упорной легитимистской партіи, но и посрамившихъ тогдашнее французское правительство въ глазахъ Европы.

Вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Франціи въ дѣла Испаніи заставилъ Тьера выйти въ отставку. Франція была въ этомъ случаѣ связана формальнымъ трактатомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Quadruple Alliance, но всѣ воинственныя представленія Тьера оставлены были безъ послѣдствій миролюбивымъ Луи-Филиппомъ, на смотря на сильную поддержку со стороны герцога Орлеанскаго.

Тьеръ организовалъ тогда особую партію, подъ названіемъ лѣваго центра палаты, которая, сходясь съ правою стороной въ нежеланіи реформъ, хотѣла, чтобъ во внѣшнихъ дѣлахъ Франція имѣла внушающій видъ и слѣдовала наполеоновскимъ традиціямъ.

Въ это время Тьеръ явился горячимъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ и своею опозиціей проекту правительства, представленному въ февралѣ 1837 года, постройки важнѣйшей сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ, задержалъ на нѣкоторое время это въ высшей степени полезное дѣло. Тьеръ, какъ и нашъ Канкринъ, находилъ, что желѣзныя дороги способны только возбудить праздное бродяжничество и не могутъ принести никакой пользы торговлѣ. Аргументы, высказанные тогда громогласно въ палатѣ, нельзя читать теперь безъ смѣху.

Чтобъ опрокинуть министерство Молѐ, Тьеръ присталъ къ «коалиціи», организованной Дювержье

де-Горанкомъ, и въ этомъ случаѣ сошелся даже съ Гизо. Но, единодушные при нападеніи, они немедленно разошлись, когда пришлось работать вмѣстѣ, чему, впрочемъ, помогалъ и король, нежелавшій стать подъ руководство тронхъ значительнѣйшихъ тогда государственныхъ людей Франціи.

Послѣ напрасныхъ попытокъ образовать какое-либо прочное министерство, въ мартѣ 1840 года, Луи-Филиппъ поручилъ Тьеру составить самостоятельный кабинетъ. Наполнивъ министерство своими людьми, Тьеръ не попалъ во вкусъ палатѣ, которой былъ обязанъ своимъ торжествомъ, оставшись антипатичнымъ королю, которому вовсе не нравилось созданное Тьеромъ положеніе: le roi règne, mais ne gouverne pas. Палата выказала свою опозицію въ вопросѣ о тайномъ фондѣ и превращеніи ренты.

Тьеру принадлежала въ это время мысль, отозвавшаяся впослѣдствіи самымъ тяжкимъ образомъ на Франціи, о перенесеніи съ острова св. Елены въ Парижъ праха Наполеона I. Плодомъ этого перенесенія была первая попытка принца Луи-Наполеона, а затѣмъ и возбужденіе того бонапартистскаго фетишизма, который такъ легко привелъ Францію ко Второй Имперіи.

Въ перенесеніи Наполеонова праха Тьеръ видѣлъ политическое оружіе для своихъ замысловъ на Востокѣ, гдѣ французская политика поддержи-

вала Мехмета-Али въ его энергической борьбѣ съ султаномъ. Договоромъ 15-го іюля лордъ Пальмерстонъ, сойдясь съ Россіей, ловко перехитрилъ, однако, французское правительство.

Извѣстіе о договорѣ произвело величайшее волненіе во Франціи. Армія была приведена на военное положеніе, и мысль о покоренін лѣваго берега Рейна обсуждалась серьезно. Но военный азартъ былъ вызванъ только для того, чтобъ напугать европейскіе кабинеты. Видя, что четыре великія державы, подписавшія договоръ, рѣшились смѣло встрѣтить всякую опасность, Тьеръ смягчилъ свой тонъ и, какъ ни было это тяжело для національной гордости и его личнаго самолюбія, снова вступилъ на дорогу мира.

Такой оборотъ былъ тѣмъ непріятнѣе, что Мехмету-Али, получившему формальныя обѣщанія отъ французскаго правительства, уже поздно было отступить отъ своихъ претензій. Бомбардированіе англичанами Бейрута снова вызвало взрывъ военнаго одушевленія во Франціи, но Тьеру не удалось побѣдить упорство короля, желавшаго, по выраженію Тьера, la paix à tout prix. Своимъ выходомъ въ отставку Тьеръ сохранилъ часть народнаго расположенія къ себѣ, а съ другой стороны поступилъ весьма благоразумно, не отстаивая портфеля цѣною своей репутаціи.

Въ это время ему пришла мысль осуществить давно желанный проектъ укрѣпить Парижъ. Никто, конечно, не подозрѣвалъ тогда, что укрѣпленія эти могутъ очень и очень пригодиться современемъ и опозиція считала укрѣпленія эти направленными исключительно противъ враговъ внутреннихъ. Проектъ былъ исполненъ, впрочемъ, слѣдующимъ министерствомъ.

Паденіе Тьера было весьма знаменательно, потому что палата допустила пасть человѣку, котораго она сама навязала коронѣ, а, напротивъ, Гизо, навязаннаго правительствомъ, приняла первымъ министромъ. Такимъ образомъ рушилось парламентское правленіе, котораго Франція достигла-было на мгновеніе. Хотя Гизо въ запискахъ своихъ силился доказать свою полную самостоятельность, но несомнѣнно, что Луи-Филиппъ водилъ его всегда за носъ.

Сдѣлавшись руководителемъ опозиціи, Тьеръ нанесъ много сильныхъ ударовъ правительству по вопросамъ марокскому, отаитскому, о правѣ осмотра военными судами и въ особенности предложеніемъ объ исполненіи узаконеній противъ іезуитовъ.

Когда началось реформистское движеніе, Тьеръ одобрялъ его, но лично въ банкетахъ не участвовалъ. Рѣчи Тьера, рѣзко критиковавшія всю финансовую и внѣшнюю политику іюльскаго прави-

тельства, безъ сомнѣнія, ускорили взрывъ февральской революціи. Призванный 24-го февраля составить министерство, онъ убѣдилъ короля согласиться на избирательную реформу, но было уже поздно. Республика отняла власть изъ рукъ Тьера, о которомъ Шатобріанъ сказалъ весьма зло, что онъ сидѣлъ sur la monarchie contrefaite de Juillet comme un singe sur le dos d'un chameau!

Провозглашеніе республики въ то время, когда во Франціи, кромѣ нѣсколькихъ журналистовъ и молодежи, не было вовсе республиканцевъ, поставило Тьера въ совершенно особое положеніе. Онъ одинъ изъ министровъ іюльской монархіи выплылъ среди общаго крушенія и сдѣлался руководителемъ консервативной партіи, невѣроятно испуганной революціею.

Вслѣдствіе стараній республиканскаго министерства, Тьеръ не попалъ-было въ учредительное собраніе, но на дополнительныхъ выборахъ, въ іюнѣ 1848 года, вошелъ въ палату въ одно время съ принцемъ Луп-Наполеономъ. Сознавая опасность соціалистическихъ идей, Тьеръ принялъ на себя докладъ по знаменитому предложенію Прудона о налогѣ на доходы и написалъ книгу «О собственности», представляющую, впрочемъ, мало новаго и самостоятельнаго. Тьеръ принялъ также участіе въ обсужденіи знаменитаго вопроса о правѣ

на трудъ, причемъ снова высказалъ свое profession de foi, готовность искренно поддерживать какое угодно прочное правительство.

Въ дѣйствительности, однако, его партія создала послѣдовательно рядъ законовъ, неизбѣжно приведшихъ февральскую республику къ гибели. При обсужденіи конституціи Тьеръ сильно отстаивалъ представительство арміи. Когда дѣло дошло до избранія президента, онъ, вмѣстѣ съ главными представителями консервативной партіи, высказался за Луи-Наполеона Бонапарта, съ которымъ разошелся не ранѣе 1851 года.

Когда возникъ вопросъ о войнѣ изъ-за Италіи, Тьеръ явился ея сильнѣйшимъ противникомъ, приводя обыкновенные свои аргументы, что время упущено, либо Австрія сдѣлалась настолько сильною, что ее слѣдовало уже опасаться. Когда дѣло дошло до римской экспедиціи, Тьеръ вполнѣ признавалъ ея необходимость и съ необходимостью возстановленія папы.

Смерть Луи-Филиппа послужила поводомъ къ поѣздкѣ его въ Кларемонтъ, гдѣ обсуждался вопросъ о такъ-называемомъ «сліяніи» для возстановленія Орлеанской династіи. Онъ сильно настаивалъ затѣмъ на ограниченіи всеобщей подачи голосовъ, чѣмъ воспользовался вскорѣ въ свою пользу президентъ республики. Все большій и большій

произволъ послѣдняго открылъ, наконецъ, глаза Тьеру. «Если національное собраніе», сказалъ онъ по поводу незаконнаго увольненія Шангарнье, «покажетъ на этотъ разъ трусость, имперія готова».

Имперія, дѣйствительно, была близка; 2-го декабря Тьеръ былъ арестованъ и, вмѣстѣ съ 80-ю вліятельнѣйшими депутатами и журналистами, высланъ заграницу. Имперія надолго прервала его политическую карьеру.

Оставаясь неравнодушнымъ зрителемъ дальнѣйшихъ событій, Тьеръ посвятилъ себя литературной дѣятельности. Крымская война заслужила его одобреніе; онъ видѣлъ въ ней вознагражденіе за неудачи, понесенныя Франціей въ 1840 году въ восточномъ вопросѣ; но итальянская война 1859 года и единство Италіи встрѣтили въ немъ рѣзкаго порицателя, что неоднократно подтверждалъ онъ потомъ и на трибунѣ. Моральная поддержка, оказанная Франціей польскому возстанію 1863 г., также не была имъ одобрена.

Онъ оканчивалъ въ это время одинъ томъ за другимъ своей «Исторіи консульства и имперіи», начатой еще въ сороковыхъ годахъ и написанной съ большимъ талантомъ. Но только съ XVIII тома сталъ онъ относиться съ рѣзкою критикой къ императорской политикѣ, совершенно противуположно съ его прежними панегириками. Но болѣе здравое

пониманіе событій не сдѣлало его болѣе точнымъ и безпристрастнымъ историкомъ. Ж. Барни и Лан-фре очень хорошо показали ошибки, которыми переполнено повѣствованіе Тьера, имѣющее, впрочемъ, внѣшнія достоинства, ясность и картинность. Никто не описывалъ такъ хорошо сраженій и не зналъ такъ хорошо исторической перспективы.

Въ 1863 году Тьеръ рѣшился снова выступить на парламентское поприще. Онъ былъ принятъ въ законодательномъ собраніи съ почетомъ и хотя считался въ опозиціи, но въ вопросахъ экономическихъ, въ особенности о таможенномъ покровительствѣ, не разъ руководилъ большинствомъ законодательнаго корпуса.

Замѣчательнѣйшія рѣчи были произнесены Тьеромъ въ 1864 году—о безумной мексиканской войнѣ, въ 1865 г.—о римскомъ вопросѣ, въ 1866 г.—о необходимыхъ политическихъ реформахъ, жалкомъ положеніи земледѣлія и о германскихъ дѣлахъ. Въ 1867 и 1868 годахъ, въ своихъ рѣчахъ онъ касался болѣе вопросовъ бюджета и протекціонизма, горячимъ поклонникомъ котораго онъ оставался постоянно.

Въ рѣчи о римскомъ вопросѣ Тьеръ порицалъ весьма рѣзко единство Италіи, хотя еще въ 1848 г. громко заявлялъ съ трибуны, что великое несчастіе для Франціи состоитъ въ томъ, что Италія

сомнѣвается въ желаніи видѣть ее независимой, единой и свободной. Въ рѣчи о Пруссіи онъ разжигалъ стремленіе французовъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Германіи.

На выборахъ 1869 года Тьеръ потерпѣлъ сначала пораженіе, такъ-какъ либеральная партія находила поведеніе его въ палатѣ недостаточно независимымъ. Выбранный однако при перебаллотировкѣ, онъ удивилъ всѣхъ въ началѣ войны своею рѣчью, гдѣ высказался противъ войны съ Пруссіей.

Тьеръ рисковалъ въ этомъ случаѣ остатками своей популярности, но, къ несчастью для Франціи, обстоятельства вполнѣ оправдали его пророчество. Въ этомъ случаѣ онъ не ссылался впрочемъ на великіе принципы гуманности и невмѣшательства, но находилъ, что Франція еще не готова къ войнѣ. Рѣчь эта выдвинула его вновь и правительство національной обороны поручило ему объѣхать важнѣйшіе дворы для пріисканія союзниковъ. Между прочимъ Тьеръ былъ и въ С.-Петербургѣ, гдѣ былъ принятъ вѣжливо, но холодно.

Хотя поѣздка Тьера не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ, но онъ обратилъ все-таки на себя вниманіе, какъ самая замѣтная изъ историческихъ личностей Франціи, остававшихся въ живыхъ въ моментъ паденія Имперіи, и, когда неспособность самозванаго правительства національной обороны

выяснилась вполнѣ, національное собраніе поставило безъ всякихъ споровъ Тьера во главѣ новаго временнаго правительства.

Тьеръ оказалъ сначала большія услуги; съ большою энергіею онъ подавилъ возстаніе Коммуны; ему удалось даже подтвердить при этомъ одну изъ своихъ любимыхъ идей, что бунты въ Парижѣ надобно побѣждать сосредоточивши войска внѣ, а не внутри города. Но затѣмъ честолюбіе погубило его: не довольствуясь званіемъ главы, а затѣмъ президента республики, онъ пожелалъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и главою кабинета и ораторомъ большинства, навязывая въ дѣйствительности большинству свои собственныя мнѣнія.

Давно парламентская исторія Франціи не представляла такого печальнаго зрѣлища, какъ во время преній въ національномъ собраніи по поводу налога на сырье. Главная вина въ столкновеніи правительства съ палатою пала именно на Тьера, который, въ своемъ рвеніи провести любимую финансовую теорію. забылъ опытность и разсудительность стараго министра и государственнаго дѣятеля. Между тѣмъ вопросъ о пошлинѣ на сырье далеко не былъ такого свойства, чтобъ ставить изъ-за него на карту весь правительственный порядокъ Франціи, сложившійся съ такимъ трудомъ послѣ бордоскаго договора и подкрѣпленный извѣстнымъ предложеніемъ Рive.

Правительство Тьера состояло изъ однихъ отсталыхъ и брюзгливыхъ стариковъ, руководимыхъ ловкимъ и честолюбивымъ Мабусаиломъ. Подъ видомъ возмездія Англіи за ея коварное равнодушіе во время войны и возстановленія финансовыхъ силъ Франціи, друзья Тьера задумали провести идеи, которыя они отстаивали еще въ 20-хъ годахъ подъ руководствомъ Сенъ-Крика. Хотя Тьеровскіе министры отличались отъ папскихъ министровъ тѣмъ, что признавали систему Коперника, но дальнѣйшія усовершенствованія наукъ не очень-то приходились имъ по душѣ. Такъ при посѣщеніи городского управленія въ Люксамбургѣ, Тьеръ, отрицавшій нѣкогда изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ и называвшій ихъ «забавой дураковъ», снова отвергалъ роль желѣза въ постройкахъ, т. е. весь столѣтній прогресъ строительной механики!

Тьеръ съ друзьями провели, хотя и въ искаженной формѣ, свои завѣтныя идеи. Послѣдствія, однако, вовсе не оправдали ихъ предсказаній.

Система, которую Тьеръ защищалъ съ такимъ искусствомъ и упрямствомъ въ собраніи, оказалась весьма тягостною. Сахаръ, соль, вино, спички, табакъ, бумага, керосинъ, проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, почта—составляютъ существенныя потребности каждаго человѣка; между тѣмъ ихъ-то и поспѣшило по его настоянію усиленно обложить націо-

нальное собраніе, руководствуясь тѣмъ софизмомъ, что косвенный налогъ, раздробленный на безчисленное множество копѣечныхъ уплатъ, совершенно нечувствителенъ для плательщиковъ. Развитіе косвенныхъ налоговъ требуетъ содержанія огромной администраціи, обходится очень дорого по расходамъ взиманія, а поощряя контрабанду и корчемство, онъ дѣйствуетъ на населеніе развращающимъ образомъ.

Тьеръ очень любилъ ораторствовать въ собраніи. Онъ настойчиво нѣсколько разъ требовалъ прекращенія преній, обращая публичное обсужденіе какого-либо важнаго вопроса въ комедію, представляемую будто бы только для вида. Въ вопросахъ, гдѣ болѣе или менѣе были заинтересованы личные интересы каждаго депутата, и весьма существенно, Тьеръ, отговариваясь государственною необходимостью, которая прикрывала во Франціи не только всѣ злоупотребленія, но и гильотину, просилъ палату рѣшать дѣло не задумываясь, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ—де истощаетъ свои силы на усердную службу Франціи.

Худо или хорошо было составлено національное собраніе въ Версали.—это, конечно, вопросъ: но, каково бы оно ни было, собраніе не могло существовать, не унижая себя передъ страной и избирателями на степень наполеоновскаго Сената,

если во всѣхъ существенныхъ вопросахъ глава исполнительной власти могъ являться въ засѣданія и вымогать голоса большинства, только ради своихъ почтенныхъ сѣдинъ и слабаго здоровья.

Тьеръ, какъ ораторъ, былъ не разъ превосходно описываемъ Люп-Бланомъ, Несторомъ Рокепланомъ и лучше всего Кормененомъ, великимъ мастеромъ по этой части.

Рѣчи Тьера — собственно не рѣчи, а скорѣе — бесѣды, но бесѣды живыя, блестящія и пересыпанныя интересными фактами и наблюденіями. Мысли такъ быстро родятся въ его головѣ, что сомнѣваешься не являются ли онѣ на свѣтъ прежде своего зачатія. Обширныхъ легкихъ великана не было бы достаточно для этого остроумнаго человѣчка.

Слово Тьера летитъ какъ стрѣла и колетъ такъ быстро, что слушатель этого не замѣчаетъ. Каждый можетъ найти въ его рѣчахъ тысячи противорѣчій, но Тьеръ говоритъ всегда такъ скоро, что нѣтъ времени замѣтить это. Слушатель запутывается въ лабиринтѣ ловкой аргументаціи, гдѣ тысячи путей между собою перепутываются, руководящая нить къ нимъ находится только въ рукахъ оратора.

Если какой-либо вопросъ имѣетъ нѣсколько сторонъ справедливыхъ и несправедливыхъ, Тьеръ всегда такъ ловко смѣшиваетъ ихъ и заставляетъ играть передъ вами, что нѣтъ возможности уловить

его логику. Потому изо всѣхъ ораторовъ его труднѣе всего опровергать на трибунѣ и необыкновенно легко въ чтеніи. Справедливо называли Тьера самымъ умнымъ и неуловимымъ фокусникомъ — Боско трибуны.

Никто такъ не увлекается на трибунѣ, какъ Тьеръ, никто не входитъ такъ въ свою роль, и когда онъ разсуждалъ о стратегическихъ соображеніяхъ или положеніи флота, то принималъ всегда тонъ опытнаго полководца или адмирала. Извѣстенъ анекдотъ, что разъ, во время преній, Тьеръ блистательно доказалъ маршалу Сульту, что онъ вышелъ со своей арміей изъ Генуи во французскія, а не въ итальянскія ворота, и что въ сраженіи подъ Саламанкою Сультъ былъ раненъ въ лѣвую, а не въ правую ногу, какъ полагалъ самъ маршалъ.

Тьеръ не только писатель, но и артистъ въ душѣ. «Онъ можетъ увлечься этрусскою вазою, но никогда не увлечется свободою», говоритъ Корменинъ. Замыслы Тьера всегда были велики, но онъ останавливался передъ ихъ исполненіемъ. Самый увлекающійся министръ на трибунѣ, онъ былъ далеко не рѣшительнымъ министромъ на дѣлѣ.

Никто не имѣетъ такихъ разнообразныхъ способностей и познаній. Тьеръ могъ быть отличнымъ министромъ морскимъ, военнымъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, чѣмъ угодно; опаснѣе всего было

поручать ему министерство финансовъ: при необыкновенномъ талантѣ издерживать деньги, онъ имѣетъ особую способность давать въ нихъ отчетъ передъ палатой, названную имъ остроумно *искусствомъ группировать цифры.*

Нѣтъ такого бюджета, который Тьеръ не поглотилъ бы очень скоро, оставивъ дефицитъ; но зато нѣтъ и лучшаго критика чужихъ бюджетовъ. Въ этомъ случаѣ его рѣчи останутся всегда образцомъ искусства. И въ своихъ сочиненіяхъ самые запутанные финансовые и экономическіе кризисы Тьеръ умѣлъ всегда излагать съ необыкновенною ясностью и толкомъ. Лучшимъ образцомъ въ этомъ родѣ служитъ его «Исторія Лау», изданная имъ еще въ молодости.

Къ тому же Тьеръ былъ всегда безусловно честнымъ человѣкомъ, и отсутствіе въ немъ корыстолюбія признано его величайшими врагами.

Тьера называютъ также парламентскимъ зеркаломъ. Онъ дѣйствительно отлично отражалъ страсти другихъ, самъ оставаясь равнодушнымъ.

Тьеръ можетъ говорить три часа объ архитектурѣ, поэзіи, правѣ, морскомъ дѣлѣ, стратегіи, хотя онъ не архитекторъ, не поэтъ, не юристъ, не морякъ, не военный; ему только нужно немного времени, чтобъ приготовиться; тогда, съ самоувѣренностью француза, онъ будетъ оспаривать лучшихъ спеціалистовъ.

Еслибъ Тьеръ говорилъ не такъ скоро, его слушали бы навѣрное менѣе. Еслибъ онъ не терялся иногда въ излишнихъ подробностяхъ, то могъ бы свободно проговорить цѣлые сутки и никогда не кончить. Одинъ острякъ замѣтилъ даже, что еслибъ судьба предвидѣла, что явится на свѣтъ Тьеръ, то замедлила бы движеніе свѣтилъ небесныхъ и, чтобъ дать ему время высказаться, растянула бы день на сорокъ восемь часовъ.

О перемѣнчивости мнѣній Тьера, Корменень справедливо сказалъ, что умнымъ людямъ во Франціи все прощается, даже измѣна собственнымъ убѣжденіямъ; только дуракамъ не позволяется тамъ быть непостоянными. Вѣроятно въ доказательство этого положенія самъ Корменень, ярый республиканецъ въ молодости, подъ псевдонимомъ Тимона, сдѣлался столь же ярымъ бонапартистомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Самая фигура Тьера весьма характеристична. Онъ небольшого роста, лобъ имѣетъ широкій и умный, глаза живые, улыбку насмѣшливую. Его рѣзкій тонкій голосъ, нѣсколько въ носъ, непріятенъ для уха; но когда онъ говоритъ на трибунѣ, изъ-за которой его видно потому только, что онъ подымается на цыпочки, блестящая и обильная рѣчь приковываетъ вниманіе, и маленькій Тьеръ положительно командуетъ большимъ собраніемъ.

IV.

Въ національномъ собраніи.

Быстро перенесся я (въ маѣ 1874 года) съ естественнаго асфальта Баку на искусственные асфальты Парижа, конечно, не съ цѣлью проскучать, но попалъ не совсѣмъ удачно, во время сильнѣйшихъ жаровъ, вызвавшихъ остроумный отвѣтъ одного депутата, который, на вопросъ: «Pourquoi vous ne fondez rien» (отчего вы не основываете ничего, т. е. монархіи или республики), отвѣчалъ: «Mais par ce que nous fondons nous même» (потому что мы сами таемъ). Рискуя точно такъ же растаять, я просидѣлъ нѣсколько вечеровъ въ «Palais Royal», «Gymnase» и «Porte Saint-Martin», единственныхъ театрахъ, привлекавшихъ еще публику. Затѣмъ, кромѣ кафе-шантановъ въ Елисейскихъ поляхъ и публичныхъ баловъ, ничего болѣе къ обозрѣнію не оставалось. Мнѣ пришло тогда на мысль по-

сѣтить болѣе обширный театръ, гдѣ семьсотъ актеровъ ежедневно разыгрываютъ передъ всей Франціей траги-комедію, которой не предвидится конца и которая порядкомъ уже надоѣла публикѣ. Какъ нарочно, въ версальскомъ собраніи въ это время одно засѣданіе было интереснѣе другого; я, однако, колебался ѣхать, зная, что охотниковъ посѣщать интересныя засѣданія очень много, а прогуляться понапрасну по жарѣ въ Версаль не казалось мнѣ очень заманчивымъ.

Въ первый разъ я поѣхалъ, когда былъ назначенъ къ слушанію докладъ Вантавона, имѣя рекомендательное письмо къ одному радикальному депутату департамента Эро́. Нужно замѣтить, что мѣста для публики раздаются по биллетамъ, права на которые принадлежатъ депутатамъ по очереди, въ алфавитномъ порядкѣ. Попасть этимъ путемъ въ собраніе очень трудно; гораздо проще поѣхать на-авось, и тамъ, при помощи какого-либо знакомаго депутата, отыскать гдѣ-нибудь свободное мѣстечко. Такъ я и сдѣлалъ. Изъ Парижа въ Версаль каждый часъ отходитъ по поѣзду, съ праваго и лѣваго берега Сены. Въ особенности много публики, и особенно депутатовъ, ѣдутъ въ поѣздѣ, отходящемъ въ половинѣ перваго отъ дебаркадера «Saint-Lazar», гдѣ побили Гамбетту. Расположенный вблизи новый кварталъ, такъ-называемый

«Европейскій» — отъ названія улицъ по именамъ всѣхъ европейскихъ столицъ — населенъ преимущественно депутатами. На дебаркадерѣ дается билетъ съ правомъ обратнаго проѣзда; поѣздъ идетъ прямо на Версаль въ полчаса, не заходя ни на одну промежуточную станцію. Народу въ поѣздѣ множество; депутаты отличаются фантастическими костюмами и связками разныхъ отчетовъ, стенограмъ и другихъ произведеній государственной типографіи; чиновники, ѣдущіе съ докладами — черными сюртуками и ленточками Почетнаго Легіона; дамы — шикарными нарядами, заставляющими предполагать, что даже на законодательное собраніе онѣ смотрятъ только, какъ на средство выставлять издѣлія своихъ модистокъ. Во время пути всѣ читаютъ газеты отъ «Union» до «Rappel» включительно, такъ что убѣжденія каждаго у всѣхъ въ рукахъ и на яву.

По приходѣ въ Версаль, толпа бросается въ омнибусы съ надписью Assemblée; при этомъ почтенные виконты съ правой стороны, по свойственной французамъ разсчетливости, не брезгаютъ взбираться на имперіалъ. Въ нѣсколько минутъ, по подстриженнымъ бульварамъ, омнибусъ доѣзжаетъ до Cour du Maroc, откуда входятъ въ трибуны національнаго собранія. Входъ не имѣетъ ничего представительнаго: низкая дверь, нѣсколько

темныхъ коридоровъ и лѣстницъ, огромная кордегардія, гдѣ рота солдатъ, какъ бы молча, говоритъ депутатамъ: «Mandataires du pays, delibérez en paix!» наконецъ, прихожая. Тутъ величественные лакеи, въ черныхъ фракахъ съ красными воротниками, служатъ посредниками между публикою и депутатами. Публику запираютъ въ особую комнату съ окнами въ роскошный версальскій садъ, и въ изобиліи предлагаютъ бумагу, перья и чернила. Каждый по приходѣ пишетъ своему знакомому депутату болѣе или менѣе убѣдительное письмо. Въ прихожей всегда можно найти одного или двухъ блузниковъ, пришедшихъ посмотрѣть на Monsieur Ordinaire-fils или Бароде—смирнѣйшаго человѣка, которому Тьеръ создалъ почему-то репутацію страшнаго революціонера, нѣсколькихъ аббатовъ и множество разряженныхъ барынь.

Дожидаться приходилось довольно долго, потому что засѣданіе начинается не ранѣе половины третьяго, а большинство депутатовъ еще запаздываютъ. Время между вторымъ и третьимъ часами очень интересно въ прихожей; тогда всѣ вызванные депутаты выходятъ объясняться съ своими друзьями, а вызываютъ ежедневно, по крайней мѣрѣ, половину членовъ Собранія. Лакеи торжественно провозглашаютъ: «Monsieur, qui a demandé M. le général Mazure! Monsieur, qui a demandé M. le

marquis de Lur-Saluces!» и т. д. При этомъ по очереди можно видѣть большинство членовъ собранія и ознакомиться съ ихъ физіономіями. Каждый депутатъ увѣряетъ своихъ знакомыхъ, что мѣстъ на трибунахъ больше нѣтъ, что квесторъ, или, такъ сказать, экзекуторъ собранія, Базъ, неумолимъ, и т. д. Та же псторія произошла и со мной. Депутатъ, къ которому у меня было письмо, сходилъ въ квестуру, справился и вернулся ни съ чѣмъ. Встрѣтивъ одного знакомаго русскаго, я заболтался и не уходилъ; въ это время вызванъ былъ Пуйе-Кертье. По обыкновенію, онъ вышелъ, выпивъ свои утреннія двѣ бутылки вина, и разговаривалъ потому во все горло; своему пріятелю онъ тотчасъ же отыскалъ мѣсто. Это мнѣ невольно подало мысль, что въ версальской квестурѣ мѣряютъ на двѣ мѣры, и что необходимо въ другой разъ обратиться къ какому-либо члену правой стороны. Кстати у одного моего пріятеля въ Парижѣ братъ оказался депутатомъ Сѣвернаго департамента, сидящимъ сзади министерской скамьи и, не разѣвая рта, поднимающимъ акуратно руку, когда того требуется. Ппсьмо къ нему оказало магическое дѣйствіе. Толстый chef des huissiers собранія, въ расшитомъ шелками фракѣ, со шпагою, увѣрялъ, что мѣстъ нѣтъ, что народу уже «тысячи якобы двѣ» (дѣло было при обсужденіи предложенія Ка-

зиміра Перье).—«Но г. Базъ проситъ васъ устроить этого «étranger de distinction», отвѣчалъ мой неумолимый депутатъ. Chef des huissiers повиновался и повелъ меня въ трибуну, принадлежащую муниципальному совѣту, гдѣ было хотя тѣсненько, но видно довольно хорошо. Послѣ того я пользовался еще этой трибуной.

Чтобы дать читателямъ понятіе, что̀ такое засѣданіе въ версальскомъ національномъ собраніи, я опишу засѣданіе, гдѣ обсуждалось предложеніе маркиза Кастелляна и Малартра объ отсрочкѣ занятій палаты и обсужденія доклада Вантавона до зимы, такъ какъ въ этомъ засѣданіи участвовало много ораторовъ изъ всѣхъ партій Національнаго собранія, а не занималъ, какъ наканунѣ, цѣлаго засѣданія Брольи чтеніемъ, подъ видомъ рѣчи, длиннѣйшей статьи «Revue des deux Mondes». Конечно, я не буду передавать въ подробности рѣчей, а опишу только, такъ сказать, физіономію преній.

Національное собраніе помѣщается въ дворцовомъ театрѣ, точно также какъ нѣкогда конвентъ помѣщался въ театрѣ Тюильри. Зала версальскаго театра имѣетъ форму лиры; колонны и ложи сдѣланы изъ дерева и окрашены красною краской, подъ мраморъ; надъ сценою укрѣпленъ огромный королевскій гербъ, съ тремя лиліями — нѣсколько

странное украшеніе для республиканскаго собранія! На сценѣ, закрытой на половину занавѣсью, довольно грубо размалеванной, поставлена трибуна для оратора; сзади ея—президентское кресло, рядомъ съ которымъ сидѣли секретари собранія; стенографы стояли у столиковъ около трибуны. Искусство ихъ необычайно; я свѣрялъ печатные отчеты съ тѣмъ, что́ слышалъ, и удивлялся точности въ записываніи даже самыхъ незначительныхъ восклицаній. Сзади президента поставлено было нѣсколько столовъ для стенографовъ и чиновниковъ бюро палаты. Передъ трибуною — скамейка, на которой возсѣдали три huissiers, въ мундирахъ, обязанность которыхъ заключается въ томъ, чтобы кричать во все горло: «Silence, messieurs!» когда президентъ говорилъ или звонилъ въ колокольчикъ. Колоколъ этотъ — весьма приличныхъ размѣровъ; къ нему придѣланъ рычагъ, чтобы можно было удобнѣе звонить однимъ нажиманіемъ руки. Лицомъ къ трибунѣ поставлена скамья министровъ, а по лѣвую и правую ея сторону—скамьи для членовъ комиссій, доклады которыхъ обсуждались въ засѣданіи. Весь партеръ и бенуаръ занимается депутатами; для этого въ партерѣ находились сначала десять рядовъ креселъ, соединенныхъ въ три скамейки; а затѣмъ четырнадцать рядовъ въ двѣ скамейки, въ бенуарѣ — два ряда

скамеекъ. Каждому депутату досталось мѣста очень немного; передъ скамейками, къ спинкамъ переднихъ креселъ, придѣланъ узенькій столикъ съ чернильницами и ящиками. Мѣстъ все-таки недостаточно, и на многія мѣста въ собраніи приходится по два депутата. Въ засѣданіяхъ, впрочемъ, многія мѣста пустуютъ, потому что депутаты, охотники до перерывовъ, или нѣсколько тугіе на-ухо, предпочитаютъ стоять близъ трибуны оратора, въ проходахъ, образуемыхъ между мѣстами секретарей собранія и скамейками комиссій. Собственно говоря, это запрещено, но президентъ тщетно нѣсколько разъ всякое засѣданіе упрашиваетъ депутатовъ сѣсть на свои мѣста. Нужно даже удивляться терпѣнію нѣкоторыхъ изъ депутатовъ — простоять на ногахъ засѣданіе, продолжающееся не менѣе четырехъ или пяти часовъ.

Депутаты сидятъ группами, по оттѣнкамъ своихъ мнѣній, хотя неудобное помѣщеніе, случайно превращенное изъ театра, не позволило сдѣлать это съ должнымъ тщаніемъ. Среднія и правыя — считая отъ президента — первыя десять и вторыя четырнадцать скамеекъ занимаютъ члены праваго центра, правой стороны и бонапартисты; скамейку на правой сторонѣ бенуара занимаетъ крайняя правая, такъ называемые «chevеau-légers»; остальныя мѣста въ партерѣ достались членамъ лѣваго цен-

тра и республиканской лѣвой; на лѣвыхъ скамейкахъ бенуара засѣдаетъ впереди лѣвый центръ, а далѣе—крайняя лѣвая сторона, такъ-называемый республиканскій союзъ, захватывавшій также и лѣвый край партера. Отсюда выходятъ самые сильные перерывы; потому во время важныхъ преній президентъ собранія все время стоитъ, держась правою рукою за рычагъ колокольчика, а глаза не сводя съ крайней лѣвой, въ надеждѣ поймать какого-либо черезчуръ рьянаго депутата, чтобы призвать его къ порядку. Впрочемъ, и на крайней правой сторонѣ ревутъ при случаѣ ужасно; шумъ тамъ даже бываетъ гораздо значительнѣе, такъ какъ между членами правой болѣе молодежи, со здоровыми глотками, да къ тому же воспитанной на деревенскомъ чистомъ воздухѣ.

Ложи бель-этажа превратились въ трибуны для публики и разныхъ почетныхъ лицъ; для публики тутъ мѣстъ немного—только на лѣвой сторонѣ, рядомъ съ ложей президента республики; остальное мѣсто занимаютъ ложи президента собранія, бюро собранія, квесторовъ, главнокомандующаго парижской арміей, генераловъ, государственнаго совѣта, старыхъ депутатовъ и, наконецъ, дипломатическаго корпуса, помѣщавшагося очень комфортабельно въ царской ложѣ. Тутъ почти въ каждое засѣданіе можно видѣть нашего посла князя Орлова, пан-

скаго нунція и посланниковъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ державъ. Ярусъ надъ бель-этажемъ отданъ почти весь для публики, только средняя ложа, приходящаяся надъ дипломатической ложей, удѣлена представителямъ печати.

Бѣдные репортеры не имѣютъ ни столовъ, ни пюпитровъ и принуждены дѣлать отмѣтки, держа листки бумаги на колѣняхъ—положеніе не легкое, если засѣданіе длится нѣсколько часовъ. Около ложи журналистовъ двѣ небольшія ложи отведены для офицеровъ и для муниципальнаго совѣта; въ послѣдней, какъ сказано выше, сидѣлъ и я. Она приходилась надъ крайнею лѣвой, которой я потому видѣлъ только часть, приходящуюся подъ ложей президента республики. Затѣмъ зала закрыта сверху потолкомъ, сначала полукруглымъ, въ которомъ сдѣланы круглыя рѣшетчатыя отверстія. также ведущія въ мѣста для публики, и, наконецъ, плоскимъ стекляннымъ потолкомъ. Свѣтъ падаетъ въ залу собранія сверху и освѣщаетъ ее лѣтомъ вполнѣ удовлетворительно; въ акустическомъ отношеніи зала также недурна, но недостатокъ ея, какъ я уже сказалъ, заключается въ тѣснотѣ помѣщенія.

При первомъ взглядѣ на собраніе невольно поражало изобиліе плѣшивыхъ головъ; если бы сложить всѣ лѣта депутатовъ, то средній возрастъ навѣрное былъ бы болѣе пятидесяти лѣтъ; въ осо-

бенности много стариковъ засѣдало на лѣвой, а лѣвый центръ состоялъ большею частью изъ совершенныхъ развалинъ. Второе, что обращало вниманіе—это нѣкоторая затрапезность костюмовъ депутатовъ. Французы вообще имѣютъ репутацію франтовъ, но въ собраніе, за малымъ исключеніемъ, всѣ одѣвались очень просто и даже небрежно, по-домашнему, въ пиджакахъ, старыхъ сюртукахъ, въ какихъ-то невозможныхъ цвѣтныхъ и полосатыхъ жилетахъ; нѣкоторые старики сидѣли даже въ ермолкахъ. Болѣе дендизма въ костюмахъ замѣчалось между cheveau-légers, гдѣ бывшій министръ Лабульери съ широкимъ пробором на затылкѣ могъ считаться типомъ совершеннаго льва. Большинство извѣстныхъ французскихъ депутатовъ хорошо знакомы по портретамъ, потому ихъ легко отыскивать въ средѣ другихъ; кромѣ того, очень помогалъ для поисковъ продаваемый у входа планъ собранія, гдѣ обозначено мѣсто каждаго депутата.

На крайней правой я обратилъ особое вниманіе на Дюпанлу — человѣка съ красной физіономіей и длиннымъ носомъ, въ скромной черной рясѣ; недалеко отъ него, на той же скамейкѣ, сидѣлъ весьма некрасивый Бараньонъ, а напротивъ, на ближайшей скамьѣ праваго центра—Руэръ, съ его замѣчательной лысиной и надутымъ видомъ. Сзади Дюпанлу выглядывалъ худенькій Лефло,

французскій посолъ въ Петербургѣ, около котораго помѣщалась круглая, какъ арбузъ, фигура барона де-Плека, управлявшаго французскимъ банкомъ при Коммунѣ. Лѣвѣе, также въ ложахъ бенуара, сидѣли сливки легитимистской партіи — Ларошфуко, Карайонъ-Латуръ, Лабульери, Аббовиль и др.; всѣ они держали себя въ засѣданіи очень скромно и прилично; зато отличался засѣдавшій недалеко отъ нихъ де-Лоржериль, оригинальная красная фигура, въ истертомъ пиджакѣ, бѣломъ жилетѣ и постоянно разстегнутыхъ панталонахъ. При каждой рѣчи члена лѣвой стороны онъ метался во всѣ стороны, кричалъ и дѣлалъ забавные жесты. Вантавонъ, умнѣйшая голова крайней правой стороны — небольшой старичокъ, съ большой головой и одной ногой короче другой, помѣщался тутъ же.

Перпендикулярно къ этимъ скамьямъ сидѣли также крайніе правые, врѣзываясь, такъ сказать, въ правый центръ. Характернѣе другихъ выдавались тутъ фигуры извѣстнаго клерикала, генерала дю-Тампля, съ длинными волосами и нѣжными чертами лица, похожаго скорѣе на піаниста, чѣмъ на генерала, и Гаварди, довольно молодого, желтаго, какъ пергаментъ, и съ отталкивающей физіономіей. Правый центръ приходился ко мнѣ болѣе спиной, такъ что я разсмотрѣлъ изъ него только тѣхъ, кто

говорилъ съ трибуны или былъ вызываемъ въ прихожую. Главная его знаменитость, Одифре-Пакье, сидѣлъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ крайней правой, а другой корифей—Брольи, являвшійся въ бѣломъ костюмѣ нѣсколько страномъ для его почтенной физіономіи, не имѣлъ опредѣленнаго мѣста и сидѣлъ гдѣ попало. На министерской скамьѣ засѣдали почти всѣ министры, между которыми выдавалась стриженная голова Сиссѐ, почесывавшаго безпрерывно затылокъ. Въ лѣвомъ центрѣ обращалъ на себя, конечно, болѣе всѣхъ вниманіе публики Тьеръ—маленькая фигура, съ бѣлымъ хохолкомъ и коротенькой шеей; его окружали все старые друзья—Малевиль, Греви и др. лысые старики.

На крайней лѣвой сторонѣ залы виднѣлись бѣлокурая фигура Леройе, одного изъ лучшихъ ораторовъ умѣренной республиканской партіи, и рѣскія черты Араго, громовый голосъ котораго одинъ покрывалъ шумъ въ собраніи. Гамбетта, коноводъ крайней лѣвой стороны, рѣдко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а стоялъ по большей части съ лѣвой стороны у трибуны и прерывалъ ораторовъ. Вокругъ него стояло много сателлитовъ изъ радикальныхъ членовъ собранія. Крайняя лѣвая партія заключаетъ въ себѣ трехъ некрасивѣйшихъ людей во Франціи: Кремьѐ, Литтре и Накѐ. Жюль Фавръ

также если могъ чѣмъ удивить, то никакъ не красотою. Я отказываюсь упоминать другія имена, обратившія мое вниманіе, потому что пришлось бы пересчитывать десятки именъ, одинаково у насъ извѣстныхъ.

Ровно въ два съ половиною часа раздался барабанный бой: это караулъ привѣтствуетъ Бюффе, который, во фракѣ, приходитъ на свое мѣсто и звонитъ. Засѣданіе открыто. Бюффе далеко не имѣетъ тѣхъ тонкихъ чертъ лица, которыя рисуютъ на его портретахъ; въ лицѣ его есть нѣчто еврейское. Послѣ звонка какія-то лица что-то отдавали президенту, говорили съ трибуны; одинъ изъ секретарей что-то читалъ; но изо всего этого буквально не долетало до слушателей ни одного слова, потому что депутаты ходили по залѣ, громко разговаривали и вообще не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что́ происходитъ на трибунѣ. Изъ газетъ я уже сообразилъ, что это было чтеніе протокола предшествующаго засѣданія, сообщеніе докладовъ комиссій и поправки голосованій. Мало-по-малу депутаты разсаживались по мѣстамъ, но долго еще не дѣлались внимательнѣе; одни писали письма, другіе читали газеты и различныя официальныя изданія, раздаваемыя каждому депутату.

Вошелъ, наконецъ, на трибуну маркизъ де-Кастеллянъ—молодой человѣкъ, съ бѣлокурыми вью-

щимися волосами, въ черномъ сюртукѣ и черномъ галстухѣ, закрывающемъ сорочку — совершенная фигура молодого іезуита. Не успѣлъ онъ произнести слова «messieurs!», какъ лѣвая сторона какъ-то загоготала. Нужно сказать, что у разныхъ партій есть свои любимцы и свои антипатіи; Кастеллянъ—хорошій ораторъ, говорилъ ясно и красиво, извѣстенъ, какъ авторъ недурной книги, монархистъ довольно умѣренный, тѣмъ не менѣе онъ былъ ненавистенъ лѣвой сторонѣ, которая не позволяла ему никогда докончить рѣчи. Правая сторона дѣлала то же самое съ Казиміромъ Перье, Дювержье-де-Горанномъ и нѣкоторыми другими, которыхъ считала ренегатами. Какъ ни звонилъ Бюффе, какъ ни кричала правая сторона: «Да выслушайте же оратора!», какія паузы ни дѣлалъ Кастеллянъ, дожидаясь возстановленія спокойствія, ничто не помогало. Онъ договорилъ, однако, свою рѣчь при страшномъ шумѣ. На бѣду еще, въ одномъ мѣстѣ Кастеллянъ проврался: исчисляя причины, по которымъ необходимо отсрочить засѣданія собранія, Кастеллянъ упомянулъ о chaleurs sénégaliennes въ Парижѣ. Въ этотъ день вообще было прохладно, а тутъ какъ на зло дождь забарабанилъ по стеклянному потолку залы. Громкій хохотъ со всѣхъ сторонъ собранія прервалъ рѣчь оратора. Кастеллянъ сошелъ съ трибуны, не вы-

звавъ ни одного аплодисмента, даже отъ своихъ друзей, хотя говорилъ недурно.

На трибуну вошелъ Эрнестъ Пикаръ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ ораторовъ собранія, вмѣстѣ съ Фавромъ и Олливье единственные нѣкогда представители оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ имперіи, во времена Морни. Къ сожалѣнію, Пикаръ рѣдко являлся на трибунѣ, что не удивительно, если принять въ соображеніе его тучную, облѣнившуюся фигуру, съ длинными, также вьющимися волосами, обличающими семитическое происхожденіе. Если Кастеллянъ видимо затвердилъ свою рѣчь, то Пикаръ свою импровизировалъ. Онъ говорилъ съ достоинствомъ и убѣдительно, придумывая остроумныя фразы и опредѣленія. Правая сторона слушала его охотно, хотя и прерывала, оправдываясь тѣмъ, что лѣвая не хотѣла слушать Кастелляна. Только упоминаніе о 4-мъ сентября вызвало цѣлую бурю; Депэръ, Лабордери, Лоржериль вскочили съ своихъ мѣстъ и положительно осыпали оратора бранью.

Послѣ Пикара появился на трибунѣ старикъ, въ бѣлокуромъ парикѣ, съ вставными зубами и густыми лапками на щекахъ, одѣтый щегольски. «C'est le général Changarnier, nous allons entendre des bêtises», заговорили около меня въ трибунѣ. Появленіе генерала лѣвая сторона встрѣтила гром-

кимъ и неумолкаемымъ смѣхомъ. Шангарнье скрестилъ руки и величественно смотрѣлъ на смѣющихся; смѣхъ, конечно, отъ этой драматической позы только усилился. Изъ-за смѣха, Шангарнье слышно почти не было; онъ говорилъ преимущественно изреченіями изъ Горація:

Nunc veterum libris, nunc somno et inertibus horir
Ducere sollicit jucunda oblivia vitas

и, повторяя тому подобныя восхваленія сельской жизни, приглашалъ собраніе разъѣхаться погулять. Правая сторона хлопала Шангарнье очень усердно.

Послѣ него сразу хотѣли взойти на трибуну трое: министръ внутреннихъ дѣлъ, Ферэ и Рауль Дюваль. Остался на трибунѣ послѣдній. Рауль Дюваль—тайный бонапартистъ, дружившій съ правой стороной, но подчасъ готовый, повидимому, сойтись съ лѣвой; если убѣжденія его сомнительны, то ораторскій талантъ несомнѣненъ, а несомнѣнно также его огромное состояніе. Удивительно, что онъ, оставаясь крупнымъ фабрикантомъ, ярый фритредеръ. Дюваль говоритъ не совсѣмъ гладко, какъ-то рубитъ; высокая фигура его съ рыжей бородой перескакиваетъ не совсѣмъ граціозно съ одной стороны трибуны на другую; зато у него есть сила, горячность и то, что̀ называется esprit de repartie. Онъ удивительно ловко срѣзываетъ всякаго, кто дерзнетъ его прервать. Кастеллянъ остано-

вилъ было его; Дюваль отвѣтилъ ему такъ искусно, что всѣ около меня заговорили въ трибунѣ: «Oh celui-là n'interrompera plus, il a reçu son paquet». Лѣвая сторона очень рукоплескала Дювалю, говорившему противъ отсрочки; зато правая прерывала его, но громкій голосъ оратора легко покрывалъ перерывы.

За Дювалемъ взошелъ на трибуну довольно молодой брюнетъ, съ чрезвычайно добродушной, наивной и живой физіономіей; весьма нескладно началъ защищать онъ предложеніе Кастелляна, дѣлая странные жесты, постоянно заговариваясь и произнося безсмысленныя фразы въ родѣ: «et vous, vrais romains, imitez le Spartiate (вѣроятно, Ликурга) pour organiser le Maréchal!» Это оказался Малартръ, членъ крайней правой стороны; лѣвая сторона слушала его курьезное словоизверженіе, повидимому, не понимая, что эта притча означаетъ; но Малартръ такъ добродушно улыбался, повторяя постоянно, что онъ не спеціалистъ, и потому ничего не знаетъ, что жаль было его прервать. Терпѣніе, однако, скоро истощилось. Раздались крики: «assez, assez!» Малартръ сошелъ съ трибуны; такъ какъ онъ другъ епископа Дюпанлу, то крайняя правая сдѣлала ему родъ овацiи, принятой иронническимъ смѣхомъ лѣвой стороны.

За Малартромъ появилась на трибунѣ длинная,

худая фигура старика Ферэ, предсѣдателя лѣваго центра, очень богатаго фабриканта. Собраніе слушало съ уваженіемъ его довольно складную рѣчь, хотя онъ и говорилъ противъ желанія большинства, т. е. противъ отсрочки засѣданій. Не успѣлъ Ферэ окончить, какъ на трибуну взобрался знаменитый устройствомъ лурдскаго и другихъ богомолій де-Белькастель — совершенно лошадиная физіономія, со вдавленнымъ лбомъ и выдающимися челюстями. Онъ промямлилъ нѣсколько словъ, на которыя никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Всѣ ждали, каково же, наконецъ, мнѣніе правительства; неужели оно, представивъ само проектъ организаціи власти Макъ-Магона, будетъ защищать полугодовую отсрочку засѣданій національнаго собранія? Когда новый министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Шабо-Латуръ, поднялся съ своего мѣста, воцарилось молчаніе. Шабо-Латуръ— одинъ изъ видныхъ представителей реформатской церкви во Франціи, а потому краснорѣчіе его сильно напоминало краснорѣчіе реформатскаго пастора; кромѣ того, онъ генералъ, а во Франціи военные рѣдко могутъ избавиться отъ особой складки, свойственной grrrande arrrmée frrançaise. Когда Шабо-Латуръ сталъ поддерживать Малартра, лѣвая сторона, особенно Гамбетта, начала прерывать его

довольно безцеремонно. Нужно было видѣть, какіе ужасные взгляды кидалъ суровый генералъ: эспаньолка его тряслась отъ злости, онъ нѣсколько разъ схватывалъ лежавшее на трибунѣ посланіе президента республики и дѣлалъ видъ, что сейчасъ же перестанетъ говорить и уйдетъ; но эта тактика мало помогла. Бюффе звонилъ во всю ивановскую и просто выходилъ изъ себя, увѣряя, что перерывы рѣчи министра — отрицаніе всякаго подобія парламентскаго управленія. Рѣчь Шабо-Латура закончилась не совсѣмъ почтительнымъ смѣхомъ лѣвой стороны. Министру возражалъ Пикаръ, довольно остроумно осмѣявшій литературныя претензіи Шангарнье и незамѣтно переведшій пренія на жгучій вопросъ о распущеніи. На этотъ разъ Пикара уже слушали менѣе терпѣливо; когда же онъ сказалъ, что всегда уважалъ права собранія, то вся правая единогласно закричала: «Allons donc!»

На этомъ пренія могли бы закончиться: все было сказано за и противъ, или, вѣрнѣе, ничего не сказано, потому что всѣ ораторы вертѣлись на самыхъ общихъ мѣстахъ: спокойствіе, дѣла въ застоѣ, мнѣніе избирателей и т. п. слова. Но есть всегда охотники болтать; къ числу ихъ принадлежитъ Родо, одинъ изъ общеуважаемыхъ членовъ правой стороны собранія, прославившійся настойчивымъ требованіемъ сокращенія всѣхъ почти ста-

тей государственнаго бюджета. Всѣ говорятъ о застоѣ въ дѣлахъ; послушаемъ un homme d'affaires— разсуждали депутаты. Родо хотя говорилъ гладко, громко, но ораторъ онъ самый посредственный. Онъ скоро надоѣлъ своей болтовней собранію, которое прерывало его, довольно, впрочемъ, любезно. Зашелъ споръ о диктатурѣ. «Это вы будущіе диктаторы», добродушно смѣясь, говорптъ Родо, грозя пальцемъ Гамбеттѣ и Шальмель-Лакуру; тѣ только улыбались. Старческая болтовня Родо утомила всѣхъ, и когда на трибунѣ появился Леперъ, черноволосый ораторъ крайней лѣвой стороны, большой охотникъ говорить рѣчи, хотя у него буквально зубъ со свистомъ, то большая часть собранія заревѣла «la clôture!» Пробовалъ было говорить Маларгръ, пальцами показывая, что будетъ говорпть двѣ минуты, минуту, наконецъ, полъ-минуты, но и ему не дали болѣе разпнуть рта. Президентъ спросилъ мнѣніе о прекращеніи преній; множество правыхъ рукъ, поднятыхъ кверху, рѣшило пренія закончпть.

Начались длинныя пререканія о постановкѣ вопроса для баллотировки, съ непзмѣнными указаніями на нарушеніе будто бы устава собранія п т. п.; поочереди говорили многіе ораторы и особенно президентъ; кое-какъ сговорилпсь насчетъ баллотировки; тогда huissiers пошли обходить всѣ

скамьи, держа въ рукахъ круглые зеленые жестяные ящики, запертые ключомъ, но съ прорѣзомъ наверху. У каждаго депутата въ столѣ лежитъ много печатныхъ, бѣлыхъ и синихъ, билетиковъ съ его фамиліей. Если онъ опускаетъ синій билетъ, значитъ онъ согласенъ съ предложеніемъ, бѣлый—значитъ не согласенъ. При такой системѣ баллотировки, удобно подавать голоса за отсутствующихъ; потому въ особенно важныхъ случаяхъ требуютъ «appel nominal», т. е. депутаты, вызываемые по алфавиту, поочереди подходятъ къ трибунѣ и тамъ уже опускаютъ въ урну билетъ. Послѣдняя система неудобна тѣмъ, что вмѣсто пяти минутъ требуетъ для разрѣшенія вопроса часа два. Собранные билеты секретари собранія ссыпаютъ въ корзины, отдѣляютъ синіе билеты отъ бѣлыхъ, и очень живо считаютъ. Черезъ нѣсколько минутъ президентъ объявилъ уже результатъ баллотировки; значительное большинство высказалось за предложеніе Малартра и Кастелляна. Это удивило всѣхъ, послѣ результатовъ предыдущаго дня, гдѣ распущеніе было отвергнуто только двадцатью девятью голосами; но оказалось, что бонапартисты подали тутъ голоса вмѣстѣ съ правой стороной.

По объявленіи результата баллотировки, большинство депутатовъ быстро направилось къ дверямъ. Тьеръ и Дюпанлу впереди всѣхъ, хотя пред-

стояло еще обсужденіе бюджета министерствъ юстиціи, морского и колоній. Но немногіе депутаты интересуются такими вещами, какъ бюджетъ. Туть нельзя прерывать, нельзя дѣлать бойкихъ замѣчаній, и вообще трудно попасть въ procès verbal, потому лучше ѣхать въ Парижъ, чтобы не опоздать къ обѣду. Остались въ собраніи, кажется, только президентъ да Родо; по крайней мѣрѣ поѣздъ, съ которымъ я уѣхалъ, былъ переполненъ депутатами, продолжавшими спорить о результатѣ засѣданія.

На человѣка непривычнаго шумъ въ версальскомъ собраніи производитъ странное дѣйствіе: первое впечатлѣніе таково, точно попалъ въ домъ сумасшедшихъ. Но, строго говоря, можно ли требовать бо̀льшаго спокойствія отъ собранія слишкомъ въ семьсотъ человѣкъ, да еще такого горячаго темперамента, какъ французы. Многочисленность эта имѣетъ скорѣе другой недостатокъ: ужасно много времени теряется въ чисто византійскихъ словопреніяхъ и личныхъ пререканіяхъ. Американцы давно сознали неудобство очень многочисленныхъ собраній, и версальское собраніе, будь въ немъ не болѣе трехъ-или четырехсотъ человѣкъ, гораздо скорѣе вершило бы дѣло. Національное собраніе заслужило много упрековъ: вездѣ почти третпруютъ его довольно презрительно, ука-

зывая на безсиліе составить конституцію. По моему мнѣнію, едва ли эти упреки справедливы. Чѣмъ виноватъ барометръ, если дурна погода: такъ и собраніе. Конечно, оно раздробилось на партіи, которыя настолько враждуютъ другъ съ другомъ и противоположны въ своихъ интересахъ, что не въ состояніи создать ничего прочнаго, но партіи эти находятся не въ собраніи, а въ самой Франціи, собраніе служитъ только ихъ вѣрнымъ отголоскомъ. Огромное большинство ничего еще не значитъ; въ Испаніи не было ни одной палаты, гдѣ бы правительство не располагало подавляющимъ большинствомъ голосовъ; а гдѣ эти правительства и гдѣ эти палаты? Если версальское собраніе безсильно въ политическомъ отношеніи, расходясь кореннымъ образомъ въ конституціонномъ вопросѣ, то нельзя не признать, что оно много сдѣлало для ликвидаціи положенія, оставленнаго имперіей, войной и Коммуной. Въ этомъ случаѣ и особенно въ вопросахъ финансовыхъ національное собраніе проявило много здраваго смысла и патріотизма... Сознаюсь откровенно, что я не безъ чувства нѣкотораго уваженія вышелъ изъ стѣнъ версальскаго театра.

V.

Въ госпиталѣ Сенъ-Луи *).

Волею судебъ пришлось мнѣ провести цѣлое лѣто 1878 г. въ соприкссновеніи съ докторами разныхъ націй...

Въ Копенгагенѣ я почувствовалъ себя значительно хуже. Изъ гостиницы послали за докторомъ. Онъ осмотрѣлъ меня съ скандинавскою точностью.

— Что же у меня? спросилъ я.

— Право, не знаю, отвѣчалъ докторъ-датчанинъ, что не помѣшало ему съ такимъ же спокойствіемъ взять десять кронъ, которыя отличались отъ стокгольмскихъ только штемпелемъ.

---

*) Эта глава только отрывокъ изъ статьи «Экскурсія въ области медицины», напечатанной въ моей книгѣ «У скандинавовъ и фламандцевъ». Статья содержитъ описаніе моихъ приключеній по разнымъ медицинскимъ знаменитостямъ Европы.

— Полагаю, впрочемъ, прибавилъ великодушно докторъ, что вамъ нужно посовѣтоваться съ докторомъ Бергомъ.

Докторъ Бергъ — копенгагенская знаменитость. директоръ казеннаго госпиталя и спеціалистъ, извѣстный въ Европѣ. Онъ оказался порядочнымъ человѣкомъ,—по крайней мѣрѣ, увидѣвъ меня, онъ прямо сказалъ:

— Васъ постигло большое несчастіе; самое лучшее, что вы можете сдѣлать—это сѣсть на пароходъ и вернуться въ Россію. Впрочемъ, я дамъ вамъ точный отвѣтъ черезъ два дня.

Прошло нѣсколько дней; мнѣ было все хуже, жаръ усиливался, и я соображалъ, что до Россіи мнѣ не добраться, жизнь же въ датской гостинницѣ была не совсѣмъ удобна для больного. Поэтому я рѣшилъ ѣхать въ Парижъ. Докторъ Бергъ далъ мнѣ рекомендательныя письма и діетическія наставленія...

Въ Парижѣ одно изъ писемъ доктора Берга я послалъ извѣстному профессору Лалье. Замѣчу при этомъ, что за доставку этого и еще одного письма комиссіонеръ «Grand-Hôtel» поставилъ мнѣ въ счетъ только 10 франковъ, т. е. по курсу 4 р. 20 коп.! Лалье любезнѣйшимъ образомъ, не дожидаясь моего визита, явился самъ въ гостинницу.

— Ваша болѣзнь очень рѣдкая, сказалъ онъ

мнѣ послѣ изслѣдованія, но ничто не ново подъ луною. Она называется такъ-то...

Впослѣдствіи я узналъ, что названіе, сочиненное Лалье, не существуетъ въ медицинской терминологіи, и его латинское опредѣленіе напоминало приблизительно опредѣленіе въ зоологіи: кошка похожая на собаку. Но французъ никогда не задумывается. Я разговорился съ Лалье о леченіи; ему было трудно понимать меня, вслѣдствіе офранцуживанія названій лекарствъ. Рѣчь зашла, напримѣръ, о минеральныхъ водахъ Гуніади-Яношъ и Фридрихсгалле. Лалье никогда, по его словамъ, не слыхалъ о таковыхъ водахъ, но затѣмъ, послѣ глубокихъ размышленій, воскликнулъ съ сожалѣніемъ:

— Вы извращаете названія и хотите, вѣроятно, сказать о водахъ Жаносъ и Фридришаль!

Я не спорилъ о точности. Мы разстались друзьями; Лалье посовѣтовалъ мнѣ пока «немного гольдъ-крему и побольше терпѣнія» и обѣщалъ похлопотать о принятіи меня въ клиническій госпиталь St.-Louis, гдѣ онъ также состоитъ профессоромъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ любезнѣйшее письмо, что хотя профессоръ Иллэре, вѣдающій палату отдѣльныхъ номеровъ, уѣхалъ въ Біарриць, но Лалье принялъ на себя рискъ опредѣлить меня въ больницу безъ согласія Иллэре.

Такого рода поступокъ былъ въ дѣйствительности большой услугой, потому что жить въ госпиталѣ St.-Louis чистѣйшая находка для больного въ Парижѣ, а особенно во время выставки. За 5 франковъ въ день вамъ даютъ отдѣльную комнату со столомъ, ванною, прислугою, медикаментами, включая сюда и гонораръ врачу. Такая дешевизна объясняется тѣмъ, что госпиталь принадлежитъ къ учрежденіямъ Assistance publique и, кромѣ ея капиталовъ, пользуется субсидіями отъ города Парижа и казны. Каждое изъ его шести отдѣленій завѣдывается профессоромъ, съ извѣстнымъ числомъ помощниковъ-врачей, такъ называемыхъ internes. Какъ клинической госпиталь, это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по матеріалу; тутъ собраны сотни больныхъ съ самыми рѣдкими накожными болѣзнями; особенно католическіе миссіонеры изъ Китая и Канады доставляютъ удивительные образчики разныхъ язвъ. Около меня, въ особой комнатѣ, больной монахъ лежалъ съ 1848 года! Вотъ уже тридцать первый годъ доктора утѣшаютъ его скорымъ выздоровленіемъ. Цѣлое отдѣленіе занято больными восточною проказою, для которыхъ существуетъ совершенно особое платье, бѣлье, прачешная, ванны и пр.

Госпиталъ St.-Louis занимаетъ цѣлый кварталъ съ великолѣпнымъ садомъ, полнымъ цвѣтами внутри,

въ предмѣстьѣ Тампль. Это центръ рабочаго населенія, поэтому коммунары дали здѣсь послѣдній отчаянный бой версальцамъ.

— Перестрѣлка была такая, разсказывала мнѣ сестра милосердія, что мы цѣлый день сидѣли въ погребѣ, вылѣзая только, чтобы перевязывать нашихъ больныхъ.

По пріѣздѣ въ госпиталь, прежде всего, нужно было уплатить деньги за недѣлю впередъ à M. le Directeur, т. е., по-нашему, смотрителю, и получить отъ него réglement, гдѣ, по французскому обычаю, объяснено подробно, какъ вы себя должны вести: на ковры не плевать, съ приходящими къ вамъ въ гости дамами на ключъ не запираться, домой возвращаться непремѣнно къ восьми часамъ вечера, и т. д., и т. д. Затѣмъ меня повели въ мою комнату. Она помѣщалась въ такъ называемомъ Pavillon Gabrielle, окномъ въ садъ; омеблирована была комната очень скромно, но прилично; только на толстомъ бѣльѣ вездѣ было написано крупными черными буквами: Hôpital St.-Louis, и вся посуда была оловянная. Кровать была очень высокая и надъ нею съ потолка висѣла веревка съ ручкою. Это очень удобно для больныхъ, чтобы переворачиваться на постели безъ посторонней помощи, а при случаѣ повѣситься съ отчаянія... Сейчасъ сбѣжались ко мнѣ сестры милосердія и спросили, не

голоденъ ли я, не хочу ли яичницы, и заставили-таки съѣсть чашку бульону. Сестры, монахини августинскаго ордена, всѣ въ бѣломъ — толстыя, живыя и веселыя; онѣ болтали безъ умолку. Я спросилъ, отчего павильонъ называется Gabrielle.

— Зданіе госпиталя было прежде загороднымъ дворцомъ короля Генриха IV, отвѣчала одна изъ сестеръ,—а въ этомъ павильонѣ жила его любовница Габріэль д'Эстре... О, они тутъ грѣшили не мало, но нашими молитвами мѣсто это очищено.

Я очень полюбилъ веселыхъ и простыхъ сестеръ, которыя не только не избѣгали разговоровъ о скабрезныхъ предметахъ, но, напротивъ, искали ихъ, какъ бы подтверждая тѣмъ прочность своихъ клятвъ передъ алтаремъ.

Вотъ день во французскомъ госпиталѣ. Это маленькая панорама французской жизни, тѣмъ болѣе занимательная для больного, что всѣ служащіе отличаются любезностью и веселымъ настроеніемъ. Утромъ въ 6 часовъ входила горничная и приносила кофе, шоколадъ или горячее молоко. Не успѣла она перекинуться словечкомъ и подать совѣтъ qu'il ne faut pas trop se grater, какъ являлся старый фельдшеръ съ неизмѣнной остротой:

— Ваши лошади запряжены.

Подъ этимъ разумѣлось двое сильныхъ овернатовъ, которые клали меня на носилки и, завер-

нувъ въ простыни и одѣяла и сдѣлавъ изъ одѣяла же кокетливый капюшонъ отъ солнца, несли черезъ садъ въ ванную. Цѣлое зданіе занято исключительно ваннами и особый prépосé съ важностью руководитъ тутъ вами, согласно предписанію доктора. Простыни всегда подаются горячими. Сразу купается человѣкъ двадцать и изъ-за холстинныхъ перегородокъ перебрасываются остротами и анекдотами. Во время купанья здоровыя крестьянки убираютъ комнаты, особый человѣкъ натираетъ паркетъ, особая горничная вытираетъ пыль. Затѣмъ влеталъ interne, усталый отъ танцевъ въ Closerie des Lilas и, бѣгло взглянувъ, чтобы представить свой рапортъ доктору, непремѣнно острилъ, видя куски моей кожи на полу:

— Au moins on ne dira pas que vous n'avez pas laissé votre peau à Paris.

Въ десять часовъ раздавался звонокъ и двери всѣхъ комнатъ мигомъ отпирались настежь: это сигналъ, что идетъ докторъ. Послѣдній, впрочемъ, не очень-то акуратно исполнялъ свою обязанность; онъ не являлся ни въ день своей лекціи, ни въ день пріема; то уѣзжалъ въ Біарриць къ больнымъ, то не ходилъ по комнатамъ, а лишь принималъ rapport интерна въ своемъ кабинетѣ. Вообще леченіе во французскихъ госпиталяхъ небрежно и лежитъ болѣе на студентахъ, за недо-

статкомъ врачей. Въ первое посѣщеніе я увидѣлъ такую картину. Профессоръ Иллэре, сѣдой, полный старикъ, фигурою и манерами напоминающій очень комика Леритье изъ Палероялькаго театра, въ черномъ сюртукѣ, бѣломъ галстукѣ, бѣломъ фартукѣ, съ ночнымъ колпакомъ на бекрень, вошелъ съ толпою студентовъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и, не спрашивая ничего, что со мною, театральнымъ жестомъ отбросилъ одѣяло и сказалъ:

— Вы видите, господа, то, что называется — имя рекъ болѣзни.

Затѣмъ, поймавъ кусокъ отставшей кожи, оторвалъ его; студенты также полѣзли отрывать кусочки моей кожи; я закричалъ:

— Вы мнѣ дѣлаете больно!

— Кому вы говорите; еще бы я не зналъ, что это больно, сказалъ Иллэре — Не такъ, однако, больно, какъ вы дѣлали туркамъ во время voire coquine de guerre!

Какъ французскій буржуа, онъ, конечно, не переваривалъ результатовъ войны (1877 г.) и при каждомъ посѣщеніи ругалъ ее.

— Вы будете больны еще три недѣли, сказалъ онъ при первомъ посѣщеніи.

На мой вздохъ профессоръ отвѣчалъ съ важностью:

— Менѣе я не могу сдѣлать.

Потомъ, однако, вышло, что и трехнедѣльный срокъ доктору пригрезился. Онъ бѣгло отдавалъ приказанія. Замѣчательно, какая въ этомъ случаѣ во французскихъ госпиталяхъ пунктуальная точность. Не успѣетъ докторъ выйти за дверь, какъ уже начинаютъ приносить изъ аптеки все прописанное. Надобно, однако, замѣтить, что аптечное дѣло находится во Франціи въ очень дурномъ видѣ, и я всегда съ недовѣріемъ смотрѣлъ на разнокалиберные пузырьки безъ сигнатурокъ и пробокъ, которые мнѣ приносили, хотя старичокъ аптекарскій помощникъ внушительно мнѣ заявлялъ каждый разъ, что не пожалѣлъ для меня сахара. Изъ аптеки же приносятъ больнымъ лимонадъ и другіе прохладительные напитки.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра подается обѣдъ изъ трехъ блюдъ съ полубутылкою весьма сноснаго краснаго вина. При дороговизнѣ въ Парижѣ продуктовъ, надобно еще удивляться, какъ умудряются тамъ кормить больныхъ такимъ образомъ; обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ soupe grasse, т. е. бульона изъ костей съ накрошенной булкой, жареной баранины или говядины съ бобами и другою зеленью и сладкаго. Въ пять часовъ полагается ужинъ опять изъ трехъ блюдъ съ $^1/_2$ бутылкою вина, состоящій изъ супа съ крупою, мясного блюда, сыра или фруктовъ. Эти gérаs можно ѣсть въ общей

столовой, можно получать и у себя въ комнатѣ; тогда горничная приноситъ пхъ, а сестры милосердія рѣжутъ кушанье и болтовней развлекаютъ больного. Вечеромъ ничего не полагается, кромѣ противной tisane, не полагается также свѣчей, потому что, по теоріи, въ 8 часовъ больные должны спать, почему и зажигаются, если угодно, ночники. Понятно, что всѣ пьютъ кофе или чай, покупаютъ свѣчи и многое другое на собственный счетъ.

Въ 10 часовъ вчера незамѣтно появлялась съ потайнымъ фонаремъ молодая, очень некрасивая монахиня, одна изъ тѣхъ réligieuses, которыя пополняются во Франціи изъ рязряда дѣвъ хорошаго общества, часто аристократіи, потерявшихъ надежду выйти замужъ. Если монахиня видѣла, что я не спалъ, то, опустивъ глаза, подходила и спрашивала, какъ я себя чувствую и не надо ли мнѣ чего-либо. Такъ какъ я обыкновенно жаловался, что мнѣ дурно, то по своему долгу она старалась отвлечь мои мысли отъ болѣзни и какъ-нибудь утѣшить. По большей части, разговоръ сводился къ душеспасительнымъ или религіознымъ предметамъ; подчасъ эти бесѣды своею наивностью забавляли меня.

— Вы католикъ? спросила меня въ одно изъ первыхъ свиданій монахиня.

— Нѣтъ, православный.

— Значитъ, греческой схизмы? А большая разница въ нашихъ догматахъ.

— Не очень; главное отличіе въ понятіи о св. Троицѣ. У насъ св. Духъ исходитъ только отъ Отца.

— Ah, quelle horreur! набожно воскликнула монахиня.—У васъ, русскихъ, также императоръ вашъ—пана.

— Нисколько, это чистѣйшее недоразумѣніе...

— О, нѣтъ, я знаю отлично, что это такъ, возразила монахиня, но это незаконно. «Ты Петръ камень, и на семъ камнѣ я воздвигну церковь»,— развѣ Іисусъ говорилъ это одному изъ русскихъ императоровъ?..

На такіе аргументы оставалось только развести руками; къ несчастію, я не могъ даже шевельнуть пальцемъ. Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ моей собесѣдницѣ за ея желаніе обратить меня въ католицизмъ. Эта система занимать больныхъ во время безсонницы весьма похвальна, да и вообще самоотверженная дѣятельность французскихъ монахинь заслуживаетъ полной похвалы. Конечно, аскетическій принципъ можетъ возбуждать ту или другую оцѣнку въ наше время, но что въ практической дѣятельности монахини съумѣли заслужить сочувствіе во Франціи, особенно въ госпиталяхъ— не подлежитъ сомнѣнію.

Извѣстно, что до революціи всѣ жаловались тамъ на изобиліе монашескихъ орденовъ. Тогда, однако, монаховъ было менѣе 40,000, теперь ихъ болѣе 90,000 (Taine. Origines de la France, v. I) и, не смотря на конфискацію ихъ имуществъ, онѣ располагаютъ огромными капиталами. Эти цифры доказываютъ, что подобное учрежденіе, худо ли, хорошо ли оно, составляетъ пока живую потребность французскаго общества и подлежитъ не уничтоженію, какъ того усиленно добиваются французскіе радикалы, а развѣ видоизмѣненію.

— Хорошій народъ французы, но всѣ они болѣе или менѣе шарлатаны, а особенно въ медицинѣ, говорилъ мнѣ на всемірной выставкѣ одинъ почтенный русскій докторъ, потому очень не вѣрьте вашимъ профессорамъ въ St.-Louis, а проѣздомъ черезъ Вѣну заходите къ доктору Гебрѣ.

Такъ я и сдѣлалъ...

VI.

На засѣданіи французскаго конгреса.

Я имѣлъ въ 1879 г. рѣдкій случай присутствовать при торжественномъ засѣданіи французскаго національнаго собранія (конгреса), созываемаго для измѣненія конституціи и для выбора президента республики. Конгресъ 7 іюня, созванный для отмѣны 8-й статьи конституціи, обязывавшей палаты собираться непремѣнно въ Версалѣ, былъ первымъ конгресомъ, занявшимся конституціоннымъ вопросомъ, а при недолговѣчности вообще французскихъ конституцій могъ быть и послѣднимъ. Понятенъ поэтому интересъ, съ которымъ французское общество и печать отнеслись къ собранію, тѣмъ болѣе, что, какъ полагали тогда въ Парижѣ, по смыслу конституціи, разъ конгресъ созванъ, онъ дѣлается самодержавнымъ и нѣтъ предѣла его власти. Конгресъ имѣлъ слѣдователь-

но право коснуться и другихъ конституціонныхъ вопросовъ.

Благодаря волненію, съ которымъ обсуждался извѣстный законъ Ферри о воспитаніи, и скандаламъ, вызваннымъ этимъ обсужденіемъ, публика чрезвычайно внимательно слѣдила за засѣданіями палаты, а тутъ еще предстояло услышать Поля де-Кассаньяка, которому только что былъ на три дня воспрещенъ входъ въ палату, но воспрещеніе это не могло касаться права участія въ конгресѣ. Оставляя палату, Кассаньякъ назвалъ съ трибуны министровъ «мерзавцами и подлыми трусами»; поэтому можно было ожидать, какимъ тономъ онъ заговоритъ, получивъ случайно право снова явиться въ засѣданіе и стать лицомъ къ лицу съ тѣми же обруганными имъ министрами.

Всѣ билеты для публики были заранѣе разобраны, но я рискнулъ поѣхать въ Версаль, вооружившись рекомендательнымъ письмомъ нашего почтеннаго соотечественника, г. Вырубова, къ квестору палаты, извѣстному колоніальному депутату де-Маги. Уже де-Маги разсыпался въ безконечныхъ извиненіяхъ въ невозможности втиснуть меня въ залу, уже я напомнилъ ему слова Наполеона I, что «невозможно» вовсе не французское слово, какъ совершенно случайно одинъ изъ сенаторовъ, проходившихъ мимо насъ, отдалъ де-Маги билетъ.

оказавшійся ненужнымъ. Такимъ образомъ я попалъ на отличное мѣсто, прямо надъ крайнею лѣвою стороною. Зрѣлище досталось мнѣ, однако, не даромъ; надобно было встать утромъ въ 8 час. и просидѣть, хотя и съ перерывами, въ одинъ и тотъ же день три засѣданія подрядъ до 8 час. вечера.

Зала палаты депутатовъ, въ которой собрался конгресъ, очень похожа на описанную уже мною выше залу, служившую для засѣданія національнаго собранія 1871—1875 гг., а затѣмъ временно отданную для помѣщенія сената. Это великолѣпная зала въ стилѣ Людовика XV, освѣщенная сверху, съ раззолоченнымъ потолкомъ и стѣнами и колоннами изъ красноватаго штюка. Къ одной изъ длинныхъ стѣнъ придѣлано возвышеніе, гдѣ помѣщаются президентъ, секретарь и ораторская трибуна. Надъ возвышеніемъ повѣшена громадная картина, изображающая открытіе генеральныхъ штатовъ въ 1789 г. Два превосходныхъ гобелена и двое часовъ дополняютъ убранство. На трехъ противоположныхъ сторонахъ залы устроены трибуны, при чемъ весь рядъ во второмъ этажѣ отданъ для журналистовъ парижскихъ, провинціальныхъ и заграничныхъ. Представителямъ печати отведены, кромѣ того, для занятій въ версальскомъ дворцѣ двѣ отличныя залы. Въ трибунахъ публики на половину дамъ въ роскошныхъ лѣтнихъ костю-

махъ. На первой скамейкѣ трибунъ вообще по французской любезности предоставляется сидѣть только дамамъ. Такъ какъ француженки политикой очень мало интересуются, то усердное посѣщеніе собранія дѣлается исключительно ими съ цѣлью показывать свои новыя шляпки и т. п., а потому повсюду видны только одни молодыя и свѣжія лица. Публики было такъ много, что сверхъ поѣздовъ, отходящихъ изъ Парижа въ Версаль каждые полчаса, было пущено еще три экстренныхъ поѣзда. Толпы около собранія особой не было, но войскъ конныхъ и пѣшихъ собрано и разставлено было въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько тысячъ. Очевидно боялись какихъ-то манифестацій; но страхи были напрасны.

Засѣданіе собранія открылось ровно въ 10 часовъ утра и къ этому времени прибыли почти всѣ сенаторы и депутаты. Акуратность французскихъ законодателей поразительна. Изъ 835 сенаторовъ и депутатовъ, которые образуютъ конгресъ, не явилось, не считая находящихся въ отпуску или по дѣламъ службы, только пятеро, и то по болѣзни. Открытіе конгреса происходило съ нѣкоторою церемоніей: пѣшіе жандармы выстроились шпалерою и президентъ сената, который долженъ предсѣдательствовать въ конгресѣ, шелъ съ секретаремъ сената, квесторами, комендантами со-

браній, приставами и другими лицами въ торжественной процессіи по заламъ дворца; войска держали на караулъ и били барабаны. Въ залу Мартель вошелъ съ меньшею помпою, но все-таки въ сопровожденіи ряда приставовъ палаты въ мундирахъ и цѣпяхъ на шеѣ. Мартель во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ висками, зачесанными на лобъ, и подстриженными баками напоминалъ водевильнаго нотаріуса, но это тонкій человѣкъ, и благодаря громкому голосу и спокойствію, онъ предсѣдательствовалъ отлично и пользовался уваженіемъ товарищей.

Надобно знать, что лѣвая сторона, которая располагала въ конгресѣ двумя третями голосовъ, предрѣшила все заранѣе, намѣтила кандидатовъ въ конституціонную комиссію, напечатала даже списокъ ея членовъ и приготовила докладъ. Послѣ двоекратнаго обсужденія вопроса о возвращеніи въ Парижъ въ палатѣ и въ сенатѣ, лѣвая считала засѣданіе конгреса одною формальностью. Недовольная такою подготовкою правая хотѣла нарушить заученную комедію и на этомъ основала свою тактику. Она знала, что въ концѣ концовъ будетъ побита, но по крайней мѣрѣ хотѣла выставить себя передъ страною защитницею серьезнаго яко бы обсужденія конституціонныхъ вопросовъ.

Въ залѣ сенаторы и депутаты сидѣли безъ опредѣленнаго порядка, раздѣляясь только для удобства

голосованія на правую и лѣвую сторону. Надо было еще удивляться искусству архитектора Жоли, втиснувшаго въ залу лишнихъ 350 стульевъ для сенаторовъ. Съ этою цѣлью были разобраны перегородки подъ трибунами и поставлены стулья и столы въ проходахъ. Уничтоженіе перегородокъ увеличило весьма кстати резонансъ. Публика съ любопытствомъ разсматривала физіономіи депутатовъ и сенаторовъ. Гамбетта, расплывшійся, почти безъ шеи, въ широкомъ пальто, пришелъ очень рано и сѣлъ въ центръ прямо за министрами. Черезъ двѣ скамейки сзади его сидѣлъ сгорбленный Дюфоръ съ сѣдыми всклокоченными волосами и бѣлыми нависшими бровями. Всѣ показывали на пріятельницу Гамбетты, г-жу Арну д'Аріежъ, полную, красивую даму въ соломенной шляпкѣ съ великолѣпнымъ бѣлымъ перомъ. На министерскихъ скамьяхъ присутствовали рѣшительно всѣ министры: и моложавый на видъ толстякъ Ваддингтонъ, и сѣдой и худой Фрейсине, и совершенно лысый круглолицый Греле, и съ кривымъ носомъ и фигурою камердинера хорошаго дома Ферри, Леперъ, Сей и др.; на лѣвой сторонѣ внизу выдавались типическая фигура Жюль Фавра, длинный носъ Араго, большая пожелтѣвшая и всклокоченная борода глухого Мадье-де-Монжо, который во время засѣданія стоялъ у ораторской трибуны, держа руки около уха трубою. Тутъ

же обращалъ на себя вниманіе толстый радикальный виконтъ Дувиль Мальфе и также очень плотный бородатый Бароде. Либеральный сенаторъ Фуше де-Карейль замѣчателенъ тѣмъ, что имѣетъ сѣдую, какъ лунь, голову и черную, какъ смоль, бороду. Накэ, сидящій на лѣвой, и де-Помпери, помѣщающійся въ центрѣ, извѣстны своими горбами.

На правой сторонѣ крупными пятнами выдавались жирныя фигуры блѣднаго, какъ смерть, Руэра и самаго толстаго человѣка въ собраніи, извѣстнаго юриста и профессора, сенатора Баби; повыше сидѣлъ вѣчно красный отъ вина Кердрель, а неподалеку отъ него Гранье де-Кассаньякъ, смотрѣвшій все время въ бинокль; около него сидѣлъ не менѣе рьяный бонапартистъ Дюге де-ла-Фоконьери. Внизу бродилъ, размахивая руками, Пуейръ-Кертье, на котораго французы смотрятъ съ гордостью, такъ какъ во Франкфуртѣ онъ перепилъ Бисмарка; пробѣжалъ вспотѣвшій Валлонъ, «отецъ» конституціи 1875 года, и принималъ граціозныя позы бонапартистъ Прово-де-Лоне, лорнируя въ монокль дамъ... Всѣхъ, на кого показывали пальцами, не перечесть; прибавлю только, что огромное большинство было стариковъ; лысыхъ головъ было, по крайней мѣрѣ, три четверти, очень много также людей тучныхъ; почти всѣ члены собранія были одѣты въ черные сюртуки.

Мартель прозвонилъ разъ десять, пока собраніе, напоминавшее шумомъ жидовскую школу, успокоилось. Послѣ нѣсколькихъ словъ предсѣдателя, душа тогдашняго кабинета, министръ юстиціи Леройе, въ очкахъ, съ крючковатымъ носомъ и также съ приличною лысиною, прочелъ проектъ отмѣны 8-го параграфа конституціи. Не успѣлъ Леройе сойти съ трибуны, какъ на нее буквально ворвался бретонскій сенаторъ Френо, одинъ изъ самыхъ ярыхъ правыхъ. Этотъ старикъ видомъ походилъ на военнаго. Онъ началъ доказывать, что проектъ заслуживаетъ самаго серьезнаго обсужденія. Пусть-де собраніе раздѣлится на бюро, каждое бюро поспоритъ, выберетъ члена въ комиссію, комиссія опять поспоритъ, и т. д. Рѣчь Френо была прерываема страшными криками: «довольно!» Но Френо, упрямый какъ всѣ его соотечественники, дѣлалъ рукою жестъ, что не уйдетъ ни за что, становился во время шума сложа руки и, пользуясь минутами успокоенія, громко и ясно формулировалъ свое предложеніе. Президентъ попытался-было отнять у него слово, но Френо не повиновался, поддерживаемый аплодисментами правой.

Возражалъ Френо Тетеленъ, предложившій для скорости избраніе комиссіи по большинству голосовъ всего собранія. Френо еще раза два говорилъ противъ этого, не смотря на невѣроятные

крики нетерпѣнія со стороны большинства. Когда же появилась на трибунѣ моршанская фигура полоумнаго де-Гаварди, вопль и ревъ сдѣлались общими. Гаварди пальцами показывалъ, что скажетъ только два слова, но пощады ему не было никакой. Предсѣдатель предложилъ, среди адскаго шума, рѣшить вопросъ поднятіемъ рукъ. Тутъ многіе преспокойно подымали обѣ руки, но бюро собранія очень точно рѣшаетъ, гдѣ большинство, чему содѣйствуетъ расположеніе стульевъ правильными сегментами, такъ что стоитъ провести границу между сидящими съ поднятыми руками и сидящими смирно, чтобы сразу очень вѣрно сосчитать, гдѣ большинство.

Большинство было, конечно, за избраніе комиссіи изъ цѣлаго собранія, т. е., другими словами, изъ членовъ одной лѣвой, которая располагала очевиднымъ большинствомъ; впрочемъ, на этотъ разъ и выборъ въ бюро не помогъ бы, такъ какъ при раздѣленіи на бюро, для скорости подачи голосовъ, правая, по странной случайности, во всѣхъ бюро осталась въ крупномъ меньшинствѣ. Она потребовала тогда отсрочить засѣданіе, но Мартель, съ согласія большинства собранія, назначилъ слѣдующее засѣданіе черезъ три съ половиною часа.

Эти три часа я проходилъ въ сильно запущенномъ версальскомъ паркѣ, размышляя о превратности судьбы этого дѣтища деспотизма Людо-

вика XIV. Стоило ли тратить сотни милліоновъ, отъ которыхъ еще у Кольбера поднимался на головѣ парикъ, и сто лѣтъ держать всю массу французскаго населенія нищею, чтобы создать гулянье для нѣсколькихъ солдатъ и нянекъ! Я подошелъ къ одной группѣ гуляющихъ солдатъ и нашелъ вѣчный французскій споръ о формѣ правленія; одинъ старый солдатъ доказывалъ другому, что и при имперіи пные, служа двадцать и болѣе лѣтъ, не дождались военной медали. Въ группахъ около ресторановъ Кассаньякъ продолжалъ служить темою для разговоровъ. У одного стола офицеры въ формѣ и отставные восхищались крѣпкими словами бонапартистскаго наѣздника; за другимъ депутаты, очевидно лѣвой, порицали его. Впрочемъ, любовь французовъ къ бойкимъ словамъ проявилась и тутъ. Назвавъ слова Кассаньяка отвратительными, депутатъ сказалъ:

— Я не спорю — это талантъ. Это не первый встрѣчный. Но какъ старый безстыдникъ Руэръ еще рѣшается защищать такую дерзкую ругань?

Около четырехъ часовъ началось второе засѣданіе конгреса съ прежнимъ церемоніаломъ. Трибуны еще разъ наполнились публикою. Мѣста, кажется, не нашлось бы городничему, а еще въ общей залѣ дожидала толпа, особенно дамъ. Явились нѣкоторые запоздавшіе члены собранія. Викторъ Гюго,

гладко остриженный и еще очень бодрый, полѣзъ на крайнюю лѣвую и сѣлъ около человѣка-обезьяны Кремье, что возбуждало общее любопытство публики. На правой сторонѣ появился герцогъ Брольи, высокій, съ подстриженными усами, и сѣлъ на первой скамейкѣ. Наконецъ, вошелъ, слегка покачиваясь, герой дня — Поль де-Кассаньякъ. Это огромнаго роста, очень красивый брюнетъ, съ усами, торчащими прямо; онъ только смуглъ, какъ креолъ. Мѣсто Кассаньяка внизу было занято Бюффе, и онъ потому простоялъ все время засѣданія, держа себя на этотъ разъ съ достоинствомъ и не участвуя въ перерывахъ. Депутаты правой окружили Кассаньяка и пожимали ему руки, поздравляя его, вѣроятно, съ рѣчью, которую не далъ договорить ему предсѣдатель палаты, Гамбетта, въ прошлое засѣданіе, но которая утромъ появилась въ «Pays» in extenso, занимая цѣлый нумеръ газеты. Это длинная апологія католицизма, довольно ловко составленная изъ отзывовъ наиболѣе ярыхъ противниковъ религіи и пересыпанная самыми рѣзкими ругательствами противъ министровъ и особенно Ферри. Само собою разумѣется, что такой рѣчи лѣвая сторона никогда не дослушала бы и до половины, да и для произнесенія ея пришлось бы посвятить почти цѣлое засѣданіе.

Открывъ въ шесть часовъ собраніе, Мартель объявилъ имена членовъ, избранныхъ въ комиссію,

которые оказались буквально тѣ же, что подготовлены были сначала. Правая продолжала свою тактику, доказывая, что выборы незаконны, ибо въ бюро большинство почти вездѣ не дозволяло разсуждать о кандидатахъ, а требовало только подачи голоса. Ораторомъ правой выступилъ сначала бонапартистъ Дрео, съ замѣчательно громкимъ голосомъ, легко покрывавшимъ шумъ пятисотъ человѣкъ, и затѣмъ знаменитый адвокатъ іезуитовъ, самый видный во Франціи представитель клерикальной партіи, сенаторъ Шенелонъ, котораго, такъ какъ онъ разбогатѣлъ торгуя свининой, республиканцы зовутъ «мистическимъ колбасникомъ». Шенелонъ во время перерыва должно быть выпилъ бутылки три вина, ибо физіономія его была пурпуровая, а лицо торжественно сіяющее. Шенелонъ давно считается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ во Франціи; рѣчь его, дѣйствительно, литературна по формѣ, а жесты ораторскіе и аргументація сжатая и сильная, но вѣчная самодовольная улыбка и бѣготня во всѣ стороны по каоедрѣ нарушаютъ впечатлѣніе. На бѣду, желая перекричать ревущее большинство, Шенелонъ живо охрипъ и началъ подчасъ издавать странные сиплые звуки. Эти звуки встрѣчались лѣвою съ страшнымъ хохотомъ, заглушаемымъ криками негодованія на правой. На границѣ правой и лѣвой члены начали, наконецъ,

формальную перебранку, показывая другъ другу кулаки; дѣло не дошло, однако, до драки, какъ незадолго до того, когда министръ Тираръ публично съѣздилъ въ ухо бонапартиста Дарпста. На крайней лѣвой кто-то кричалъ пѣтухомъ. Мартель звонилъ въ свой колоколъ безуспѣшно. Рѣчь Шенелона вертѣлась на томъ, что, отнимая у меньшинства всякое участіе въ обсужденіи вопросовъ, республиканцы куютъ орудіе противъ самихъ себя, ибо завтра они сами могутъ оказаться въ меньшинствѣ.

На это сенаторъ Пельтанъ, одинъ изъ «старыхъ республиканскихъ бородъ», какъ выражаются французы, довольно неловко возражалъ, ссылаясь на національное собраніе, гдѣ также будто бы не давали ходъ меньшинству. Послѣ безконечныхъ споровъ на эту тему, снова влѣзъ на каоедру, толкая локтями направо и налѣво, Френо и предложилъ резолюцію, что палата недовольна нарушеніемъ своего устава. Послѣ ужаснаго смятенія, гдѣ то и дѣло кто-нибудь вскакивалъ съ мѣста, кричалъ, лѣзъ на каоедру, стаскивался съ нея за фалды, показывалъ кулакъ и т. д., большинство рѣшило назначить еще засѣданіе черезъ часъ, чтобы дать время комиссіи представить свой докладъ. — «Да онъ вчера еще былъ напечатанъ!» кричитъ кто-то направо при общемъ хохотѣ.

Новая часовая прогулка въ саду, возбудивъ аппетитъ, сильно охладила головы. Руэръ, въ собраніи бонапартистовъ, и Бюффе, въ собраніи монархистовъ, убѣждали не противиться долѣе рѣшенію вопроса и не затягивать безполезно пренія. Правая, однако, сдѣлала еще послѣднее усиліе, а именно, при открытіи третьяго засѣданія, потребовала отложить засѣданіе на слѣдующій день.

Ранѣе, впрочемъ, появился на каѳедрѣ знаменитый Жюль Симонъ и плаксивымъ, однообразнымъ профессорскимъ тономъ промямлилъ, въ качествѣ докладчика, мнѣніе комиссіи. Говорятъ, Гамбетта, давно не говорившій рѣчей, хотѣлъ, чтобы его избрали докладчикомъ, но недовольные поведеніемъ Гамбетты въ кассаньяковскомъ вопросѣ депутаты выбрали Симона. Весь докладъ былъ строкъ въ десять, чтобы не дать правой матеріала для спора, но явился Бюффе и потребовалъ слова. По старой, что ли, привычкѣ, но Бюффе—бывшій долго предсѣдателемъ—былъ выслушанъ съ религіознымъ молчаніемъ. Онъ говоритъ ясно, отчетливо, но съ однообразнымъ жестомъ правой руки. Бюффе доказывалъ необходимость отложить пренія, обѣщаясь тогда произнести обстоятельную рѣчь. Это, говорятъ, была своего рода штука. Бюффе зналъ, что засѣданіе не отложатъ, а сказать ему по вопросу, вполнѣ исчерпанному, было нечего, между тѣмъ

надобно было сдѣлать видъ, что говорить не даютъ. Огромнымъ большинствомъ собраніе требовало продолженія преній. Правые объявили тогда, что они разбирать проекта наскоро не согласны, но объяснятъ только свое голосованіе.

Отъ имени монархистовъ сказалъ тогда нѣсколько словъ сенаторъ Люсьенъ Бренъ, другъ графа Шамбора, изящная фугура съ черной съ просѣдью бородкой въ безукоризненно сшитомъ сюртукѣ, весьма краснорѣчиво, къ сожалѣнію, слишкомъ въ мелодраматической формѣ и тихимъ голосомъ. Бренъ объяснилъ, что, какъ легитимистъ, они бы долженъ радоваться необдуманному рѣшенію собранія, но, какъ католикъ, онъ не желаетъ ускорять событія, которыя всѣ въ рукахъ Провидѣнія. Отъ имени части бонапартистовъ извѣстный журналистъ Митчель, здоровый толстякъ съ черною бородою, заявилъ, что онъ подастъ голосъ съ большинствомъ, опасаясь, что иначе парижская дума заберетъ всю власть въ свои руки. Тутъ влѣзъ на трибуну Ларошъ Жуберъ, весьма, говорятъ, почтенный писчебумажный фабрикантъ въ Ангулемѣ, но въ палатѣ игравшій роль шута, безпрерывно ни къ селу, ни къ городу произносившій рѣчи и предлагавшій къ законамъ поправки, единогласно отвергаемыя. И здѣсь онъ вышелъ заявить, что первый подалъ мысль вернуться въ Парижъ, хотя и принадлежалъ

въ правой сторонѣ. Обѣ стороны энергически заставили Лароша Жубера замолчать и уйти съ каѳедры.

Въ заключеніе разыгрался новый скандалъ. На ораторскую трибуну медленно взошелъ Кассаньякъ и, покручивая усы, оглядывалъ торжественно разряженныхъ дамъ. Мартель, желая съострить и припоминая исторію о невключенныхъ Гамбеттою въ отчетъ о засѣданіи ругательствахъ Кассаньяка, изъ-за чего произошла размолвка между министерствомъ и Гамбеттою, лукаво замѣтилъ, крѣпко позвонивъ:

— Господа, я прошу у васъ глубокаго молчанія, чтобы ни одно слово оратора не потерялось.

Эти слова не смутили, однако, Кассаньяка.

— Я благодарю г. президента за его просьбу, ибо она показываетъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ безпристрастію собранія.

— Прошу васъ не продолжать въ томъ же тонѣ, сухо замѣтилъ разсердившійся уже Мартель, видя, что ему не тягаться въ остроуміи съ набившимъ руку журналистомъ.

Поль де-Кассаньякъ заявилъ медленно, громко, но нѣсколько въ носъ, что подастъ голосъ за проектъ, такъ какъ онъ поведетъ къ паденію и разоренію республики, «чего, — прибавилъ онъ, — я искренно желаю». Слова Кассаньяка приняты

были криками одобренія правой стороны и презрительнымъ молчаніемъ лѣвой. Начинается собираніе голосовъ, пристава разносятъ урны, собираютъ билетики и высыпаютъ ихъ въ корзины, гдѣ секретари быстро считаютъ голоса. Черезъ пять минутъ стало извѣстно, какъ заранѣе и предвидѣлось, что изъ поданныхъ 811 голосовъ 549 было за отмѣну 8-й статьи конституціи и 262 за ея оставленіе. По провозглашеніи результата нѣсколько депутатовъ-школьниковъ крайней правой закричали при общемъ хохотѣ: Vive la république!

Публика бросилась къ дверямъ, но засѣданіе еще не окончилось. Читался наскоро составленный однимъ изъ секретарей протоколъ. И тутъ герцогъ Ларошфуко-Бизачья началъ исторію, требуя, чтобъ включили непремѣнно въ протоколъ, что онъ сказалъ, что министерство «передернуло» рѣшеніе палаты. Мартель хотѣлъ призвать его къ порядку, но апетитъ взялъ свое и собраніе мгновенно разошлось. Образовалось вновь нѣсколько громадныхъ поѣздовъ, и мы возвратились въ Парижъ, гдѣ не только не нашли радостной иллюминаціи, которую торжественно предрекали Эмиль де-Жирарденъ и другіе журналисты, но даже обычной толпы на дебаркадерѣ.

Да оно и понятно. Если только кто могъ радоваться рѣшенію конгреса, такъ это депутаты, ко-

торымъ не нужно было ѣздить каждый день въ Версаль. Столица же немного выиграла, потому что и безъ того всѣ депутаты и сенаторы жили въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ окончательно перебрались палаты въ Парижъ только черезъ три мѣсяца послѣ рѣшенія конгреса.

VII.

Парижъ въ 1885 году.

Подвижной составъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ даже для курьерскихъ поѣздовъ отвратителенъ, какъ я имѣлъ случай лично убѣдиться по пути изъ Турина въ Парижъ.

Я взялъ мѣсто въ такъ называемомъ coupé-lits и оказался одинъ въ своемъ купэ. Для спанья я расположился на среднемъ креслѣ, чтобы кондукторы, открывая вагоны на станціяхъ, не безпокоили меня. Я крѣпко заснулъ и среди сна чувствовалъ, что что-то нѣжное ласкаетъ и щекочетъ меня по лицу. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда, проснувшись на разсвѣтѣ, я увидѣлъ, что казавшееся мнѣ пріятнымъ щекотаніе происходило отъ того, что лампа въ потолкѣ вагона отъ продолжительнаго употребленія расхлябалась и грязное

деревянное масло изъ нее поливало меня, спавшаго одѣтымъ, всю ночь,

Само собою, я поднялъ страшный шумъ; по прибытіи въ Парижъ мнѣ принесли мой сундукъ къ вагону и я вынужденъ былъ переодѣться съ головы до ногъ, бросивъ на память компаніи P. L. M. мое бѣлье, платье и пальто, обратившіяся въ масляныя тряпки...

Сезонъ скачекъ привлекъ нынче въ Парижъ огромное число путешественниковъ, и трудно было достать мѣсто въ гостиницахъ; къ сожалѣнію, упорный проливной дождь испортилъ времяпровожденіе. Отъ наплыва путешественниковъ Парижу, впрочемъ, немногимъ легче. Теперь въ этотъ городъ не пріѣзжаютъ жить круглый годъ, а въ него, какъ въ кабакъ, заѣзжаютъ на нѣсколько недѣль—разница огромная, выражающаяся наглядно въ появленіи на главныхъ улицахъ множества закрытыхъ магазиновъ и въ изобиліи повсюду надписей: à louer.

Число построекъ уменьшается. строятъ болѣе дума и казна, чтобы забавлять населеніе. Прошли тѣ времена, когда цѣлыя улицы около парка Монсо застраивались на старости лѣтъ дѣвками, нажившими своимъ промысломъ роскошные пріюты въ поученіе подростающему поколѣнію. Теперь эта vieille garde, какъ и всѣ парижскіе домовладѣльцы,

сидятъ въ страхѣ и въ виду постоянныхъ успѣховъ радикальной партіи ждутъ новой Коммуны; домовладѣльцы же изъ иностранцевъ обзаводятся національными флагами, которые оказали чудодѣйственное вліяніе при первой Коммунѣ въ смыслѣ охраны домовъ отъ грабежа и поджога.

Страдаютъ во Франціи не одни рабочіе классы. Относительно еще болѣе потеряли помѣщики. Доходы большинства ихъ уменьшились на девять десятыхъ, на югѣ—отъ филоксеры, на сѣверѣ—отъ конкурренціи Америки въ хлѣбѣ и отъ кризиса свеклосахарной промышленности. Во многихъ мѣстахъ нѣтъ рѣшительно никакой выгоды сѣять хлѣбъ, кромѣ какъ для собственнаго потребленія, поэтому фермеры ничего не платятъ помѣщикамъ.

Съ уменьшеніемъ доходовъ не уменьшилась элегантность, хотя мужчины щеголяютъ въ туалетахъ, сшитыхъ изъ нѣмецкихъ матерій по англійской модѣ. Женщины тѣмъ менѣе имѣютъ право отказываться отъ нарядовъ, потому что, какъ извѣстно, парижанки красотою никогда не отличались и туалетъ составляетъ добрыхъ двѣ трети ихъ достоинствъ. Тэнъ справедливо сказалъ: Il y a de la poésie dans l'élégance, хотя самъ философъ ходитъ въ засаленномъ и не вычищеннымъ сюртукѣ. Но кромѣ философовъ всѣ въ Парижѣ за модою слѣдятъ ревностно. Теперь въ модѣ, напримѣръ, ярко-желтый цвѣтъ, и рѣ-

шительно нельзя встрѣтить женщины не въ желтой шляпкѣ.

Мужья и любовники, конечно, жалуются на измѣненія моды, но замѣчательно, что мужчины всегда жаловались на эти измѣненія. Одинъ писатель XV столѣтія ужасался, что женщины мѣняютъ фасонъ своихъ платьевъ каждыя десять лѣтъ! Что сказалъ бы онъ въ настоящую минуту, когда платья служатъ часто для одного дня.

Недавно «Новое Время» привело злой отзывъ Сенъ-Сера, будто нѣмецкія принцессы носятъ парижскія моды двумя годами позже ихъ появленія. Повидимому, это не общее правило. Парижскіе модные журналы заняты описаніемъ роскошныхъ платьевъ принцессы Елизаветы Саксенъ-Веймарской, заказавшей свое приданое въ Парижѣ, и вспоминаютъ при этомъ, что когда сестра принцессы выходила за князя Рейса, то сразу заказала себѣ болѣе *ста платьевъ* парижскимъ модисткамъ!

А вотъ роскошь другого рода. Парижскій окружной судъ приговорилъ извѣстную опереточную пѣвицу Жанну Гранье къ уплатѣ счета въ 2,044 фр. ея прачкѣ. Эта цифра покажется крупною, но изъ судебнаго слѣдствія выяснилось, что, по мнѣнію пѣвицы, «уважающая себя» женщина должна носить денныя рубашки не дешевле 60 рублей за

штуку, ночныя еще болѣе дорогія, панталоны въ 20 руб. и чулки съ обшивками изъ кружевъ въ 100 руб. пара.

Цвѣтное бѣлье начинаетъ понемногу выходить изъ моды, по крайней мѣрѣ зимою. Шикомъ для элегантныхъ женщинъ считается носить бѣлыя батистовыя рубашки и бѣлыя панталоны, обшитыя чернымъ кружевомъ. Это-де придаетъ кожѣ бѣлизну.

Корсеты шьются все короче и короче; отдѣлка ихъ очень разнообразна; если кружевомъ, то на темномъ корсетѣ употребляютъ свѣтлыя кружева, на свѣтломъ корсетѣ — темныя. Бѣлыхъ нижнихъ юбокъ франтихи не носятъ даже на балахъ.

Страсть къ тряпкамъ, охватившую всѣ классы населенія, Дрюмонъ не безъ основанія въ своей книгѣ, которая имѣетъ во Франціи успѣхъ чрезвычайный, приписываетъ вліянію евреевъ. Не только книга продается на каждомъ шагу, но я не былъ въ Парижѣ ни въ одномъ обществѣ, гдѣ бы сейчасъ о ней не начинался разговоръ, переходившій въ ожесточенный споръ. Видно, авторъ «La France juive» попалъ въ цѣль.

Современная роскошь, однако, болѣе показная и фальшивая. Благодаря успѣхамъ красильнаго искусства, кроликъ занялъ, напримѣръ, почетнѣйшее мѣсто въ мѣховой торговлѣ. Онъ составляетъ двѣ трети всѣхъ мѣховъ и является во всевозможныхъ

видахъ, подъ разными громкими наименованіями. Если у него оставлена длинная шерсть, то его называютъ *sibérienne* или *куницею*. Если изъ него выдернуты твердые волоски, онъ обращается въ бобра; если его подстригутъ механически, какъ бархатный плюшъ, то вотъ ужъ морской котикъ! Кошку также начали съ успѣхомъ подвергать тѣмъ же остроумнымъ операціямъ. Котиковая муфта, продающаяся за 120 франковъ, дѣлается изъ кошачьяго мѣха цѣною въ 6 франковъ!

Рутина попрежнему ужасно сильна у французовъ. Можетъ ли быть что-нибудь несноснѣе поѣздки по французскимъ желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ васъ запираютъ на ключъ какъ дикихъ звѣрей и все время на васъ покрикиваютъ? Еще глупѣе порядки въ парижскихъ театрахъ. Вмѣсто выдачи печатныхъ билетовъ до сихъ поръ еще кассиръ пишетъ пять минутъ и прописываетъ на билетѣ даже вашу фамилію, а въ оперѣ на билетъ прикладывается гербовая марка!

Утѣшеніемъ, по крайней мѣрѣ, служитъ, что послѣ такой дурацкой процедуры вамъ даютъ сносное представленіе. Я пересмотрѣлъ все, что заслуживаетъ вниманія. Видѣлъ въ оперѣ: «Cid» Маснэ, довольно ничтожный по музыкѣ, но съ необыкновенной по роскоши и изяществу постановкой; тутъ отличаются братья Решке; «Sigurd»

Рейера—музыкальную белиберду въ вагнеровскомъ стилѣ; зѣвающіе парижане слушаютъ ее очень терпѣливо, дѣлая видъ, что могутъ восторгаться «серьезною» музыкой. Видѣлъ я танцы прелестной Розиты Мори и энергичной Корнальбы; видѣлъ въ «Brama» дебютъ Аделины Росси, молодой итальянской балерины, очень красивой, съ блестящей мимикой и чудными зубами. Въ foyer de la danse оперы мнѣ показали знаменитаго радикальнаго депутата Клемансо, круглолицаго, съ большими усами и фигурою стараго ремонтера; онъ ухаживалъ за танцовщицею, но влюбленъ, говорятъ, въ пѣвицу Розу Каронъ, которой худоба не мѣшаетъ прельщать еще одного еврейскаго банкира. Тѣ, которыхъ кости не прельщаютъ, должны отправляться въ Новый циркъ, гдѣ въ огромномъ водномъ бассейнѣ плаваютъ плотныя дѣвицы, изображающія наядъ.

Изъ драматическихъ вещей мнѣ болѣе всего понравились: въ Variétés — фарсъ «Le fiacre 117» Мильо, уморительно разыгранный Селиной Шомонъ, Барономъ и Ласушемъ; въ Gymnase—комедія «Le bonheur conjugal» Валабрега, гдѣ превосходенъ Нобле, молодой комикъ, отличной дикціей очень напоминающій Коклена, котораго онъ долженъ замѣнить когда-нибудь въ Comédie; въ Bouffes parisiennes — оперетка «Josephine vendue par ses

soeurs»—представляющая остроумную пародію библейской исторіи Іосифа. Трудно придумать что-нибудь веселѣе, симпатичнѣе и натуральнѣе игры въ этой опереткѣ маленькой Мили-Мейеръ, которую по-русски можно бы назвать просто милая Мейеръ. Распѣваемая ею въ 1-мъ актѣ пѣсенка, оканчивающаяся припѣвомъ:

Où il y a de l'hygiène
Il n'y a pas de plaisir

слышится во всѣхъ концахъ Парижа и стала модною, какъ въ модѣ волапюкъ и остроты надъ нимъ.

Г-жа Симонъ Жираръ замѣнила съ успѣхомъ г-жу Югальдъ въ «Les petits Mousquetaires», и оперетка Варнея выдержала сотню лишнихъ представленій, ради новаго д'Артаньяна, обратившагося въ настоящаго cherubino d'amore. Прелестная г-жа Симонъ Жираръ всегда считалась одною изъ первоклассныхъ артистокъ въ Парижѣ. Она къ тому же единственная тамъ опереточная артистка, имѣющая голосъ. Г-жа Жираръ выбрала карьеру опереточной звѣзды, хотя была бы замѣтною и въ комической оперѣ, а на роляхъ dugazons, въ которыхъ славилась ея мать, она навѣрное заняла бы первое мѣсто.

Восемнадцати лѣтъ, послѣ обстоятельнаго курса въ консерваторіи, Жюльетта Жираръ дебютировала въ «Folies-Dramatique» въ опереткѣ Оффен-

баха «Le foire Saint-Laurent», гдѣ сразу выказала себя умной и увлекательной актрисой и превосходной пѣвицей. Молодость, грація и живость выдвинули дебютантку въ первый рядъ, а директорамъ театра надолго обезпечили барыши. Роль Серполеты въ «Cloches de Corneville», шедшихъ болѣе 800 разъ подъ-рядъ—случай и въ Парижѣ почти небывалый—еще болѣе упрочила репутацію Жюльетты. Всѣ знатоки и не-знатоки оцѣнили ея тонкое искусство «говорить» куплеты.

Затѣмъ ея успѣхи не прерывались. Въ 1878 г. она создала главную роль въ «Madame Favart» Оффенбаха, который на ужинѣ въ честь сотаго представленія этой оперетки и предложилъ здоровье «для всѣхъ драгоцѣнное, а именно... его собственное», такъ какъ знаменитый маэстро, остроуміе и любезность котораго я имѣлъ неоднократно случай оцѣнить, былъ уже тогда одною ногою въ гробу. Въ томъ же 1878 году г-жѣ Симонъ-Жираръ много аплодировали въ роли Манта въ новой опереткѣ Лакома «Paques fleuries», но апогея успѣха она достигла въ послѣдней опереткѣ Оффенбаха, данной при его жизни, «La fille du tambour-major», гдѣ пѣла рядомъ со своею матерью, исполнявшею роль герцогини. Роль Стеллы дала возможность г-жѣ Симонъ-Жираръ выказать всѣ стороны ея гибкаго таланта. Ежедневно, въ теченіе двухъ се-

зоновъ, по два и по три раза публика заставляла повторять куплеты институтки, амазонки, маркитантки и маленькаго кучера, а пѣсенка Gentil français стала быстро въ Парижѣ популярною.

«La fille du tambour-major» дана была свыше 250 разъ; ее смѣнила оперетка Лакома «Le beau Nicolas», гдѣ г-жа Симонъ-Жираръ исполняла роль Камиллы. Въ 1881 г. она играла Жанетту въ опереткѣ «Jeanne-Jeanette-Jeanetton» того же автора, до сихъ поръ не сходящей въ Парижѣ съ афиши, а также пѣла и въ имѣвшей мало успѣха опереткѣ полоумнаго, но чрезвычайно талантливаго Эрвэ «Deux roses».

Въ 1882 г. г-жа Симонъ-Жираръ создала въ опереткѣ «Le petit Parisien» Вассера роль принца де-Банье. Travesti очень шло къ артисткѣ и это было первою ролью, гдѣ артистка не распѣвала любовныхъ дуэтовъ съ своимъ мужемъ, ея обыкновеннымъ партнеромъ. Означенное событіе было отмѣчено парижскими рецензентами, для которыхъ семейныя добродѣтели представляютъ явленіе довольно необычное. Въ томъ же году она создала роль Пэмпрелена въ «Fanfan la Tulipe» Варнея.

Въ слѣдующемъ году въ «Princesse des Canaries», опереткѣ Лекока, роль Пепиты для г-жи Симонъ-Жираръ была новымъ тріумфомъ. Ея пѣсенка служанки въ гостинницѣ, исторія бѣлокурой Психеи,

куплеты тореадора и особенно дуэтъ двухъ англичанокъ, дѣйствительно, truly charmante и каждое въ свое время, по тонкой отдѣлкѣ мельчайшихъ деталей,—перлъ искусства.

Таковъ краткій перечень артистической карьеры артистки, кромѣ Парижа пѣвшей съ неменьшимъ успѣхомъ и на сценахъ всѣхъ большихъ городовъ Франціи и въ Лондонѣ. Если только матеріалъ былъ подходящій, успѣхъ г-жи Симонъ-Жираръ былъ всегда колоссальный.

Голосъ г-жи Симонъ-Жираръ напоминаетъ голосъ г-жи Гранье въ молодости. Онъ такъ же ясенъ, нѣженъ, красивъ, симпатиченъ и звученъ. Дикція безукоризненна. Артистка, какъ я сказалъ, прошедшая долголѣтнюю серьезную музыкальную школу, владѣетъ голосомъ превосходно, съ легкостью и чистотою; поэтому незамѣтно никакихъ усилій и, будетъ ли она повторять одну и ту же вещь два или три раза, она исполнитъ ее всегда одинаково хорошо. Еще вещь удивительная для француженки: интонація артистки всегда вѣрная.

Какъ актриса, г-жа Симонъ-Жираръ имѣетъ также очень крупныя достоинства. Сложена она замѣчательно правильно. Фигура ея стройна и изящна, лицо оживляется очень красивою улыбкою, бѣлыми зубами и глазами, чуть-чуть косящими, но полными какого-то лукаваго кокетства. Артистка

въ особенности нравится, когда улыбается. Играетъ онъ всегда со вкусомъ и тонко, почему даже вещи скабрезныя, въ опереткахъ встрѣчающіяся нерѣдко, въ ея передачѣ получаютъ игривый оттѣнокъ и никого не шокируютъ. Это тончайшій экстрактъ женскаго остроумнаго кокетства. Замѣчательно, что будучи чрезвычайно живою и умѣя то, что называютъ французы le diable au corps, она обладаетъ благородными манерами и distinction. И нея также много граціи и женственности, что производитъ всегда чарующее впечатлѣніе. Въ заключеніе нельзя не прибавить, что преобладающее качество игры г-жи Симонъ-Жираръ—умъ; она—врожденный комическій талантъ, почему пародіи и удаются ей такъ хорошо. Для этого достаточно видѣть ее англійской миссъ въ «Princesse des Canaries».

Подобныя данныя и объясняютъ успѣхъ, сопровождавшій артистическое прошлое г-жи Симонъ-Жираръ *).

---

*) Въ концѣ 1885 года г-жа Симонъ-Жираръ создала роль Терезы въ мало интересной опереткѣ «Fauvette du Temple» Мессаже. Въ 1887 г. она въ первый разъ оставила театръ Folies Dramatique, который ей обязанъ былъ своимъ процвѣтаніемъ, и выступила въ театрѣ du Chatelet въ фееріи «Chatte blanche» въ роли Пьеретты. Длинный рядъ представленій доказалъ, что голосъ артистки совершенно достаточенъ и для большой сцены. Поэтому г-жа Симонъ-Жираръ была ангажирована въ театръ de la Gaité, чтобы создать роль поэта Седена въ комической оперѣ «Le dragon de la reine». Послѣ бле-

Артистка эта славится въ Парижѣ еще, какъ я сказалъ, совершенно необычнымъ для опереточной дивы качествомъ. Она прекрасная мать семейства и примѣрная супруга; elle est sage, говорятъ о ней парижане *). А sagesse г-жа Симонъ-Жираръ понимаетъ не такъ, какъ знаменитая актриса XVIII столѣтія Софи Арну, которая сказала, что la sagesse d'une actrice n'est que l'art de bien fer-

---

стящаго созданія роли въ «Voyage de Suzette» г-жа Симонъ-Жираръ пріѣхала въ Россію и одно время въ Ливадіи осталась незамѣченною. Болѣе или менѣе теплый пріемъ въ Новой Деревнѣ не могъ, конечно, измѣнить достоинствъ или репутаціи артистки, но въ концѣ іюня я, вернувшись изъ-за границы, не могъ не взяться за перо, чтобы не высказать нѣсколько словъ изумленія по поводу равнодушія петербургской публики къ одному изъ самыхъ талантливыхъ и симпатичныхъ дарованій, когда-либо украшавшихъ парижскую сцену. Имѣя ежегодно случай быть свидѣтелемъ успѣховъ г-жи Симонъ въ Парижѣ, я былъ заранѣе убѣжденъ, что артистка будетъ имѣть такой же блестящій успѣхъ и у насъ въ Петербургѣ и невниманіе публики приписывалъ стеченію обстоятельствъ, которыя вовсе не должны были разочаровывать артистку насчетъ пониманія нашей публики, въ музыкальномъ отношеніи вообще довольно развитой. Виноваты были рецензенты лѣтнихъ театровъ. Отдавая полную справедливость г-жѣ Симонъ-Жираръ, они писали о ней какъ будто о какой-то мало извѣстной дебютанткѣ. Агитація имѣла успѣхъ, г-жа Симонъ-Жираръ перешла къ г. Раулю Гинсбургу въ Аркадію, гдѣ сразу завоевала вниманіе публики и сдѣлалась любимицею.

*) И до сихъ поръ г-жа Симонъ-Жираръ продолжаетъ пользоваться любовью парижанъ и создала много новыхъ ролей, но замѣчательно, что въ зрѣлости sagesse ее покинула... по крайней мѣрѣ она развелась со своимъ мужемъ

mer les portes—чтобы не быть накрытой врасплохъ, и не такъ какъ Мольеръ, который говоритъ въ «Мизантропѣ» qu'il faut être sage avec sobriété.

Этой sobriété нѣсколько, пожалуй, злоупотребляютъ парижскія актрисы. Изо ста едва ли найдется одна изъ нихъ, которая не принадлежитъ къ полусвѣту и для которой сцена не составляетъ только средства указать на себя публикѣ и найти любовника. Виновато тутъ, конечно, не столько женское легкомысліе и увлеченіе, столько туалеты. Жалованья, получаемаго актрисами, не хватаетъ и на оплату половины туалетовъ, а на житье ничего не остается. Я не говорю ужъ о тѣхъ артисткахъ, которыя вынуждены платить директорамъ за право фигурировать на сценѣ, да еще подвергать себя крупнымъ штрафамъ и неустойкамъ. Для ремесла кокотки быть актрисой въ Парижѣ очень удобно, потому что иностранцы, пріѣзжающіе на короткое время и не зная никого, прямо по именамъ на афишахъ и руководствуются для разныхъ интимныхъ знакомствъ. Актрисы въ модѣ получаютъ сотни декларацій и приглашеній. Большинство однако предпочитаетъ болѣе солидныя связи съ биржевиками и спортсменами. Браки между артистками, впрочемъ не рѣдкость, но столь же часты и разводы. Непонятно даже, какъ это находятся охотники жениться на актрисахъ.

Кстати о разводѣ. Я присутствовалъ при одномъ изъ митинговъ, созванномъ депутатомъ Накэ для агитаціи о возстановленіи развода, исключеннаго Chambre introuvable въ 1816 г. изъ Наполеоновскаго кодекса.

Митингъ происходилъ днемъ въ Cirque d'Été. Огромная зала была переполнена публикою весьма приличною. Накэ, небольшого роста, широкоплечій и горбатый, имѣетъ на блѣдномъ лицѣ типическія черты еврея; говоритъ онъ по-французски очень чисто и изящно. Онъ очень ловко построилъ свою длинную рѣчь, стараясь вызвать симпатію къ женамъ, брошеннымъ съ дѣтьми и не имѣющимъ возможности, за отсутствіемъ развода, вести семейную жизнь иначе какъ въ прелюбодѣйной связи. Онъ читалъ отрывки изъ полученныхъ трогательныхъ писемъ отъ разныхъ женщинъ. Затѣмъ слѣдовали искусно подобранныя цифры изъ статистики католическимъ странъ Бельгіи и Швейцаріи, допускающихъ разводъ. Цифры имѣли цѣлью доказать, что разводъ не страшенъ, что если въ началѣ послѣ изданія законовъ о разводѣ и бывало много легкомысленныхъ разводовъ, то затѣмъ къ разводу привыкаютъ, и онъ является только полезнымъ коррективомъ дѣйствительно несчастныхъ браковъ, не выходя изъ предѣловъ опредѣленнаго процента, вообще не высокаго.

Все это было изложено добродушно, вкрадчивымъ голосомъ, безъ адвокатскихъ эфектовъ и производило извѣстное впечатлѣніе на публику. На вызовъ представить вопросы и возраженія никто изъ послѣдней не отозвался.

По окончаніи митинга Накэ пѣшкомъ, слегка прихрамывая, пошелъ домой по Елисейскимъ полямъ, окруженный толпою зѣвакъ, разсматривавшихъ его какъ любопытнаго звѣря.

Въ театрѣ—хотя большинство парижскихъ талантовъ жиды и жидовки — долго еще французы останутся на первомъ планѣ. Вотъ по части спорта успѣхи ихъ слабѣе. Я присутствовалъ на Grand prix de Paris, происходившихъ подъ проливнымъ дождемъ, обратившимъ Лоншанское скаковое поле въ кисель, при чемъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ торжества англичанъ и позорнаго малодушія французовъ. Когда англійская лошадь Minting, далеко опередивъ всѣхъ другихъ, пришла къ столбу, то не только не раздалось ни одного аплодисмента, а, напротивъ, послышались весьма рѣзкія шиканья. Такова хваленая французская любезность!

А вотъ какова французская деликатность. Мой одинъ знакомый былъ на балу у президента Греви и видѣлъ, что открытый буфетъ съ яствами охраняютъ часовые со штыками! Иначе силою разнесутъ гости раньше времени.

VIII.

Балетъ въ Парижѣ.

Между предметами, въ особенности привлекающими (въ 1883 г.) въ Парижѣ вниманіе какъ парижанъ, такъ и путешественниковъ, на первомъ планѣ стоитъ новый театръ Eden. Четыре мѣсяца ежедневныхъ представленій не могутъ удовлетворить любопытства, и каждый день роскошныя залы театра наполняетъ густая толпа.

Это предпріятіе задумано на очень широкихъ началахъ акціонернымъ обществомъ, съ капиталомъ въ 6 милліоновъ франковъ, но еще до открытія спектаклей было издержано болѣе 10 милліоновъ франковъ. Одно пріобрѣтеніе мѣста въ улицѣ Бюдро обошлось около 6 милл. франковъ, постройки—свыше 4 милл. фр. и т. далѣе. Поэтому общество, имѣя уже 3.850,000 фр. долгу по залогу въ кредитномъ обществѣ, рѣшилось выпустить на

1.200,000 фр. облигацій. На эти почтенныя суммы въ самомъ центрѣ Парижа, близъ Большой оперы, сооружено громадное зданіе, состоящее внутри изъ огромнаго театральнаго зала, единственнаго въ Парижѣ, гдѣ можно удобно сидѣть и видѣть и въ креслахъ, и въ ложахъ, и трехъ такихъ же фойе, отдѣланныхъ въ индійскомъ стилѣ; несчетное число газовыхъ рожковъ въ лампахъ и замѣна обоевъ громадными зеркалами во всю стѣну отъ потолка до полу еще болѣе усиливаютъ эфектъ; вмѣсто одного фойе представляется глазу цѣлый рядъ освѣщенныхъ залъ. Въ каждомъ фойе устроено по нѣсколько буфетовъ, за которыми возсѣдаютъ столь же красивыя, сколько любезныя продавщицы. На одномъ изъ буфетовъ красуется надпись: «здѣсь говорятъ по-русски».

Въ этомъ волшебномъ помѣщеніи, куда плата за входъ полагается въ 3 франка и гдѣ сбирается парижскій demi-monde, покинувшій на-время Folies Bergère, даются ежедневно разнообразныя представленія пантомимъ, тирольскихъ пѣвцовъ, альбиносовъ и т. д. Но главною приманкою служитъ знаменитый балетъ миланскаго балетмейстера Манцотти «Excelsior», который не сходитъ съ афишъ итальянскихъ балетныхъ спектаклей. Для исполненія балета дирекція театра Эденъ пригласила изъ Италіи трехъ балеринъ и кор'-де-балетъ изъ 450

артистовъ. Постановка, костюмы, декораціи и репетиціи стоятъ болѣе 300,000 франк., а ежедневный расходъ по театру требуетъ, говорятъ, до 10,000 франковъ! Изъ этихъ цифръ можно заключить въ какихъ размѣрахъ задумано предпріятіе, а также безъ труда вычислить, что хотя Парижъ и центръ, куда стекаются тысячи иностранцевъ, ищущихъ развлеченія, но банкротство Эденъ-театра въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ неизбѣжно.

Появленіе «Эксцельсіора» на миланской сценѣ въ 1881 г. составило эпоху въ хореграфическомъ искусствѣ. Конечно, нашлись сейчасъ зоилы, которые открыли, что Манцотти, авторъ балета, не будучи никогда танцовщикомъ, а только мимомъ, а ранѣе того торговцемъ овощей, роняетъ балетъ, обращая его въ калейдоскопъ голыхъ спинъ, рукъ и ногъ, что искусство танцевъ должно погибнуть и замѣниться выставкою статистовъ, декорацій и электрическаго освѣщенія и т. п. Но успѣхъ балета заглушилъ всѣ эти возгласы. Какъ вещь въ извѣстномъ смыслѣ геніальная, «Эксцельсіоръ» привлекъ къ балету вниманіе публики, обошелъ почти всѣ сцены Европы, Сѣверной и Южной Америки, автору своему доставилъ милліоны, а въ Италіи положительно нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ никто не хотѣлъ ничего и смотрѣть, кромѣ «Эксцельсіора»

«При появленіи его, пишетъ одинъ итальянскій критикъ, балетоманы въ Миланѣ пришли въ такое изступленіе, что можно было подумать, что настало свѣтопреставленіе». Балерины также примирились съ Манцотти и находятъ, что и въ его балетѣ и балетахъ (ибо онъ сочинилъ ихъ нѣсколько въ томъ же родѣ, хотя и съ меньшимъ талантомъ) танцовать очень возможно, надобно только умѣть танцовать.

По своему содержанію «Эксцельсіоръ» представляетъ нѣчто весьма тенденціозное—борьбу обскурантизма со свѣтомъ науки, при чемъ наука, изображаемая всегда красивою женщиною, въ воздушномъ свѣтломъ костюмѣ, постоянно побѣждаетъ мрачный обскурантизмъ, въ образѣ котораго является не то католическій монахъ, не то Мефистофель, въ черномъ костюмѣ, со змѣею на груди. Борьба представляется въ видѣ сопоставленія начала и торжества разныхъ изобрѣтеній и открытій.

Въ первой картинѣ Обскурантизмъ держитъ Свѣтъ въ оковахъ, но Свѣту мало-по-малу удается освободиться. По его мановенію открывается великолѣпный дворецъ Цивилизаціи, гдѣ кордебалетъ исполняетъ аллегорическіе танцы. Это наиболѣе эфектное дѣйствіе изъ всего балета. Оно такъ мастерски задумано, что всюду рѣзнаетъ успѣхъ произведенія Манцотти. Лучше же всего

большое балабилле, Il Risorgimento, т. е. возрожденіе, разумѣя тутъ возрожденіе Италіи послѣ ея объединенія.

Затѣмъ борьба двухъ началъ продолжается. Въ третьей картинѣ, послѣ характерныхъ танцевъ: Il Vincitore dell Regato и мазурки Sulle rive del Weser, рыбаки, по совѣту Обскурантизма, уничтожаютъ пароходъ Дениса Папена, но Свѣтъ сейчасъ же утѣшаетъ послѣдняго, указывая ему въ новой картинѣ видъ Нью-Іорка, гдѣ по мосту въ Бруклинъ идетъ курьерскій поѣздъ, а внизу, подъ мостомъ, проходитъ на всѣхъ парахъ пароходъ. Въ пятой картинѣ, изображающей кабинетъ Вольты, Обскурантизмъ старается помѣшать ученымъ занятіямъ послѣдняго, но нѣсколько электрическихъ ударовъ прогоняютъ зловреднаго духа, и онъ обращается въ бѣгство передъ Свѣтомъ, который показываетъ телеграфную станцію въ Вашингтонѣ. Толпа танцовщицъ, въ костюмѣ телеграфныхъ разсыльныхъ, въ лихомъ галопѣ, изображаетъ это новое торжество цивилизаціи. Въ седьмой картинѣ балета — грабежъ каравана въ пустынѣ и песчаная буря, насылаемая Обскурантизмомъ; но побѣда Обскурантизма непродолжительна. Свѣтъ показываетъ торжество открытія Суэзскаго канала въ Измаиліи. Идетъ рядъ танцевъ: «Космополитанка», «Индіанка», pas d'ction, уничтоженіе невольниче-

ства—pas de deux балерины и перваго танцовщика, наконецъ, Omaggio a Lesseps,—большое, чрезвычайно красивое balabille, исполняемое всей труппой.

Обскурантизмъ старается тогда повредить дѣлу цивилизаціи подъ землею: онъ задерживаетъ ходъ работъ въ Монъ-Сенисскомъ тоннелѣ. Мимическая картина трогательныхъ сомнѣній итальянскихъ инженеровъ въ успѣхѣ предпріятія комична, но инженеры напрасно ломаютъ руки: при помощи Свѣта, галереи сближаются, взрываются послѣдніе камни, французскіе рабочіе входятъ въ тоннель съ противоположной стороны и происходитъ братаніе двухъ націй. Въ послѣдней картинѣ Свѣтъ и Миръ окончательно торжествуютъ. Обскурантизмъ признаетъ себя навсегда побѣжденнымъ, и всѣ народы танцуютъ большой балабили, называемый La Concordia. Не смотря на торжество *мира*, всѣ, однако, одѣты въ военныя формы. Россія изображается танцовщицами въ кавалергардскихъ каскахъ и мундирахъ, но съ черкесскими патронташами на груди. Только представители дѣйствительно мирныхъ Соединенныхъ Штатовъ являются во фракахъ и полосатыхъ панталонахъ. По злой случайности наши друзья венгерцы помѣщены среди дикихъ народовъ!

Изъ трехъ балеринъ я, по болѣзни Флиндтъ, видѣлъ по очереди только двухъ: Пальядино и

Корнальбу. Первая—мпловидная собою, маленькая итальянка—танцуетъ грубовато и вообще ничѣмъ не замѣчательна. Другая балерина некрасива собою и имѣетъ поднятыя плечи; въ ней замѣтно вліяніе итальянской школы танцевъ, нѣсколько эксцентрической, но по части силы и техники это первоклассная танцовщица и превосходитъ далеко съ этой стороны нашихъ балеринъ. Просто изумляешься сколько можетъ быть мускульной силы въ такомъ маленькомъ тѣлѣ. Ноги Корнальбы восхитительны по правильному сложенію. Она также очень воздушна — что рѣдкость для итальянскихъ танцовщицъ terre à terre. Еще изумительнѣе техника перваго танцовщика Каммарано. Ничего подобнаго Петербургъ не видалъ со временъ Дюпора и Антонена. Пируеты Каммарана такъ быстры, что у зрителя дѣлается головокруженіе. Нѣсколько секундъ кажется, будто бы у танцовщика двѣ головы, или какъ будто вращается не одинъ, а два танцовщика, держась вмѣстѣ спинами. Передъ этой техникой, отличающейся необыкновенной чистотой и увѣренностью, техника какого-нибудь г. Манохина покажется только «чудомъ костромскихъ лѣсовъ». Я говорилъ объ увѣренности танцовщика, то же самое относится и къ г-жѣ Корнальба. Послѣ самыхъ быстрыхъ и головоломныхъ темповъ она останавливается мгновенно, какъ вкопаная.

Въ характерномъ pas «Indienne» я видѣлъ г-жъ Лаусъ и Монти—обѣ красивы собою; у послѣдней только слишкомъ длинная талія. Изъ мимовъ, которыхъ очень цѣнятъ итальянцы въ своихъ балетахъ, лучшій Монтанара, представляющій поочередно съ Росси Обскурантизмъ. Тюники имѣютъ только балерины, а для кордебалета они замѣняются разноцвѣтными коротенькими прозрачными панталонами, что красиво и некрасиво, смотря по танцамъ. Въ одномъ изъ па у кордебалета черные чулки, что придаетъ соблазнительный видъ ногамъ, обтянутымъ въ трико тѣлеснаго цвѣта. Эти чулки составляютъ одинъ изъ предметовъ, которымъ очень занимаются французская пресса и карикатуристы. Шумная музыка балета, написанная Маренко, довольно оригинальна и эфектно оркестрирована. Очень многое можетъ быть заимствовано отсюда для будущихъ нашихъ балетовъ, хотя еще проще было бы поставить въ Петербургѣ «Excelsior» цѣликомъ *).

Я познакомился съ г-жами Корнальбой и Лаусъ.

Корнальба замужемъ за мимомъ Росси, слегка сумасшедшимъ, съ которымъ собирается развестись. По ближайшему разсмотрѣнію, она имѣетъ пре-

*) Это было исполнено, Сѣтовымъ въ «Ливадіи», сравнительно при очень скудной обстановкѣ. Отличились только балерина г-жа Бріанца и очень красивая мима г-жа Бертолла.

лестные бѣлокурые волосы, плоска какъ доска; но что-то чрезвычайно нѣжное и женственное въ ея манерахъ и выраженіи глазъ должно привлекать къ ней мужчинъ. Она беретъ каждый день горячую ванну, но это не уменьшаетъ ея силъ. Непостижимо просто, гдѣ заключается источникъ силы въ такомъ тщедушномъ тѣлѣ. Къ танцамъ Корнальба имѣетъ необыкновенныя врожденныя способности и можетъ, не репетируя и не упражняясь по недѣлямъ, танцовать съ такою же легкостью, какъ если бы училась каждый день. Она говоритъ свободно по-французски и сознаетъ, что на свою бѣду имѣетъ un coeur trop sensible. И съ виду она кажется очень нервною и должна имѣть темпераментъ.

Г-жа Лаусъ, несомнѣнно, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ. Прекрасные, умные глаза и великолѣпные черные волосы украшаютъ ея оживленное лицо съ правильными чертами; но это отходитъ на второй планъ передъ великолѣпнымъ сложеніемъ артистки: стройность ея корпуса, сложеніе ногъ напоминаютъ древнія статуи и къ ней всецѣло прилагается стихъ Гюго:

«Chair de la femme! argile idéale! o merveille!»

Я спросилъ, кто ей шьетъ такіе прекрасные корсеты?

— Природа моя корсетница! отвѣчала она.

Увы! какъ мало женщинъ могутъ сдѣлать этотъ гордый отвѣтъ, достойный древности *).

Г-жа Эмилія Лаусъ одарена также и по части таланта. Уроженка Турина, ученица г-жи Легренъ (у которой училась и Корнальба), она хорошая полухарактерная танцовщица.

Вопреки ходячему мнѣнію объ ограниченности танцовщицъ, прелестная Milia отличается умомъ и оригинальностью. Въ жизни я не видалъ такого почерка, какъ у нея: она пишетъ такъ крупно, что на страничкѣ умѣщается четыре строчки. Можно подумать, что она пишетъ ногами, а не руками.

*
* *

Ни одинъ балетъ не имѣлъ на театрѣ Eden успѣха равнаго съ «Excelsior», хотя были поставлены «Sieba» Манцотти, гдѣ удивительно мимировала Цукки, и «Messalina»—Данези, одно изъ роскошнѣйшихъ хореографическихъ произведеній послѣдняго времени. На репетиціи этого балета слонъ, фигурировавшій въ тріумфѣ, влѣзъ въ фойе танцовщицъ и, посмотрѣвшись въ зеркало, разбилъ его хоботомъ. Съ огромною роскошью поставили и но-

*) Понятно, столь прекрасныя *формы* были скоро оцѣнены и, чтобы дать имъ достойное *содержаніе*, одинъ изъ Ротшильдовъ подарилъ Лаусъ два великолѣпныхъ отеля въ Парижѣ, 3 милліона франковъ и дачу въ Монако.

вый балетъ Манцотти: «Rolla»—сюжетъ не Мюссе, а изъ итальянской исторіи. Не смотря на превосходную постановку, блестящіе костюмы и искусное освѣщеніе, а также на участіе двухъ превосходныхъ балеринъ: старой, чрезвычайно сильной Коппини и юной, также сильной на носкѣ, Леньяни (только что выпущенной изъ миланскаго училища) и удивительнаго по силѣ танцовщика Винченти, балетъ сборовъ не дѣлалъ и уже черезъ мѣсяцъ его сократили и половину труппы отпустили съ миромъ въ страну макаронъ. Только первое представленіе было полно, платили барышникамъ и агентствамъ пятерныя цѣны. Во время представленія, въ бель-этажѣ какіе-то господа дрались между собою и колотили какую-то даму. Въ Парижѣ подобный способъ оканчивать семейныя драмы не рѣдокъ.

Вообще, когда сборы въ Eden упадали, то для привлеченія иностранцевъ не находили ничего лучшаго, какъ возобновлять «Эксцельсіоръ», не обращая вниманія на то, что братаніе итальянцевъ съ французами не очень должно было приходиться по вкусу парижанамъ при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, когда все итальянское стало во Франціи презираться. Портреты Лессепса также пришлось выпустить изъ послѣдней картины, такъ какъ послѣ панамскаго краха фонды «великаго фран-

цуза» сильно упали. Эти портреты были замѣнены видомъ башни Эйфеля.

Послѣднее возобновленіе балета состоялось во время всемірной выставки въ 1889 г. и твореніе Манцотти, особенно извѣстныя картины «Возрожденія» и «Суэзскаго канала», имѣло вновь большой успѣхъ. Электрическое освѣщеніе дѣйствовало великолѣпно и увеличивало эфектъ постановки. Въ главныхъ роляхъ, Цивилизаціи и Индіанки, танцовали двѣ балерины, хорошо знакомыя Петербургу: Карлотта Бріанца и Ромпльда Віо. Г-жа Бріанца, танцовавшая на сценѣ «Эдена» уже второй разъ, очень нравилась публикѣ своею граціею и миловидностью. Она показала также не малую силу, вслѣдъ за большимъ pas d'action (освобожденіе невольниковъ), исполнивъ весьма трудную и блестящую варіацію. Г-жа Віо, которой пришлось въ роли Индіанки замѣнить г-жу Лаусъ, перешедшую въ «Grand Opéra», съ тѣхъ поръ, какъ она танцовала у насъ съ г-жею Цукки въ 1885 г., сдѣлала большіе успѣхи. Изъ остальныхъ исполнителей обратили на себя вниманіе г-жа Галинети, весьма красивая и хорошо сложенная мима, и г. Біанкофіори, молодой танцовщикъ, чрезвычайно ловкій и сильный, по манерѣ танцевъ напоминавшій г. Чекетти.

Труппа «Эдена» все время была исключительно

итальянская; сюда переѣхали изъ Милана всѣ черноокія danzatrice со своими неизбѣжными «мамами» и «дзіями», хорошо извѣстными всѣмъ балетоманамъ и такъ удачно описанными Гюи де-Мопасаномъ въ «Soeurs Rondoli».

Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей «Эденъ-театра» сдѣлалъ слѣдующій выводъ изъ многократныхъ наблюденій надъ сюжетами этого театра:

Балерина «Эдена» (prima balerîna di rango francese) влюблена въ свое искусство и обожаетъ его; выходя на сцену, набожно крестится; очень заботится о своихъ танцовальныхъ башмакахъ, трико и тюникахъ, но очень мало о своихъ волосахъ. Никогда не устаетъ ходить и танцовать на пуантахъ и не боится, танцуя, растрепать волосы. Принимаетъ букеты съ удовольствіемъ, поклонниковъ съ презрѣніемъ. Прозаически любитъ какого-нибудь молодца, которому никогда не отказываетъ въ любви, а иногда и въ деньгахъ.

Солистка (prima ballerina di rango italiano). Физіономія выразительная и сладострастная; даже за кулисы своего театра является въ сопровожденіи маменьки; зубы великолѣпные, волосы также, глаза съ огнемъ, гибкость тѣла змѣиная. Умѣетъ одѣваться и любитъ устраивать въ своей уборной, обитой кретономъ въ большихъ букетахъ, угощенія... конечно, на чужой счетъ.

Мима (mima) не считаетъ себя танцовщицей и презрительно смотритъ на тѣхъ, которыя должны «заносить антраша». На сцену выйдетъ хоть голая, но внѣ сцены не покажетъ даже и руки. Изучаетъ пластику и разспрашиваетъ о тѣхъ историческихъ лицахъ, которыхъ ей приходится изображать. Третируетъ свысока мелкихъ чиновниковъ, но тщательно слѣдитъ за курсами и мечтаетъ выйти замужъ за биржевика.

Вторыя танцовщицы (distinti) бываютъ замужнія или «свободныя». Первыя обыкновенно жены танцовщиковъ и мимовъ. Онѣ танцуютъ добросовѣстно и не стѣсняются подымать высоко ноги, сами чистятъ себѣ танцовальные башмаки, моютъ трико и крахмалятъ тюники, не любятъ танцовать въ travestis и не разоряются на макильяжъ. Бѣлилами служитъ имъ магнезія. Балетоманы, остерегайтесь цѣловать руки или плечи при такихъ бѣлилахъ! Слабительное дѣйствіе магнезіи извѣстно. Вольныя distinti обыкновенно моложе замужнихъ, являются акуратно въ театръ и, быстро одѣвшись, идутъ на сцену въ тактъ $^{6}/_{8}$; тамъ становятся въ третьей позиціи, не сводя глазъ съ режиссера. На ночь выпиваютъ бутылку вина Barbera и жгутъ постоянно лампадки передъ образомъ Мадонны. Болѣе скромныя живутъ съ родственниками; болѣе рѣзвыя

предпочитаютъ любовниковъ изъ ресторатороvъ или женскихъ портныхъ.

Кордебалетныя танцовщицы все любятъ болѣе, нежели танцы: любятъ цвѣты, конфекты, подарки, шампанское, жареныхъ или фаршированныхъ пулярдовъ, длинные усы и даровыя мѣста въ театрѣ. Обожаютъ смотрѣть на партеръ въ дырку въ занавѣсѣ. Чтобы быть красивѣе, не стѣсняются набивать корсетъ старыми чулками и измятыми нумерами газетъ. Если состоятъ замужемъ, то очень любятъ мужа и обожаютъ при этомъ любовника.

Ученицы приходятъ на сцену съ бутербродами и съ вареньемъ въ бумажкѣ, танцуютъ добросовѣстнѣе и тщательнѣе, чѣмъ кордебалетныя танцовщицы; между танцами бѣгаютъ по уборнымъ танцовщицъ, выпрашивая куски поношеннаго тарлатана, старыя ленты и измятые цвѣты.

Эденъ-театръ ввелъ навремя балетъ въ моду и Парижъ очень интересовался танцами. Цѣлую серію ихъ, начиная отъ первобытныхъ скачковъ краснокожихъ индѣйцевъ въ «Buffalo Bils» до канкана—этого высшаго продукта французской цивилизаціи—въ «Jardin de Paris», «Bullier» и т. п. мирныхъ убѣжищахъ, жители Парижа могутъ (1889 г.) созерцать каждый день. Испанскіе танцы можно видѣть въ «Nouveau Cirque», алжирскіе, туниссскіе, египетскіе, яванскіе, аннамитскіе — въ колоніаль-

номъ отдѣлѣ выставки, а внѣ выставки показываютъ даже танцы какихъ-то антропофаговъ (sic!). Les petites javanaises—четыре миніатюрныя и граціозныя танцовщицы съ острова Явы имѣютъ особый успѣхъ.

Объ этихъ съ виду дѣтскихъ фигуркахъ разсказываютъ ужасы. Онѣ очень ревнивы, а на Явѣ ревнивыя женщины имѣютъ своеобразный способъ мстить невѣрнымъ любовникамъ: стригутъ очень мелко тигровую шерсть и подмѣшиваютъ въ кушанье; любовникъ спокойно съѣдаетъ это, получаетъ язвы кишекъ и переселяется, въ наказаніе за свое коварство, въ лучшій міръ въ ужасныхъ мученіяхъ!

Но впереди всѣхъ по вниманію публики стоитъ на всемірной выставкѣ знаменитая отнынѣ Аюшка, капрская альме, исполняющая въ арабскомъ кафе въ rue de Caire la danse du ventre. Это «le plus grand succès l'Exposition», уступающій только башнѣ Эйфеля, но превосходящій всѣ остальныя чудеса выставки съ смыслѣ возбужденія любопытства зѣвающей толпы. Аюшка, дѣйствительно, геній въ своемъ родѣ; каждая часть ея жирнаго тѣла движется отдѣльно и получаетъ судорожное движеніе въ то время, когда корпусъ сохраняетъ величественное спокойствіе. Хотя Аюшкѣ на видъ лѣтъ сорокъ, но французовъ этимъ не испугаешь и на-

вѣрно въ будущемъ году Аюшка будетъ имѣть отель около парка Монсо и кататься въ Булонскомъ лѣсу на парѣ alezans, одѣвшись у Ворта или Родрига. Кабачокъ, гдѣ она танцуетъ, заработалъ уже сотни тысячъ франковъ, а въ danse du ventre барышни упражняются даже въ самыхъ благочестивыхъ семействахъ.

Когда Аюшка выходила на эстраду, публика съ любопытствомъ ее разсматривала; одинъ цѣнитель дотронулся даже руками до ея роскошныхъ бедръ. Это возмутило одного изъ арабскихъ музыкантовъ: Eh, eh! сказалъ онъ, ne touchez pas, c'est ma femme.

— Ah, c'est votre femme, спокойно замѣтилъ любитель арабской пластики, приподнявъ слегка шляпу, je vous fais mon compliment!

Слова эти вызвали общее одобреніе публики.

Видя танцовальную манію парижанъ, и оперный балетъ очнулся отъ сна. А надобно сказать, что въ «Grand Opéra» хореграфическое искусство падало въ послѣднее время, главнымъ образомъ, впрочемъ, вслѣдствіе того, что во главѣ оперы стали два директора, думающіе лишь о барышахъ и ничего несмыслящіе въ искусствѣ. Одинъ изъ нихъ былъ прежде продавцомъ куръ! Между тѣмъ, ради балета-то Опера и получаетъ такую крупную субсидію отъ правительства, и эта субсидія горячо от-

ставается въ палатахъ, такъ какъ во всѣхъ политическимъ партіяхъ балетъ насчитываетъ вліятельныхъ покровителей и во главѣ ихъ Клемансо, Арена, Марэ, Жюль Роша и др. Депутація парижскихъ гражданъ, представлявшаяся Леонъ Сею съ жалобою, что сгорѣвшая «Opéra Comique» не отстраивается, прямо заявила, что парламентъ оттого, вѣроятно, такъ равнодушенъ къ этому дѣлу, что въ «Opéra Comique» нѣтъ балета.

Танцовщицы очень часто фигурируютъ въ рѣчахъ депутатовъ. Такъ, радикалъ Мишу, требуя прекращенія выдачи театрамъ субсидіи, съ паосомъ воскликнулъ: «Неужели, господа, вы предпочитаете потъ танцовщицъ поту честныхъ виподѣловъ!»—А вы развѣ нѣтъ, вѣдь онъ plus parfumée, отвѣчалъ одинъ изъ депутатовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Констанъ, защищая, по поводу запроса Анатоля де-ла-Форжа, тюремные порядки касательно представителей прессы, указывалъ на то, что къ одному заключенному литератору допускалась даже танцовщица, въ запискѣ заявившая, впрочемъ, администраціи, что будетъ являться въ сопровожденіи маманн.

Вотъ за такое вниманіе французскихъ, Ликурговъ, послѣ цѣлаго похода «Gil Blas» и другихъ газетъ противъ директоровъ Большой Оперы гг. Рита и Гальяра за бездѣятельность опернаго балета, и

былъ поставленъ балетъ «La Tempête» въ 6-ти картинахъ съ давно небывалою роскошью. Балетъ заимствованъ изъ драмы Шекспира, откуда взятъ уже былъ ранѣе балетъ того же имени, Коралли, (музыка Шнейтцоффера), въ которомъ у насъ когда-то танцовала Тальони, а въ Парижѣ дебютировала Фанни Эльслеръ.

Собственно говоря, для сочиненія балетной программы можно бы Шекспира было и не тревожить, тѣмъ болѣе, что при всемъ искусствѣ Жюля Барбье, автора либретто, пришлось не только выпустить всю соль шекспировской поэзіи, но и передѣлать самое сценаріо. Отецъ Миранды, Просперо, выпущенъ; она сдѣлана сиротою, а Аріель управляетъ очарованнымъ островомъ. Влюбленный въ Миранду, онъ старается отбить ее у Фердинанда, которому Миранда отдаетъ предпочтеніе. Въ концѣ концовъ Аріель соглашается на бракъ двухъ влюбленныхъ и отпускаетъ ихъ въ Неаполь, а самъ умираетъ въ моментъ, когда является изъ волнъ галера, готовая увезти счастливыхъ.

Музыку къ новому балету написалъ директоръ консерваторіи Амбруазъ Тома, которому 78 лѣтъ. Это прекрасный человѣкъ и прекрасный композиторъ, авторъ: «Hamlet», «Mignion» и др. chef d'oeuvres; новая музыка его не лишена достоинствъ, но для балета требуется болѣе свѣжее вдохновеніе,

болѣе мелодичная легкость и болѣе блестящая инструментовка. Общее впечатлѣніе музыки таково, какъ будто она составлена изъ кусочковъ, написанныхъ въ разное время. Увертюра слишкомъ серьезна для балета. Лучшія по музыкѣ мѣста—это berceuse и хоръ во второй картинѣ, небольшая прелюдія передъ пятой картиной съ соло на флейтѣ, акомпаниментъ танцевъ балерины и сцена встрѣчи Фердинанда и Миранды. Для разнообразія, кромѣ хоровъ за сценою, въ прологъ вставлена арія: «души въ небесахъ». Ее исполнила дебютантка г-жа Пакъ. Прибавленіе пѣнія къ балету, весьма пріятное, не составляетъ, какъ извѣстно, ничего новаго. До второй половины XVIII столѣтія не было даже другихъ балетовъ, кромѣ смѣшанныхъ съ пѣніемъ.

Въ хореграфическомъ отношеніи новый балетъ не представляетъ ничего особенно выдающагося. Г. Ганзенъ, балетмейстеръ «Grand Opéra», бывшій у насъ балетмейстеромъ въ Москвѣ—талантъ ординарный. Его балетъ, на постановку котораго употреблено было 129 репетицій, обыкновенный классическій балетъ; танцы кордебалета, группы и арабески—самые рутинные.

Prima ballerina г-жа Морп — Миранда — хотя пополнѣла и совсѣмъ лишилась уже элевацій, все-таки по силѣ носка остается первою танцовщицею въ Европѣ. Она мастерски и безъ признаковъ уто-

мленія исполняла цѣлый рядъ весьма трудныхъ варіацій въ pas de bijoux, grand andante, pas de l'éventail, pas de deux, la captive, grande variation и duo d'amour, дѣлая двойные туры на носкѣ безъ кавалера съ одинаковою силою справа налѣво и слѣва направо. При колоссальной техникѣ у этой артистки нѣтъ увлеченія; она холодна какъ старческая музыка Амбруаза Тома; лицо ея также совсѣмъ невыразительно.

Больше всего понравилось grand andante: очень красиво pas d'action, исполненное Мори съ другою балериною г-жею Лаусъ и г. Гансеномъ. Послѣдній исполнялъ комическую роль Калибана. Для г-жи Лаусъ это былъ въ Grand Opéra первый дебютъ, хотя Парижу она извѣстна уже съ 1883 года по театру Эденъ. Къ сожалѣнію, въ роли Аріеля г-жѣ Лаусъ мало пришлось танцовать. Зато ея мимическому дарованію было открыто широкое поле и она показала, что послѣ г-жи Цукки теперь, несомнѣнно, она лучшая мима между итальянскими балеринами. Успѣхъ дебюта Лаусъ былъ полный. Отмѣтимъ еще необыкновенно изящный костюмъ послѣдней. Какъ и другіе костюмы балета, онъ дѣлаетъ честь рисовальщику костюмовъ Grand Opéra, г. Біанкери, и исполнительницѣ костюмовъ, г-жѣ Фрорэ.

Кромѣ балеринъ мало кто заслуживаетъ внима-

нія въ труппѣ парижской оперы. Первый танцовщикъ г. Васкесъ болѣе мимъ, чѣмъ танцовщикъ; изъ первыхъ танцовщицъ по части танцевъ лучшія г-жи Гиршъ, Румье, Монье, Оттолини, а по части красоты — г-жи Дезире и Инверници. Изъ вторыхъ танцовщицъ красивѣйшія г-жи Трамблэ, Віола, Шабо и Рикотти. Кордебалетъ послѣ такого большого числа репетицій танцовалъ, конечно, очень ровно; школа его очень напомнаетъ нашъ кордебалетъ, но здѣшнія танцовщицы по большей частя дурно сложены; это — недостатокъ парижанокъ. Если есть получше сложенныя, то онѣ или еврейки, или итальянки.

Что, дѣйствительно, хорошо въ Grand Opéra, такъ это обстановка. Всѣ декораціи новаго балета превосходно написаны и по части перспективы, и по части красокъ. Декораторы гг. Лавастръ и Карпеза отличились. Наиболѣе эфектны: гротъ третьей картины съ видомъ на море и морской берегъ въ послѣдней картинѣ.

Успѣхъ этой картины усилился еще торжествомъ машинной части. По знаку Аріеля, генін подымаютъ изъ воды затонувшій корабль Фердинанда. Изъ-за кулисъ появляется громадная раззолоченная неаполитанская галера, отъ воды до верхушекъ мачтъ украшенная гирляндами изъ живыхъ красивыхъ женщинъ. Хотя корабль этотъ вѣситъ

1,200 пудовъ, но онъ свободно идетъ по сценѣ, затѣмъ круто поворачивается носомъ къ публикѣ (носъ образуетъ красивая г-жа Лекувэ, очень декольте, искусно вставленная въ стѣнки корабля) и, какъ бы двигаемый волною, подходитъ къ самому оркестру, постепенно подымаясь изъ воды.

Этотъ корабль, дѣйствительно, le clou de la soirée. Успѣхъ его громадный и рѣшаетъ участь балета. Каждый зритель желалъ бы сдѣлать путешествіе на подобномъ суднѣ и ужъ, конечно, не его спросили бы, какъ мольеровскаго героя: Que diable allait-il faire dans cette galère?

IX.

Монументы.

Хотя не опасна, но нѣсколько забавна та тщеславная поспѣшность, съ которою французы и итальянцы окрещиваютъ теперь улицы своихъ городовъ именами такихъ знаменитостей, которыхъ никто не будетъ помнить завтра, и ставятъ монумены даже псевдо-знаменитостямъ вродѣ Верлена, Распайля, Банвпля. Усердіе дошло уже до того, что поставленъ памятникъ дядѣ по женской линіи нынѣшняго президента республики, человѣку, никому во Франціи непзвѣстному. Таланты (а съ ними и мѣста, и синекуры) передавались, правда, по нисходящей женской линіи въ нашей Академіи Наукъ, но передачу по восходящей женской линіи еще никто не видалъ.

Поставили памятникъ даже Марату, но палата заставила убрать его, между тѣмъ, по какому-то

злополучію, Бальзакъ, величайшій романистъ нашего вѣка—все не можетъ дождаться своего монумента. Никто не думаетъ также о постановкѣ памятника Виктору Гюго. Босеюэтъ также не имѣетъ монумента. Очень мизерны памятники Вольтера и осмѣянной имъ Жанны д'Аркъ, особенно хоть по сравненію съ памятникомъ совершенно второстепенному маршалу Монсею на бульварѣ Клиши.

Но если имѣются памятники курьезные или преждевременные, то нельзя не отдать чести французамъ за вниманіе, которое они оказываютъ всѣмъ своимъ заслуженнымъ дѣятелямъ. Какая разница съ нашимъ позорнымъ равнодушіемъ! По случаю столѣтія смерти Дидро рѣшено теперь (августъ 1884 г.) воздвигнуть сразу три монумента: одинъ на мѣстѣ его родины, въ Лангрѣ, два въ Парижѣ—на площади Saint-Germain des Prés и въ ратушѣ.

Юбилей Дидро чествовали, впрочемъ, даже пруссаки. Это дѣйствительно одинъ изъ благороднѣйшихъ геніевъ Франціи. Дидро, редакторъ «Энциклопедіи», которая двадцать пять лѣтъ питала умственно Европу и представляетъ резюме всѣхъ научныхъ познаній XVIII вѣка — книги, подобной которой по значенію никогда не было и, быть можетъ, не будетъ во всемірной исторіи человѣчества. Только энергіи Дидро удалось довести изданіе этого гигантскаго труда до конца, несмотря на

безчисленныя препятствія, ибо онъ во все, что дѣлалъ, вносилъ страстную, увлекательную энергію, особенно когда дѣло шло о проложеніи новыхъ путей для осуществленія идей, долженствовавшихъ принести, по его мнѣнію, пользу человѣчеству.

Уже современники сознавали эти качества и цѣнили заслуги Дидро. Вольтеръ называлъ его «Пантофиломъ»—человѣкомъ, который всѣмъ интересовался, и съ удивленіемъ констатировалъ, что «все входитъ въ сферу дѣятельности этого генія». «Никогда, пишетъ Гриммъ, два генія не были такъ сходны, какъ Бэконъ и Дидро. Та же глубина и ширь, то же изобиліе идей и взглядовъ, такая же свѣтлость и блескъ воображенія, та же проницательность и здравомысліе, а иногда и та же неясность для современниковъ, а особенно для близорукихъ». Руссо, врагъ Дидро въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, говоритъ: «Дидро геній, какихъ двухъ не бываетъ въ одно столѣтіе», а въ своихъ «Confessions» написалъ: «Черезъ нѣсколько вѣковъ Дидро покажется человѣкомъ необыкновеннымъ; издали будутъ смотрѣть на эту всеобъемлющую голову съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ, какъ мы смотримъ теперь на Платона или Аристотеля». Почти то же говорилъ Гете. Екатерина II, въ свою очередь, писала о немъ Гримму:

«Я нахожу у Дидро неистощимое воображеніе и ставлю его въ разрядъ самыхъ необыкновенныхъ людей, которые когда-либо существовали».

У насъ Дидро и мало извѣстенъ, и до сихъ поръ не оцѣненъ. Недавно, впрочемъ, въ книгѣ, интересной по содержанію, хотя и написанной на языкѣ г. Гаммы Градовскаго: «Дидро въ Петербургѣ», г. Бильбасовъ попытался обратить вниманіе на Дидро русскихъ читателей. «Полицейская отмѣтка «крайне опасенъ» была, къ сожалѣнію, принята, пишетъ г. Бильбасовъ, у насъ за вѣрную оцѣнку мыслителя, которому мы обязаны величайшимъ умственнымъ переворотомъ, пережитымъ человѣчествомъ. Свидѣтельство русской императрицы не принято во вниманіе и отдано предпочтеніе отзыву французскаго сыщика. Это можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ съ идеями, взглядами, а главное цѣлями Дидро».

Въ самой Франціи Дидро долгое время былъ забытъ и оставался въ пренебреженіи; только въ послѣднее время философія Дидро обратила на себя особенное вниманіе вслѣдствіе ея очень близкаго сродства съ преобладающими тенденціями современной философіи. Въ произведеніяхъ Дидро можно прослѣдить зародыши идей, развитыхъ современною наукою и распространенныхъ только въ наши дни. Такъ, теорія Дарвина: борьба за суще-

ствованіе и постепенная измѣняемость видовъ были впервые формулированы Дидро.

Пренебреженіе къ Дидро объясняется еще тѣмъ, что онъ не оставилъ ни одного сочиненія, въ которомъ его философія была бы строго проведена или бы даже связно изложена: въ его сочиненіяхъ безъ всякой системы разбросаны тѣ великія основы философскаго вѣдѣнія, надъ которыми трудится современная наука. Этимъ, конечно, объясняется, почему Монтескье, Бюффонъ, Вольтеръ и Руссо всегда имѣли болѣе популярности и болѣе вліянія, хотя ни одинъ изъ названныхъ геніевъ не обладалъ такой широтою мысли, какъ Дидро.

По свойствамъ своего таланта Дидро не былъ ученый, тѣмъ менѣе педантъ; онъ оставилъ, по мѣткому выраженію Мармонтеля, много прекрасныхъ страницъ, но ни одного сочиненія. Онъ былъ только литераторъ. Этимъ званіемъ объясняется и соціальное положеніе Дидро. «Сто лѣтъ назадъ въ Европѣ, пишетъ г. Бильбасовъ, смотрѣли на литераторовъ точно такъ же, какъ смотрятъ на нихъ теперь у насъ, т. е. почти какъ на «отверженцевъ и прощалыгъ». Какъ теперь русскій литераторъ бѣдствуетъ, такъ сто лѣтъ назадъ бѣдствовали Руссо, Мармонтель, Лессингъ, Гольдони. Такъ же бѣдствовалъ и Дидро...» Только благодаря Екатеринѣ II Дидро былъ обезпеченъ въ матеріальномъ

отношеніи, въ особенности подъ конецъ жизни, послѣ того, какъ онъ въ 1773 г. пріѣзжалъ въ Петербургъ бесѣдовать съ императрицей.

Екатерина II была всегда особою поклонницею Дидро; ему она отдавала предпочтеніе передъ всѣми другими энциклопедистами. Уже черезъ девять дней по восшествіи на престолъ императрица предлагаетъ Дидро пріѣхать въ Петербургъ; затѣмъ она покупаетъ библіотеку Дидро, при чемъ оставляетъ ее послѣднему въ пожизненное владѣніе, пригласивъ его же быть библіотекаремъ съ ежегоднымъ содержаніемъ. Черезъ два года она выплачиваетъ Дидро его жалованіе за 50 лѣтъ впередъ. Само собою, друзья Дидро—философы, также получавшіе подачки отъ русскаго двора, спѣшатъ установить новой Семирамидѣ въ Европѣ репутацію, какъ женщинѣ просвѣщенной и добродѣтельной, какъ примѣрной государынѣ, способной осчастливить свою страну.

Нельзя не удивляться ловкости и такту, съ которыми императрица завязывала и поддерживала сношенія съ французскими философами. «Въ этомъ случаѣ, говоритъ г. Бильбасовъ, Екатерина ни передъ чѣмъ не останавливается для достиженія преднамѣренной цѣли, ни даже передъ обманомъ и ложью». Такъ, она увѣряла Вольтера, что «въ Россіи нѣтъ мужика, который не ѣлъ бы курицы,

когда ему угодно, а съ нѣкотораго времени они предпочитаютъ индѣекъ курамъ». Ея современники понимали сущность этихъ отношеній. Фонвизинъ, напримѣръ, отлично видѣлъ, что кокетничаніе съ философами менѣе всего имѣло въ виду философію. Императрицѣ нужно было задобрить въ свою пользу общественное мнѣніе въ Европѣ, философамъ требовались деньги. «Корыстолюбіе, писалъ Фонвизинъ изъ Парижа въ 1778 году, несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостью. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ я видѣлъ всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе...»

Съ этой точки зрѣнія немного смѣшно толковать о вліяніи философовъ у насъ въ Россіи. Хотя Дидро прожилъ пять мѣсяцевъ въ Петербургѣ, но, несомнѣнно, всѣ его разсужденія вращались на почвѣ теоріи; г. Бильбасовъ, восторженный хвалитель Екатерины II и Дидро. и тотъ говоритъ, что «по вопросамъ внутренней политики бесѣды Екатерины съ Дидро должны были ограничиваться общими разсужденіями въ виду полнаго незнанія

Россіи обоими собесѣдниками». Сохранилась программа вопросовъ, заданныхъ Дидро Екатеринѣ, касательно положенія Россіи. Они поражаютъ своею наивностью, точно также очень наивнымъ кажется планъ университета въ Россіи, составленный Дидро для императрицы, несмотря на отдѣльныя мѣткія замѣчанія, особенно касательно классическаго образованія *).

Если я, однако, не признаю большого участія идей Дидро собственно въ русскихъ дѣлахъ и для Россіи, для которой господство французскихъ идей въ прошломъ столѣтіи выразилось только въ усиленіи крѣпостного права, произвола и въ презрѣніи къ своему національному, то это нисколько не мѣшаетъ мнѣ одобрить чествованіе этого знаменитаго человѣка въ его странѣ, гдѣ «Энциклопедія» одержала такую великую моральную побѣду надъ врагами просвѣщенія и свободы.

*
* *

Постановка другого монумента меня еще болѣе порадовала, а именно одному изъ блистательнѣйшихъ своихъ писателей и безспорно умнѣйшей женщинѣ нашего вѣка — г-жѣ Аврорѣ Дюдеванъ,

*) Дураченіе Дидро въ Петербургѣ весьма тонко описано г. Валишевскимъ въ его книгѣ «Le roman d'une impératrice».

обезсмертившей себя въ литературѣ подъ псевдонимомъ Жоржа Санда. Это напомнило мнѣ, что я еще на школьной скамьѣ печаталъ статьи объ этой удивительной женщинѣ. Одна изъ нихъ вошла потомъ въ мою книгу о женщинахъ писательницахъ, изданную въ 1865 году *).

Жоржъ Сандъ сразу завоевала себѣ выдающееся положеніе въ литературѣ, и первые ея романы: «Indiana», «Valentine», «Lélia» и «Jacques», написанные подъ впечатлѣніемъ несчастнаго брака и не болѣе счастливыхъ любовныхъ связей, остались ея лучшими произведеніями. Эти-то романы по смѣлости или, вѣрнѣе, циничности нравственной тенденціи, по краснорѣчивой защитѣ полной свободы женской любви, выразившейся въ извѣстномъ афоризмѣ: «l'amour c'est la vertu des femmes», и произвели огромное впечатлѣніе въ Европѣ. Никогда принципъ брака не подвергался болѣе ожесточеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе изящнымъ нападкамъ, выставляясь чѣмъ-то гнуснымъ.

*) Я зачитывался по цѣлымъ ночамъ романами Жоржъ Санда и въ IV приготовительномъ классѣ горнаго института вызвалъ нѣкій скандалъ, написавъ на экзаменѣ русскаго языка на заданную тему разсказать что-либо изъ прочитаннаго разборъ «Lucrezia Floriani». Въ тѣ времена, однако, литературныя занятія вовсе не преслѣдовались въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Ротное начальство отвело мнѣ даже особый шкафъ въ умывальной комнатѣ, гдѣ я помѣстилъ свою библіотеку.

— Любовь основаніе всѣхъ этихъ романовъ. Въ замужествѣ или нѣтъ, она находитъ ее прекрасною, святою, возвышенною. Любовь всегда представляется подчиняющею себѣ бракъ, она разбиваетъ послѣдній или обходится безъ него, но всегда бракъ оказывается ниже свободной любви и имѣетъ настолько святости, насколько даетъ ему любовь; наоборотъ, бракъ безъ любви выставляется святотатствомъ.

Во второмъ періодѣ, болѣе продолжительномъ, Жоржъ Сандъ продолжаетъ отчасти свою адвокатуру свободной любви въ романахъ въ родѣ: «Le compagnon de tour de France» и «Lucrezia Floriani»; отчасти она разработывала разныя мистическія и художественныя идеи: «Spiridion», «Consuelo», но главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ соціалистическихъ идей, она занялась народною жизнью и написала рядъ романовъ: «La petite Fadette», «La mare au diable», «Le meunier d'Angibaut», «Jeanne» и мн. др., которые, если не точнѣе описывали народъ чѣмъ пасторали XVII и XVIII столѣтій, то все-таки въ свое время создали цѣлую школу романовъ изъ сельской жизни. Въ этомъ періодѣ Жоржъ Сандъ принимала и политическое участіе въ революціи 1848 года, редактируя извѣстные бюллетени временнаго правительства.

Философія ея, однако, мало-по-малу поблѣднѣла и въ третій періодъ дѣятельность Жоржа Санда, начиная съ романа «Elle et lui», представляетъ уже, такъ сказать, возвращеніе на «путь истинный». Бывшая революціонерка сдѣлалась уже Madame George Sand: особою, пріятною при дворѣ Наполеона III, постоянною сотрудницею «Revue des deux mondes» и авторомъ множества романовъ, гдѣ отъ прежней писательницы сохранилась только нѣкоторая идеализація женщинъ и картинность описаній природы, доставившая Жоржъ Санду репутацію лучшаго современнаго французскаго стилиста. Какъ женщина она сдѣлалась въ это время довольно уродливою, а образомъ жизни напоминала писальную машину.

Съ культурной общеевропейской точки зрѣнія интересенъ только Жоржъ Сандъ перваго, бурнаго періода. Произведенія ея этой эпохи правильнѣе всего сравнить съ сочиненіями Жанъ-Жака Руссо. Та же прелесть языка, та же смѣлость и оригинальность мыслей, то же громадное вліяніе на женщинъ и въ результатѣ та же мимолетность впечатлѣнія и, скорѣе, даже вредъ, нежели польза для развитія человѣчества въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Увлекательное изложеніе и богатство фантазіи и, повидимому, глубокое знаніе женскаго сердца, которое она анализировала съ необыкновенною тон-

костью, скрывали парадоксальныя теоріи, совершенно несовмѣстимыя ни съ какимъ граждански благоустроеннымъ обществомъ и могущія родиться только въ воображеніи молодой, страстной, практически неопытной женщины.

Сколько женщинъ ни восхищалось доказательствомъ въ «Jacques» той идеи, что мужъ, который сознаетъ, что онъ мѣшаетъ женѣ отдаться другому, долженъ изъ деликатности пустить себѣ пулю въ лобъ, но охотниковъ подражать Жаку не отыскалось, не нашлось также много графинь, готовыхъ, какъ Валентина, Эдмэ или Изе, выходить замужъ или заводить связи съ лакеями, разбойниками и столярами. Никогда общество не признаетъ также идеаломъ женщины подобной Люкреціи Флоріани, которая, имѣя отъ разныхъ героевъ дѣтей, одновременно, любитъ ихъ одинаково, т. е. и дѣтей и героевъ, и умираетъ только страдая отъ непонятной для нея ревности мужчинъ другъ къ другу. Мы не говоримъ уже о типахъ, какъ Лелія, «благородный каторжникъ» Тренморъ, или пьяный поэтъ Стеніо.

Всѣ женщины волновались, однако, читая, что общество напрасно заставляетъ клясться ихъ любить только своего мужа и повиноваться ему, ибо «женщина не можетъ отвѣчать за свое сердце даже когда мужъ ея величайшій и совершеннѣйшій изъ

людей...» Любовь же есть вовсе не половое влеченіе, желаніе обладать предметомъ, а «святое влеченіе самой утонченной части нашей души къ неизвѣстному...» Или, что «преданность убиваетъ любовь и превращаетъ ее въ дружбу!»

«Суровые философы, безжалостные моралисты, восклицаетъ Жоржъ Сандъ, вы лжете, если думаете, что любовь имѣетъ только цѣлью исполненіе обязанностей, а не требованіе свѣтлыхъ радостей! И вы, скептическіе моралисты, утверждающіе, что нельзя обожать того, чего не уважаешь, вы также лжете еще сильнѣе! Вы всѣ лжете, потому что никто изъ васъ не любилъ. Нельзя быть несчастливой любя и ненадобно удовольствія безъ любви!..» «Первые восторги любви, говоритъ она, такъ сильны и возвышенны, что побѣждаютъ все, всѣ трудности устраняются, всѣ зачатки раздора парализуются, все идетъ по волѣ того чувства, которое справедливо называется душою міра и изъ котораго слѣдовало бы сдѣлать бога вселенной. Только безъ любви нагота обыденной жизни выступаетъ наружу...»

Философіей этихъ пламенныхъ тирадъ было, что всѣ «браки нестерпимы, пока обычай будетъ снисходителенъ къ заблужденіямъ одного пола, тогда какъ суровость и спасительная строгость, наслѣдованная отъ предковъ, будетъ приберегаться только

для обузданія и обвиненія другого пола», т. е. женщинъ. Вліяніе этихъ эксцентрическихъ теорій было, повторяемъ, громадно; оно продолжалось начиная съ 1831 года почти двадцать лѣтъ, періодъ для нашего времени не малый.

И на русскую литературу Жоржъ Сандъ имѣла сильное вліяніе. Первыя произведенія ея были встрѣчены холодно. Сенковскій грубо глумился надъ ними, называя въ «Библіотекѣ для чтенія» автора г-жею Спередка (Dudevant); Бѣлинскій также не одобрялъ ихъ. Но въ 40-хъ годахъ взгляды измѣнились; Бѣлинскій выступилъ жаркимъ почитателемъ знаменитой писательницы и защитникомъ ея теорій. Онъ ставилъ Жоржъ Сандъ наравнѣ съ Шиллеромъ и говорилъ: «Кто открываетъ людямъ новыя истины, тому люди не дадутъ спокойно кончить вѣка...» «Явись другая писательница съ такимъ же геніемъ, и на нее сперва польется обпльный дождь клеветъ, браней, оскорбленій, лжи, и все это во имя будто бы оскорбленной ею морали, и при всемъ этомъ будутъ раскупать ея сочиненія и твердить ихъ наизусть, а потомъ клеветы, лжи, брани утихнутъ, смѣнившись на восторгъ и удивленіе... А въ то же время сколько женщинъ писательницъ въ духѣ общественной морали, питающихъ свои сочиненія пошлыми сентенціями, пройдутъ незамѣченныя, неудостоенныя ничьего вниманія!..»

За критикой пошла и литература. У насъ появились прямыя подражательницы, не лишенныя таланта Жоржъ Санда, какъ Зинаида Р—ва (г-жа Ганъ) или Т. Ч. (г-жа Марченко), но еще большее вліяніе имѣла она, опредѣливъ народное направленіе первыхъ произведеній Григоровича, Тургенева, Достоевскаго. Ихъ народничество было прямымъ дѣтищемъ народныхъ романовъ Жоржъ Санда и только позднѣйшее знакомство съ русскою дѣйствительностью дало сочиненіямъ означенныхъ писателей болѣе твердую реальную подкладку.

Жоржъ-сандизмъ долго держался въ нашей литературѣ и еще въ началѣ 60-хъ годовъ Авдѣевъ могъ имѣть громадный успѣхъ романомъ «Подводный камень», а Чернышевъ на сценѣ комедіей «Испорченная жизнь»—произведеніями, которыя въ сущности были только грубою поддѣлкою «Jacques».

Мы убѣждены, что всѣ оставшіеся въ живыхъ «люди 40-хъ годовъ», эти идеалисты жоржъ-сандовскаго закала, вѣровавшіе въ силу блестящихъ, по наружности гуманныхъ теорій и смотрѣвшіе на народную жизнь, какъ на оперетку съ пейзанами, встрепенулись, читая овацію при открытіи памятника геніальной женщинѣ, когда-то глубоко волновавшей ихъ молодыя сердца.

*
* *

Прошло почти десять лѣтъ со времени написанія этихъ строкъ. Романы Жоржъ Санда читаются все менѣе и менѣе даже во Франціи, но удивительно, что ея собственный романъ продолжаетъ интересовать и даже волновать парижскую публику. Старый споръ о томъ, кто виновенъ былъ въ разрывѣ: Жоржъ Сандъ или Альфредъ де Мюссе, когда знаменитая писательница связалась въ Венеціи съ какимъ-то ничтожнымъ итальянскимъ докторомъ Паджелло, не остылъ за шестьдесятъ лѣтъ и недавно еще вновь вызвалъ на свѣтъ цѣлую литературу. Мало того, муниципалитетъ города Беллунэ въ Италіи прибилъ мраморную доску на домѣ, гдѣ жилъ этотъ сластолюбивый докторъ!

X.

Въ русской колоніи.

Какъ въ былое время все французское было въ модѣ въ Россіи и безотчетно восхвалялось, разъ являлось изъ Парижа, такъ нынѣ (іюнь 1888 г.) все русское въ модѣ во Франціи и французы воспылали къ намъ нѣжностью, которая превосходитъ даже нѣжность ко всему французскому, овладѣвшую молодымъ либеральнымъ московскимъ купечествомъ съ момента, когда купецъ Мазуринъ подарилъ императрицѣ Евгеніи рысаковъ.

Русское, повторяю, въ модѣ: французскій романистъ называетъ свой романъ «Nikanor» (Ah, que c'est joli Nicanor!), французскій композиторъ свою оперетку — «Nadia», танцовщица объявляетъ, что будетъ отплясывать «glinki» и «doumki»!! Что это за «глинки» такія, Аллахъ вѣдаетъ! Политики и военные тоже только и мечтаютъ, что о союзѣ съ

Россіей; нѣжность доходитъ до того, что всѣ журналы очень одобряютъ послѣдній законъ объ ограниченіи правъ иностранцевъ въ западныхъ губерніяхъ по пріобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ, хотя онъ существенно коснется интересовъ многихъ французскихъ капиталистовъ.

Русскіе литераторы, художники, артисты могли бы воспользоваться радужнымъ настроеніемъ французовъ, чтобы открыть себѣ болѣе широкій доступъ заграницу. Нѣкоторые уже это дѣлаютъ. Такъ, нашъ віолончелистъ Брандуковъ съ успѣхомъ далъ подъ-рядъ семь концертовъ, Сухоровскій выставилъ на бульварѣ, также, вѣроятно, не безъ успѣха, свою голую бабу; скульпторъ Бернштамъ пристроился къ музею Гревена и за свою статую въ «Салонѣ» получилъ почетную награду. Бернштамъ имѣетъ замѣчательное качество лѣпить бюсты скоро, въ одинъ или два часа, и съ замѣчательнымъ сходствомъ съ оригиналомъ. Пріѣхалъ сюда и г. Боборыкинъ, кажется, для переговоровъ о переводѣ его романовъ съ франко-русскаго діалекта на русско-французскій. Здѣшніе постоянные жители, наши извѣстные художники—Леманъ, Харламовъ, Прянишниковъ, Малышовъ отказываются отъ заказовъ, тогда такъ тысячи французскихъ артистовъ бродятъ безъ работы. Въ музыкальныхъ кружкахъ Чайковскій сдѣлался композиторомъ самымъ попу-

лярнымъ и безъ его произведеній не обходится ни одного вечера въ кружкахъ еврейскихъ милліонеровъ, культивирующихъ серьезную музыку, такъ какъ для массы французовъ музыка до сихъ поръ еще ограничивается произведеніями въ родѣ: «En revenant de la revue» или «Mon Tandéridoulé».

Въ числѣ русскихъ художниковъ работаетъ здѣсь Константинъ Маковскій, котораго граціозное и элегантное письмо какъ будто создано для Парижа. Нашъ даровитый соотечественникъ работаетъ, впрочемъ, въ настоящее время не для Франціи, а для Россіи. Онъ заканчиваетъ въ своемъ ателье на Батиньольскомъ бульварѣ великолѣпный плафонъ, заказанный ему для большого концертнаго зала въ стилѣ Louis XV для дома С. П. фонъ-Дервиза, на Англійской набережной въ С.-Петербургѣ. Этотъ домъ, на отдѣлку котораго, подъ руководствомъ архитектора Шрейбера, ассигновано болѣе милліона рублей, будетъ верхомъ роскоши. Работу свою г. Маковскій думаетъ, впрочемъ, выставить для парижской публики.

Центральная часть плафона изображаетъ «Весну», «Пробужденіе жизни» и «Восходъ солнца». Въ центрѣ, въ лучахъ восходящаго солнца, амуры раскутываютъ дремлющую Аврору изъ темнаго покрывала. Налѣво раскинулась роскошная блондинка à la Макартъ, изображающая Венеру. Аму-

ры дѣлаютъ ея туалетъ: расчесываютъ ей волосы, повязываютъ обувь; у ногъ Венеры павлинъ и пышная красивая драпировка. Направо группы, изображающія музыку и танцы. Сатиръ играетъ на свирѣли, вакханки пляшутъ. Группа двухъ вакханокъ очень жизненна. Милъ также мальчикъ, играющій въ цвѣтахъ.

Къ центральной части плафона будутъ примыкать четыре угла, которые художникъ распишетъ уже въ Петербургѣ, на мѣстѣ; кромѣ того, на фризѣ будутъ два пано. Они уже готовы и составляютъ pendant къ центральной картинѣ; на одномъ амуры несутъ завтракъ Венерѣ—плоды и пр., на другомъ два амура спятъ, а третій щекочетъ и будитъ ихъ цвѣткомъ. Все это написано красиво, колоритно и весело. Среди нашихъ художниковъ трудно и найти, я думаю, такого, кто болѣе былъ бы способенъ подойти къ фривольному стилю XVIII столѣтія, какъ г. Маковскій.

Кромѣ того, въ томъ же стилѣ Louis XV приготовленъ г. Маковскимъ для выставки въ Парижѣ пано «Premier souffle d'amour»—прелестная блондинка, стоящая у большой амфоры, среди цвѣтовъ, улыбается Амуру. Среди неоконченныхъ работъ г. Маковскаго можно видѣть чрезвычайно удачный портретъ г-жи Бенардаки, блестящую красоту которой не забылъ Петербургъ и которая

неустанно восхваляется бойкими перьями парижскихъ хроникеровъ, благодаря тому, что г-жа Бенардаки стоитъ во главѣ салона, гдѣ собираются всѣ музыкальныя знаменитости Парижа. Здѣсь можно видѣть всѣхъ французскихъ композиторовъ, начиная отъ престарѣлаго Амбруаза Тома, всѣхъ музыкальныхъ и театральныхъ критиковъ, всѣхъ лучшихъ профессоровъ пѣнія, съ Маркези во главѣ, всѣхъ выдающихся лирическихъ и драматическихъ артистовъ. Домашніе концерты г-жи Бенардаки очень цѣнятся высшимъ обществомъ и попасть на нихъ считается за честь.

На этихъ вечерахъ можно видѣть и остатки Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, распродавшіе свои дворцы сателлитамъ Ротшильда, и болѣе сохранившую свои средства бонапартистскую аристократію и современныхъ республиканскихъ дѣятелей. Любовь къ музыкѣ соединяетъ, словомъ, всѣ партіи. Вѣчно юный восьмидесятплѣтній Лессепсъ также одинъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей салона г-жи Бенардаки.

Послѣдній изъ музыкальныхъ вечеровъ происходилъ 2 іюня. О немъ заранѣе возвѣстили газеты. Здѣсь игралъ маленькій Гофманъ, девятилѣтній піанистъ, уроженецъ Варшавы. Это enfant prodige въ настоящее время имѣетъ большой успѣхъ въ Парижѣ. Для своихъ лѣтъ Гофманъ, дѣйствительно,

играетъ замѣчательно. Я слышалъ его въ большомъ концертѣ въ театрѣ Эденъ, устроенномъ Ламуру, въ пользу погорѣльцевъ Opéra Comique. Гофманъ игралъ съ акомпаниментомъ большого оркестра концертъ Бетховена. Съ такою же увѣренностью и силою сыгралъ онъ у г-жи Бенардаки концертъ Вебера и весьма трудный вальсъ собственнаго сочиненія. Съ виду и по разговорамъ Гофманъ совершенно дитя, но это не мѣшаетъ ему передавать исполняемыя имъ пьесы съ необыкновеннымъ, для его лѣтъ, пониманіемъ.

Въ вокальномъ отношеніи первую роль на вечерѣ играли братья Решке, Эдуардъ и Иванъ. Наши соотечественники, благодаря таланту и образованію, заняли совершенно исключительное положеніе. Они не только первые въ настоящее время пѣвцы въ столицѣ Франціи, но и приняты какъ свои въ лучшемъ парижскомъ и лондонскомъ обществѣ. Въ особенности Эдуардъ Решке замѣчателенъ какъ пѣвецъ; его свѣжій басъ, мягкій и пѣвучій, крайне симпатиченъ. Голосъ Ивана Решке — теноръ — также весьма развился за послѣднее время и успѣхи его въ Большой оперѣ идутъ crescendo. Если бы взять ихъ сестру, къ сожалѣнію, покинувшую сцену, да Мержвинскаго (находящагося въ настоящее время въ Парижѣ), да Зембрихъ, то получилась бы оперная труппа, единственная въ своемъ родѣ. Замѣть-

те, что все это артисты, которые безъ труда могли бы пѣть по-русски, а Решке, дѣти польскаго трактирщика, даже свободно владѣютъ русскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, теперь все это люди, можно сказать, потерянные навсегда для нашей столь бѣдной талантами оперной сцены. У насъ не было да и нѣтъ въ дирекціи никого, кто бы могъ угадывать молодые таланты и съ первыхъ шаговъ еще привлекать въ Петербургъ. На вечерѣ г-жи Бенардаки Решке мастерски спѣли отрывки изъ «Etoile du Nord», «Figaro», «La Juive», «Robert le Diable», «Africaine», «Romeo et Juliette» и «Carmen».

Сама гостепріимная хозяйка поетъ какъ настоящая оперная артистка. Это по части пѣнія едва ли не первый теперь талантъ въ Парижѣ. Въ музыкальныхъ кружкахъ Парижа она чрезвычайно популярна. Имѣя большой, высокій сопрано, г-жа Бенардаки обработала его не только подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ профессоровъ заграницею, но и подъ руководствомъ композиторовъ, поэтому ея участіе обезпечиваетъ успѣхъ благотворительнымъ концертамъ въ Парижѣ. Съ одинаковымъ шикомъ исполняла она Мейербера и романсы Даргомыжскаго, и русскія народныя пѣсни.

Въ драматической части вечера отличалась г-жа Брандесъ, молодая талантливая актриса театра Во-

девиль, принятая въ Comédie Française, гдѣ она будетъ дебютировать въ сентябрѣ въ «Princesse George». Г-жа Брандесъ быстро сдѣлалась любимицею парижской публики и поистинѣ трудно встрѣтить болѣе симпатичную артистку. Что весьма рѣдко, огромный талантъ она соединяетъ съ красивою наружностью; глаза ея, маленькія уши, поставъ шеи, руки, все это своего рода совершенства; къ этому надобно прибавить дикцію, тонкость исполненія и какое-то наивное лукавство молоденькой женщины. «Наивное», конечно, въ смыслѣ искусства, потому что по части кокетства репутація Брандесъ твердо установлена въ мірѣ парижскихъ amuseuses. Вотъ бы актриса для нашего Михайловскаго театра! Дирекція вела было съ нею переговоры, но особенно не настаивала; теперь и г-жа Брандесъ для нашей сцены, по всей вѣроятности, навсегда потеряна, о чемъ можно только пожалѣть. Потеряна еще и потому, что въ Парижѣ нынѣ и въ театрахъ оскудѣніе, и если настоящій талантъ обозначится, его уже не выпустятъ.

Двѣ пѣвицы петербургской оперы Е. К. Мравина и Н. А. Фриде находятся здѣсь въ настоящее время и нашихъ симпатичныхъ соотечественницъ приглашаютъ нарасхватъ пѣть въ обществѣ и въ концертахъ. Не забыли онѣ и благотворительнаго общества русскихъ художниковъ. Кромѣ

двухъ упомянутыхъ пѣвицъ, русскіе, собирающіеся въ этомъ обществѣ по вторникамъ, слышали еще третью—дочь нашего извѣстнаго виртуоза г. Цабеля, г-жу Рахатъ, обладающую небольшимъ, но хорошо обработаннымъ голосомъ.

Русское искусство торжествовало въ это время въ Парижѣ въ ежегодномъ большомъ концертѣ въ пользу Oeuvre du patronage des orphelins d'Alsace Lorraine. Во главѣ этого общества, предсѣдательствуемаго женою маршала Макъ-Магона и герцогинею Реджіо, стоитъ цвѣтъ французской аристократіи. Концертъ происходилъ въ большой залѣ консерваторіи, которая представляетъ порядочный театръ со сценою, съ ложами въ три яруса и съ отличною акустикою. Публика была, конечно, элегантная, входъ стоилъ 20 франковъ и мѣстъ уже за нѣсколько дней до концерта достать было нельзя. Русская колонія присутствовала въ значительномъ числѣ, начиная съ свѣтлѣйшей княгини Юрьевской.

Концертъ, которымъ искусно дирижировалъ капельмейстеръ Opéra Comique Матонъ и въ которомъ принимали участіе артисты Большой оперы, вообще былъ эльзасъ-лотарингскимъ больше по названію; все интересное относилось къ Россіи. Молодой скрипачъ Луи Ринучини сыгралъ соло на скрипкѣ Венявскаго на русскія темы «Сарафанъ» и «Осѣдлаю коня». У этого юнаго еще виртуоза

замѣчательная вѣрность, чудесный тонъ и также необыкновенная чистота флажіолета. Онъ много обѣщаетъ въ будущемъ. Наивная мелодія Варламова произвела на парижанъ впечатлѣніе. Въ отдѣлѣ пѣнія отличались г-жи Бенардаки и Фриде. Г-жа Бенардаки очень хорошо спѣла въ первомъ отдѣленіи поэтическій романсъ Амбруаза Тома: «Le Soir», который былъ повторенъ, затѣмъ романсъ Чайковскаго: «День ли царитъ», аранжированный авторомъ для оркестра, нарочно для г-жи Бенардаки. Затѣмъ во второмъ отдѣленіи г-жа Бенардаки исполнила съ надлежащимъ стилемъ очень трудную арію изъ «Alceste» Глюка и съ шикомъ романсъ Алябьева: «Что мнѣ жить и тужить». Какъ я говорилъ, г-жа Бенардаки вполнѣ законченная артистка и единственный недостатокъ ея исполненія—нѣкоторая изысканность. Г-жа Фриде также имѣла большой успѣхъ въ аріи изъ «La reine de Saba» Гуно. Сочный, горячій голосъ пѣвицы отлично звучалъ и г-жа Фриде, ученица г-жи Маркези, правильно выговариваетъ по-французски. Во второмъ отдѣленіи концерта она спѣла: «Отворите мнѣ темницу» Рубинштейна, романсъ, который подъ именемъ «Le rêve du prisonnier» пустилъ въ моду въ Парижѣ Лассаль, присутствовавшій съ другими знаменитостями Grand Opéra въ концертѣ, и романсъ Кюи: «Я помню вечеръ». Концертъ закон-

чился квартетомъ изъ «Rigoletto», гдѣ, кромѣ нашихъ пѣвицъ, пѣли два пѣвца оперы, Мюратъ и Дельмасъ. Этотъ эфектный квартетъ, мастерски исполненный, произвелъ наилучшее впечатлѣніе на французскую публику.

Я говорилъ, что г-жа Фриде ученица Маркези. Мнѣ пришлось присутствовать на концертѣ, даваемомъ ежегодно ученицами г-жи Маркези въ залѣ Эрара. Извѣстность г-жи Маркези, какъ преподавательницы пѣнія, особенно ея искусство правильно поставить голосъ, не нуждается въ похвалахъ. Тѣмъ не менѣе, не лишнее подтвердить къ свѣдѣнію нѣкоторыхъ нашихъ даже знаменитыхъ профессоровъ пѣнія, что основная причина успѣховъ г-жи Маркези заключается въ ея умѣньи воспользоваться, не форсируя, тѣми естественными средствами, которыя представляетъ тотъ или другой голосъ. При этомъ методѣ, конечно, не играетъ роли ни дрожаніе переносицы, ни иныя новѣйшія ухищренія модныхъ учителей, погубившихъ уже столько молодыхъ голосовъ. Вотъ почему изъ двѣнадцати прослушанныхъ мною ученицъ всякая, въ своемъ родѣ, представляла интересъ въ развитіи своихъ особенныхъ достоинствъ.

На программѣ стояли два русскихъ имени: г-жа Славянская и г-жа Матафтина. Г-жа Славянская почему-то не пѣла, но г-жа Матафтина пріятно

выдѣлялась въ числѣ своихъ сверстницъ, между которыми было уже нѣсколько весьма хорошо подготовленныхъ пѣвицъ. Наша молодая соотечественница удостоилась общаго и единодушнаго одобренія многочисленной публики за исполненіе аріи изъ «Fiancée d'Abidos» — Барта и романса изъ «Paul et Virginie»—Массе.

Хотя г-жѣ Матафтиной придется еще поработать, чтобы подготовиться къ сценѣ, но и теперь уже она обращаетъ вниманіе своимъ звучнымъ, высокимъ сопрано серебристаго тембра, очень вѣрной интонаціей и осмысленной дикціей. Гдѣ нужно — голосъ ея не лишенъ драматизма. Это очень хорошіе задатки для будущаго.

XI.

Въ русской колоніи.

(Окончаніе).

Гостепріимство семейства Бенардаки въ средѣ русской колоніи въ Парижѣ рѣдкость. Колонія эта «храмина разсыпанная»; она многочисленна, но девять десятыхъ ея составляютъ бѣглые и не бѣглые евреи и нигилисты, живущіе бѣдно и особнякомъ по паспортамъ, фабрикуемымъ въ Женевѣ и продаваемымъ по 10 франковъ; за нигилистами даже со времени префекта полиціи Андріе устроенъ особый надзоръ полиціи, а иностранцы во Франціи почти внѣ закона въ политическомъ, конечно, отношеніи. Остальная часть русской колоніи, включая въ себя и разныхъ молдаванскихъ княгинь, не велика и живетъ врозь. Старѣйшиною колоніи былъ прежде Тургеневъ, а за смертью его сталъ Боголюбовъ. Были попытки устроить русскій клубъ,

но дѣло не пошло, общество покровительства русскимъ художникамъ существуетъ также совершенно номинально. Рознь между здѣшними художниками и заставила Тургенева, который при добротѣ сердца имѣлъ злой языкъ, сказать:

— Я знаю русское паскудство, но не встрѣчалъ русскаго искусства.

Имѣется въ Парижѣ и русское благотворительное общество въ очень скромныхъ размѣрахъ; руководитъ имъ наша миссія, а заботливость русскихъ дипломатовъ объ интересахъ русскихъ заграницею извѣстна. Ничего эти чиновники такъ не боятся, какъ русскихъ, дипломаты къ тому же почти всегда изъ инородцевъ.

Пріятнымъ исключеніемъ среди этихъ международныхъ человѣковъ служатъ г. Гирсъ и генеральный консулъ г. Карцевъ или M. Kartz, какъ называютъ его парижанки. Всюду, и въ Іерусалимѣ, и въ Корфу, и въ Бѣлградѣ, и въ Парижѣ, я встрѣчалъ въ немъ истинно русскаго, гостепріимнаго и любезнаго человѣка, немного скептика, какъ и подобаетъ дипломату его лѣтъ.

— Замѣчательно, говорилъ мнѣ одинъ французскій дипломатъ, у меня была въ рукахъ переписка всѣхъ вашихъ пословъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія и увѣряю васъ, что, кромѣ графа Стакельберга, всѣ они были противъ Франціи и сближенія съ нею.

— Какъ неужели и Поццо-ди-Борго, и князь Орловъ?

— Увѣряю васъ, что всѣ.

Такъ что если наши дипломаты равнодушны къ русскимъ и ихъ интересамъ, то мы можемъ утѣшиться, что точно также беззаботны они и къ французскимъ интересамъ.

Въ прежнее время русскихъ профессіональныхъ дипломатовъ замѣняли и отчасти дополняли русскія дамы, игравшія роль въ парижскихъ салонахъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, г-жа Свѣчина руководила легитимистской партіей; княгиня Ливенъ вдохновляла суроваго Гюго, а въ двухлѣтнее президентство маленькаго Тьера салонъ княгини Е. Э. Трубецкой служилъ центромъ офиціальнаго міра. Теперь нѣтъ ничего подобнаго.

Единственный, кажется, центръ, гдѣ можно убѣдиться, что въ Парижѣ имѣется не мало русскихъ, не считая еще многочисленныхъ пріѣзжихъ въ концѣ мая и сентября, это русская церковь. Грязная улица Дарю, гдѣ она была построена, теперь почистилась, конюшни замѣнились домами и прямо противъ церкви провели къ бульвару Курсель небольшую улицу Pierre le Grand. Духовенство наше живетъ и здѣсь такою же своеобразною жизнью, какъ и въ Чухломѣ и Нижнеудинскѣ.

Отсутствіе всякаго духа прозелитизма состав-

ляетъ, какъ извѣстно, исконную черту нашего духовенства; всѣ почти обращенія совершились у насъ, со времени Владиміра, по указанію свѣтской власти. Я какъ-то обратился въ одну изъ посольскихъ церквей съ просьбою присоединить къ православной церкви одного литератора изъ евреевъ. Надобно было видѣть, какъ это смутило батюшку, къ которому я обратился, въ ожиданіи радостнаго восторга объ уловленіи грѣшной души въ лоно православія.

— Похвально, похвально, да что ему за охота это тутъ дѣлать, сказалъ въ смущеньи священникъ. Вы вѣдь не знаете нашихъ порядковъ. Пиши рапортъ въ Синодъ, тотъ дастъ указъ увѣщевать и экзаменовать въ правилахъ вѣры. По достаточномъ увѣщеваніи опять пиши рапортъ о твердомъ знаніи догматовъ и ожидай новаго указа. Да на это уйдетъ мѣсяца четыре, а вы говорите, что останетесь въ Парижѣ всего мѣсяцъ, какъ же тутъ быть?

Кончилось тѣмъ, что мой іудейскій литераторъ обратился гдѣ-то въ Кронштадтѣ. А можно себѣ представить, съ какой бы радостью ухватился за случай обращенія, да еще представителя печати, католическій ксендзъ; здѣсь самъ бы папа навѣрное не поскупился бы прислать свое благословеніе.

Католическое духовенство особь статья; протестанты руководствуются другими соображеніями. Одна моя знакомая пѣвица, католичка, австрійская подданная, пожелала выйти замужъ за русскаго офицера магометанина; католичкѣ этого сдѣлать нельзя; законъ, согласно каноническому праву, разрѣшаетъ бракъ съ магометанами только протестантамъ; съ женскимъ легкомысліемъ пѣвица рѣшила перемѣнить религію на протестантскую. Она поѣхала къ лютеранскому пастору, онъ принялъ ее любезно, но когда прозелитка проболталась, что мѣняетъ вѣру для того, чтобы выйти за магометанина, то пасторъ очень сухо прервалъ разговоръ и сказалъ:

— Извините меня, сударыня, вамъ лучше для этого обратиться къ реформатскому священнику.

У реформатскаго священника та же исторія: влюбленная женщина не можетъ не проболтаться; когда онъ узналъ цѣль обращенія, то, вѣжливо выпроваживая барыню, замѣтилъ ей на прощанье:

— Этими дѣлами занимаются лютеранскіе священники, а не мы.

Прогулявшись отъ Анны къ Каіафѣ и обратно, актриса обратилась, кажется, въ Вѣнѣ, въ англиканство. Родственники же офицера магометанина— а на Кавказѣ цѣлые уѣзды родственники между собою—объявили, что если она или ея мужъ по-

кажутся когда-либо въ свои имѣнія, то будетъ имъ обоимъ «сѣкимъ башка!». Пока же милые родственники безнаказанно воруютъ въ этомъ имѣніи барановъ.

И католическіе священники не все, впрочемъ, заботятся о небесномъ. Одна моя знакомая парижанка хотѣла отслужить обѣдню въ церкви Saint-Augustin. У нея былъ ami, какой-то свирѣпый и ревнивый житель Аргентины. Уѣзжая къ себѣ, онъ взялъ съ нея слово, что она пріѣдетъ его навѣстить, но, не довѣряя слову парижанки, онъ потребовалъ, чтобы она дала клятву въ церкви! Вотъ каковы южно-американскіе любовники! Тогда она спросила, что будетъ стоить обѣдня и скоро ли можно это сдѣлать.

— Стоитъ это по таксѣ 2 франка 50 сантимовъ, отвѣчалъ патеръ, но желающихъ столько, что ранѣе трехъ недѣль ваша очередь не придетъ.

— Ну, а если я вамъ дамъ десять франковъ? спросила моя дама.

— О, въ такомъ случаѣ обѣдню можно и сейчасъ отслужить, отвѣчали ей *).

*) Религія еще крѣпка въ французскихъ сердцахъ. Слово, данное передъ алтаремъ, оказалось свято и «pauvre petite femme», сложивъ свои платья въ семнадцать сундуковъ, пересѣкала Атлантическій океанъ, не боясь никакихъ «памперосовъ».

Одинъ изъ наиболѣе популярныхъ членовъ русской колоніи г. Корвинъ-Круковскій можетъ быть причисленъ къ французскимъ писателямъ, такъ какъ онъ авторъ «Les Danicheff», одной изъ популярнѣйшихъ пьесъ новѣйшаго французскаго репертуара, много лѣтъ не сходящей съ афишъ въ Парижѣ и провинціи. Мосье Корвэнъ, какъ называютъ его французы, прожившъ въ Парижѣ болѣе тридцати лѣтъ подъ-рядъ, совсѣмъ не офранцузился и каждый русскій встрѣчаетъ съ его стороны любезнѣйшее содѣйствіе. Онъ, впрочемъ, очень любитъ французовъ и все французское.

Я былъ какъ-то на балу у французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, покойнаго Спюлера. Какъ этотъ баденскій нѣмецъ, говорившій по-французски съ легкимъ акцентомъ и походившій съ виду на нѣмецкаго сапожника или бандажиста, могъ стать изъ довольно бездарнаго либеральнаго журналиста министромъ, да еще на постѣ Шуазеля, Талейрана и Гизо, уму непостижимо. Все сдѣлала протекція всемогущаго Гамбетты, которому и самому бы министромъ быть никогда не подобало. Подобно своему патрону, Спюлеръ отличался анти-русскимъ направленіемъ.

Во время пріема, на балу, меня представилъ Спюлеру г. Татищевъ, а стоявшій около министра г. Корвинъ-Круковскій, съ командорскимъ крестомъ

Боливара, полученнымъ «за услуги, оказанныя Венецуэльской (?) республикѣ», дружески потрепалъ Спюлера по плечу и сказалъ мнѣ по-русски:

— Онъ ничего,—онъ вовсе не такъ плохъ, какъ о немъ говорятъ.

Я съ тѣхъ поръ мосье Корвэна иначе и не называю, какъ протекторомъ французской республики.

Къ французскимъ литераторамъ сопричисляется и другой нашъ любезный соотечественникъ, графъ Ржевускій, драматургъ, романистъ и хроникеръ, не лишенный таланта. Онъ остается оптимистомъ, хотя Парижъ съ его театрами и клубами должны были лишить его многихъ иллюзій; особенно невыгодно отозвалось знакомство съ эксъ-королемъ Миланомъ. Послѣдній также, благодаря Парижу, лишился большей части ссуды, выданной ему столь щедро волжско-камскимъ банкомъ подъ залогъ бессарабскихъ имѣній.

Между членами русской колоніи, довольно продолжительное время живущими въ Парижѣ, слѣдуетъ упомянуть и о докторѣ Любимовѣ, весьма добромъ и обязательномъ для соотечественниковъ. Онъ, впрочемъ, большую часть года проводитъ въ Біаррицѣ и Ниццѣ. Эти два города, вмѣстѣ съ Карлсбадомъ, и притягиваютъ еще теперь русскихъ заграницу; нѣкогда излюбленные русскими тури-

стами Дрезденъ, Женева, Висбаденъ, Гейдельбергъ совершенно оставлены. Въ Ниццѣ, съ ея сосѣднимъ магнитомъ — Монте-Карло, теперь сравнительно бываетъ въ теченіе года гораздо болѣе русскихъ, нежели въ Парижѣ. Біаррицъ въ концѣ августа недѣли на три также дѣлается русскимъ городомъ; только и слышно: «ну, ужъ тутъ и тощища» или «когда эти французы выучатся дѣлать супы? У меня въ гостинницѣ ихними potages хоть клистиръ ставь!» Подчасъ на plage можно вообразить себя въ Гостиномъ дворѣ...

Какихъ экземпляровъ посылаетъ наше отечество, можно судить по слѣдующей подлинной исторіи. Одна херсонская помѣщица остановилась въ гостинницѣ Мирабо въ rue de la Paix. Недовольная чѣмъ-то за табль д'отомъ, она при всей публикѣ закричала метръ д'отелю:

— Позовите ко мнѣ сейчасъ г. Мирабо!

Помѣщица считала Мирабо хозяиномъ отеля!

Съ русской колоніей соприкасается кружокъ франко-русскихъ писателей, т. е. лицъ, изучающихъ во Франціи Россію: Рамбо, Анатоль Леруа-Болье, Вандаль, Лежэ и др.

Между ними виконтъ Мельхіоръ де-Вогюэ особенно извѣстенъ своими трудами по русской литературѣ и этнографіи. Нѣкоторые французы думаютъ даже, что Вогюэ выдумалъ русскую лите-

ратуру, и послѣдній отчасти поддерживаетъ парижанъ въ ихъ слѣпомъ заблужденіи. Во всякомъ случаѣ, Tolstoi и Dostoevsky, которыми бредятъ даже актрисы, стали извѣстны Западной Европѣ благодаря Вогюэ. Я присутствовалъ на его пріемѣ во французскую академію. Это торжество издавна имѣетъ свойство привлекать вниманіе парижанъ, но къ нему лучше всего прилагается изреченіе: «много званыхъ, но мало избранныхъ!» Въ залѣ академіи, помѣщающейся въ старинномъ дворцѣ Мазарини, всего 450 мѣстъ, поэтому, даже запасшись биллетомъ (кромѣ самаго небольшого числа нумерованныхъ мѣстъ), приходится дежурить съ 8 часовъ утра, чтобы въ часъ дня попасть въ залу, гдѣ только въ два часа происходитъ торжество. Само собою, для дежурства въ «хвостѣ» нанимаются комиссіонеры.

Академическая зала очень похожа внѣшностью на нашъ Эрмитажный театръ; публика сидитъ амфитеатромъ; для бюро академіи—трибуна; на ней возсѣдалъ въ качествѣ временнаго директора академіи Руссъ, по бокамъ его постоянный секретарь академіи Дусе и канцлеръ (временный) Галеви. Академики въ пиджакахъ и сюртукахъ, кромѣ новаго избранника и его parrains: герцога Одиффре-Пакье и Тена, которые, какъ и члены бюро, въ мундирахъ съ зеленымъ шитьемъ.

Вогюэ принадлежитъ къ орлеанистской партіи; онъ былъ избранъ въ академію такъ называемой «партіей герцоговъ», поэтому, понятно, парижская аристократія наполняла залъ. Герцогъ Омальскій сидѣлъ сзади новаго избранника, какъ бы указывая, что это его дѣтище. Центральная часть мѣстъ для публики наполнена была знатнѣйшими, красивѣйшими и элегантнѣйшими парижскими барынями. Тутъ были и жена президента, и жена маршала Макъ-Магона, жены министровъ, герцогиня Люинъ, принцесса Меттерних, графиня Пурталесъ, графиня Мальи, г-жа Бенардаки, баронесса Бургуанъ и т. д. На «скамьѣ родственниковъ» помѣщались генералъ Анненковъ, г-жа Нелидова, княжна Голицына. Вогюэ, какъ извѣстно, женатъ на сестрѣ строителя средне-азіатской желѣзной дороги.

Новый безсмертный попалъ въ академію сравнительно молодымъ: ему было тогда сорокъ одинъ годъ. Наружность г. Вогюэ хорошо извѣстна Петербургу, гдѣ онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ секретаремъ французскаго посольства. Читалъ онъ свою рѣчь, длившуюся часъ съ четвертью, довольно скоро и не совсѣмъ внятно, поэтому она не произвела, быть можетъ, должнаго впечатлѣнія. Правда, и сюжетъ достался крайне неблагодарный: сказать похвальное слово Низару, трудолюбивому, но

мало даровитому французскому критику, который ничего въ искусствѣ, кромѣ вѣка Людовика XIV, не допускалъ и пользовался въ качествѣ профессора и деректора Нормальной школы общею ненавистью, а въ качествѣ депутата временъ іюльской монархіи и сенатора временъ Имперіи — общимъ презрѣніемъ, между прочимъ за изобрѣтеніе теоріи «двухъ нравственностей» — одной житейской, другой — политической. Вогюэ въ изящной рѣчи, написанной его извѣстнымъ, нѣсколько изысканнымъ и поэтическимъ слогомъ, обѣлялъ, сколько могъ, Низара, а при этомъ, по академическому обычаю, разсыпалъ комплименты всѣмъ выдающимся членамъ академіи; въ особенности обратилъ вниманіе его панегирикъ Пастеру. Не обошлось, конечно, и безъ шпилекъ. Колкій намекъ на Буланже былъ принятъ общими аплодисментами. Республикѣ вообще доставалось въ этомъ засѣданіи отъ обоихъ официальныхъ ораторовъ.

Въ краснорѣчивомъ заключеніи Вогюэ коснулся нѣсколькихъ общихъ вопросовъ, распространялся о пессимизмѣ, о позитивизмѣ и въ средѣ академіи имѣлъ смѣлость заявить, что увлеченіе классицизмомъ должно кончиться, а латинскій языкъ и литература должны уступить мѣсто въ воспитаніи юношества изученію иностранныхъ языковъ и литературъ.

Это положеніе и послужило главнымъ матеріаломъ для отвѣтной рѣчи академика Русса. Руссъ, высокаго роста семидесятилѣтній старикъ, съ длинными сѣдыми бакенбардами — типъ французскаго адвоката. Его рѣчь, длившаяся три четверти часа, была легковѣсною, но и занимательною болтовнею, мѣстами не лишенною остроумія. Руссъ справедливо обратилъ вниманіе, что тѣнь Низара, слушая заключеніе Вогюэ, должна содрогнуться въ гробу. Затѣмъ Руссъ перешелъ къ біографіи и характеристикѣ Вогюэ; здѣсь разсказъ о ранѣ, полученной Вогюэ въ войну 1870 г., и о смерти его брата вызвалъ громъ рукоплесканій. Съ неменьшимъ жаромъ было встрѣчено двукратное упоминаніе о генералѣ Анненковѣ и построенной имъ желѣзной дорогѣ. Имя Анненкова вообще чрезвычайно популярно во Франціи и къ нему всецѣло прилагаются въ этомъ случаѣ слова Писанія: «нѣсть пророкъ честенъ въ отечествѣ!».

Не читавъ, по собственному сознанію, ни Низара, ни русскихъ авторовъ, Руссъ съ адвокатской безцеремонностью смѣло защищалъ перваго и презрительно трактовалъ послѣднихъ, сожалѣя, что недостатки русскихъ романистовъ, ставшихъ во Франціи извѣстными именно благодаря трудамъ Вогюэ, усвоили себѣ и французскіе писатели. Руссъ намекнулъ далѣе, что русскій романъ есть дѣтище

Бальзака и Диккенса. Тургеневъ, по словамъ Русса, «мужикъ, отмѣченный искрою генія», Достоевскій — «Гамлетъ безъ Офеліи», «истый скиѳъ», графъ Толстой «повторяетъ, въ своемъ убѣжищѣ въ Тулѣ, «Contrat Social» и, продолжая мечты Жанъ-Жака, дожидается осуществленія идей Бабефа!!» Эта болтовня, хотя и прерываемая аплодисментами, надобно сказать, не очень была одобрена болѣе серьезною частью публики, тѣмъ болѣе, что все русское въ Парижѣ въ большой модѣ.

Пріемъ закончился легкимъ завтракомъ у секретаря академіи, милаго старичка, яраго бонапартиста, Камила Дусе, а часть публики, ненасытная по части зрѣлищъ, не смотря на африканскую жару, понеслась въ палату слушать рѣчь Жюля Ферри, хорошо молчавшаго четыре года подъ-рядъ.

*
* *

Русскихъ ученыхъ въ Парижѣ немного. Совсѣмъ офранцузившійся извѣстный путешественникъ и геологъ Платонъ Чихачевъ, жившій на старости въ Версалѣ, умеръ; чаще другихъ изъ русскихъ въ ученыхъ обществахъ можно встрѣтить извѣстнаго географа Азіи Венюкова, попадаются иногда разные магистранты и кандидаты въ профессоры. Это особый народъ; для своихъ изслѣдованій они обыкновенно выбираютъ невозможные и никому не ин-

тересные сюжеты: о формѣ землевладѣній на лунѣ, была ли свобода печати при вавилонскомъ столпотвореніи? и т. п. животрепещущіе вопросы.

Особнякомъ отъ ученыхъ стоятъ франко-русскіе философы. Важнѣйшіе изъ нихъ — корифеи позитивистской школы гг. Вырубовъ и де-Роберти. Г. Вырубовъ, бывшій любимый ученикъ Литтре и на средства котораго даже издавался для проповѣди идей Огюста Конта журналъ «Revue Positive», теперь поблекъ, и кружокъ ортодоксальныхъ позитивистовъ (ибо есть позитивисты ересіархи) имѣютъ единственнаго агента г. де-Роберти, проживающаго половину или двѣ трети года въ Парижѣ, а остальное время гдѣ-то въ Тверской губерніи, около г. Старицы, и оттуда поучающаго Европу на французскомъ языкѣ уму-разуму.

«Revue Positive» нынѣ прекратился; одни говорятъ—за недостаткомъ подписчиковъ, другіе—потому, что всѣ сотрудники журнала подѣлались министрами и писать-де некому. Послѣднее можетъ быть и справедливо, ибо я помню завѣдывавшаго разсылкою журнала г. Кобэ, такъ себѣ французика, нѣчто въ родѣ старшаго разсыльнаго редакціи, а онъ сталъ важною особою—помощникомъ префекта полиціи въ Парижѣ! Чего-жъ достигли еще болѣе важные сотрудники?

Но если французскіе товарищи г. Вырубова, бла-

годаря торжеству позитивизма, пока не въ наукѣ, а на службѣ республики пошли въ гору, то г. де-Роберти, какъ русскій, т. е. лишенный во Франціи политическихъ правъ, одинъ остается обиженнымъ и, за неимѣніемъ болѣе широкаго поприща, попрежнему, предводительствуетъ «лѣвымъ центромъ» въ старицкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.

Г. де-Роберти пробовалъ издать свою «Соціологію» на русскомъ языкѣ, но такъ какъ философскихъ книгъ у насъ рѣшительно никто не читаетъ, и «философами», какъ еще вѣрно замѣтилъ покойный Дружининъ, называютъ въ Россіи тѣхъ, кто не пьетъ водки передъ обѣдомъ, то трудъ старицкаго философа остался вовсе не замѣченнымъ. Къ счастью для послѣдняго, тотъ же трудъ былъ изданъ по-французски и тамъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ новаго откровенія для Европы.

Я просматривалъ изданную въ Туринѣ, объемистую книгу сицилійскаго философа г. Вадале-Папале: «Darwinismo naturale e darwinismo sociale». Въ этой книгѣ нашъ отечественный философъ чуть ли не на каждой страницѣ превозносится какъ величайшее свѣтило современнаго европейскаго любомудрія. Какая разница въ способѣ оцѣнки съ нашими учеными, которые не могутъ говорить другъ о другѣ иначе какъ въ семинарскомъ, грубомъ тонѣ или ругаясь какъ извозчики.

Цитату изъ 9-й главы книги г. де-Роберти «Sociologie» итальянскій философъ сопровождаетъ такимъ скромнымъ замѣчаніемъ: «но я воздержусь отъ повторенія того, что авторитеты науки такъ блистательно изложили»... Сказавъ далѣе, что наука не остановилась на сведеніи всѣхъ явленій къ движенію, какъ основоначалу физическаго динамизма, и приведя по этому поводу опредѣленія, данныя болѣе общему «отношенію количества» де-Роберти и Спенсеромъ, Вадале-Папале выражается такъ: «эти два знаменитые соціолога одинаковы правы»...

Объяснивъ, что онъ самъ вовсе не позитивистъ, не ученикъ Конта, и приведя мнѣніе Милля, что вслѣдствіе отсутствія психологіи въ ряду наукъ, доктрина Конта должна почитаться несовершенною, и что созданіе полной положительной философіи есть дѣло будущей, болѣе конкретной обработки относящихся сюда данныхъ, итальянскій ученый утверждаетъ прямо, что «эту работу совершилъ де-Роберти въ своихъ этюдахъ о соціологіи, уяснивъ новую сторону психическаго явленія». Объ этой работѣ говорится далѣе: «Въ этомъ новомъ анализѣ, открывшемъ намъ новый міръ идей, автору удалось отдѣлить физіологическую часть психическаго явленія отъ части, независимой отъ физіологическихъ функцій»... — и на стр. 76: «Таково новое ученіе экспериментальной психологіи... Я сказалъ

достаточно, чтобы по слѣдамъ руководителя новой науки опредѣлить новое поле психологіи»... и далѣе: «Эти соображенія освѣтили совершенно новую сторону психологической проблемы, едва бывшую очерченною и никѣмъ глубоко не изученную»...

Изложивъ подробно сущность ученій Спенсера и Шеффле, итальянскій профессоръ говоритъ: «Открыть еще болѣе передовые, широкіе горизонты съумѣлъ, къ великой похвалѣ своей, де-Роберти во Франціи (?), который можетъ быть названъ самымъ возвышеннымъ между новѣйшими писателями по соціологіи, слѣдующими естественно-научному методу»...

Наконецъ, въ заключеніе краткаго очерка ученія де-Роберти, Вадале-Папале говоритъ: «Таково послѣднее усиліе, до котораго возвысился современный научный геній въ дѣлѣ основанія новой науки объ обществѣ; и этотъ субстратъ идей передается отъ писателя къ писателю»...

Съ неменьшимъ энтузіазмомъ говоритъ о де-Роберти извѣстный французскій романистъ Поль Аданъ (Les Triomphes des médiocres). По мнѣнію послѣдняго, де-Роберти замѣчательный философъ, который въ своей книгѣ «La Philosophie du Siècle» опровергаетъ всѣ модныя въ этомъ столѣтіи системы аргументами, заимствованными изъ этихъ самыхъ системъ. «Я убѣжденъ, заключаетъ Поль Аданъ, что философія будущаго столѣтія заимствуетъ

всю свою силу изъ громаднаго труда де-Роберти. Уже Изулэ популяризируетъ въ своихъ лекціяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ мысли этого созидателя»...

Приведенныхъ выписокъ, кажется, достаточно. Итальянскій философъ воображаетъ почему-то, что г. де-Роберти французскій ученый; онъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе именемъ (впрочемъ испанскимъ, какъ выяснилось въ извѣстной полемикѣ съ г. де-Роберти г. Михайловскаго) и языкомъ, на которомъ излагаетъ свои «возвышенныя» мысли парижско-тверской философъ. Но мнѣ, для котораго происхожденіе г. де-Роберти, стариннаго моего пріятеля, не секретъ, остается только радоваться, и нѣтъ сомнѣнія, что граждане города Старицы поспѣшатъ поставить на одной изъ своихъ площадей, на Place de la Concorde, противъ помѣщенія земской управы, камеры мирового судьи и квартиры земской акушерки, монументъ г. де-Роберти. На открытіе этого монумента пріѣдутъ говорить рѣчи гг. Вырубовъ, Рибо и др. столпы современнаго позитивизма.

Въ послѣдніе годы франко-русскіе философы гг. Максимъ Ковалевскій, де-Роберти и Щукинъ*)

*) И. И. Щукинъ, молодой московскій ученый и литераторъ, сдѣлался теперь центромъ русскаго ученаго кружка въ Парижѣ. Онъ слѣдитъ за русскою наукою и у него можно встрѣтить всѣхъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, занимающихся въ разныхъ учрежденіяхъ Парижа.

подѣлались профессорами новаго «вольнаго» Брюссельскаго университета. Это весьма оригинальное учрежденіе. Не надобно думать, что въ немъ, какъ въ пресловутомъ «Нахичеванскомъ университетѣ», учатъ: «стричь, брить и джигитовкѣ», или чтобы тамъ преподавали разведеніе брюссельской капусты, нѣтъ, но въ немъ профессоровъ болѣе чѣмъ студентовъ, курсы продолжаются по шести недѣль, чтобы, по теоріи г-жи Простаковой, «дитя не утомилось» и молодые мозги не бѣднѣли фосфоромъ. Университетъ этотъ, впрочемъ, не даетъ своимъ слушателямъ никакихъ «правъ»; поэтому посѣщаютъ его тѣ, кто ищетъ истины, какъ во времена Абелара, а не чиновъ и дипломовъ.

Въ русской ученой колоніи въ Парижѣ можно встрѣтить часто двѣ замѣчательныя личности, хотя и не русскія по крови, но посвятившія себя служенію русской исторіи; это — отецъ Пирлингъ и г. Валишевскій.

Пирлингъ родился въ С.-Петербургѣ и учился тамъ въ гимназіи; онъ католикъ съ дѣтства, по наружности же и чистотѣ выговора совершенно русскій и такимъ остается до сихъ поръ. Поступивъ въ іезуитскій орденъ, онъ обратилъ на себя вниманіе способностями и былъ секретаремъ генерала іезуитскаго ордена—постъ весьма отвѣтственный. Въ настоящее время Пирлингъ исключительно по-

святилъ себя историческимъ занятіямъ и написалъ цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ объ отношеніяхъ папскаго престола къ Россіи, начиная съ XV вѣка. Труды эти онъ, по переработкѣ, свелъ въ особое сочиненіе, котораго вышло уже два тома; третій будетъ особенно любопытенъ, потому что посвящается загадочной личности Лжедимитрія.

Вся эта работа основана на первоисточникахъ. Г. Пирлингъ перерылъ архивы въ Римѣ, Венеціи, Краковѣ и др. мѣстахъ. А это штука не легкая, не только потому, что рыться въ архивной пыли требуетъ и знанія и терпѣнія, но и по трудной доступности многихъ архивовъ. Хотя трудами нашего ученаго интересуется самъ папа Левъ XIII, ученый богословъ и отличный литераторъ на латинскомъ языкѣ, но и его покровительство не открываетъ настежь двери нѣкоторыхъ архивовъ. Благодаря строгимъ принципамъ римской куріи, даже документы XVI столѣтія подлежатъ въ Ватиканскомъ архивѣ канцелярской тайнѣ и открываются для занятій съ трудомъ, а до архивовъ инквизиціи доступъ еще труднѣе. Зато эти архивы содержатся сравнительно въ хорошемъ порядкѣ.

Я былъ у отца Пирлинга въ монастырѣ, помѣщающемся въ rue de Sèvres противъ магазина Bon Marché, вопреки закона, изгнавшаго іезуитовъ и всѣ однородные съ ними монашескіе ордена изъ

Франціи. Въ монастырѣ живетъ сорокъ монаховъ; достуиъ къ нимъ днемъ совершенно свободенъ, а равно и монахи могутъ выходить когда имъ угодно, но завтракать, обѣдать и ночевать они обязаны въ монастырѣ. Въ утѣшеніе столъ, говорятъ, у іезуитовъ очень хорошъ.

Пирлингъ занимаетъ довольно большую келью, заваленную книгами, по большей части русскими; на почетномъ мѣстѣ виситъ фотографическій снимокъ съ акта флорентійскаго собора съ подписями папы, византійскаго императора и московскаго митрополита, вослѣдствіи кардинала, Исидора, который по-нашему считается лже-Исидоромъ, а для г. Пирлинга является, конечно, идеаломъ по своей дѣятельности къ сближенію двухъ церквей, распавшихся девять вѣковъ назадъ. Само собою, что книги являются единственнымъ украшеніемъ келіи, поражающей скромною бѣдностью обстановки.

Г. Валишевскій, русскій подданный и помѣщикъ Калишской губерніи, учился у іезуитовъ въ Нанси; онъ владѣетъ французскимъ языкомъ какъ природный французъ, по-русски, увѣряетъ, что не говоритъ, но знаетъ его такъ тонко, что по моему порученію прекрасно перевелъ на французскій языкъ горный уставъ, а извѣстенъ мудреный слогъ нашего свода законовъ, гдѣ постановленія Номоканона, переведенныя подъячими въ XVII вѣкѣ,

перемѣшаны съ новѣйшими узаконеніями, переведенными съ французскаго чиновниками изъ остзейскихъ бароновъ, учившихся на факультетѣ восточныхъ языковъ.

Спеціальность г. Валишевскаго — XVIII вѣкъ нашей исторіи, особенно эпоха прихотливаго женскаго правленія. «Le roman d'une Impératrice»— мастерская характеристика Екатерины II, не лишенная тонкаго яда, естественнаго со стороны поляка по отношенію къ главному автору раздѣловъ Польши. Другая книга, касающаяся вѣка Екатерины, «Autour d'un trône», также интересна, хотя и послабѣе первой, имѣвшей огромный книгопродавческій успѣхъ. Г. Валишевскій сдѣлалъ попытку нарисовать и Петра Великаго. Хотя въ исторіи послѣдняго не мало мелкихъ фактическихъ ошибокъ или, точнѣе, недосмотровъ, но въ общемъ могучая и причудливая фигура Преобразователя обрисована г. Валишевскимъ мастерски и вѣрно. Замѣчается только нѣкоторое противорѣчіе въ выводахъ. Авторъ является какъ бы западникомъ и теоретически защищаетъ реформу Петра, между тѣмъ какъ изъ его изложенія фактовъ выходитъ, наоборотъ, что реформа явилась болѣе результатомъ странныхъ и подчасъ свирѣпыхъ капризовъ, а не какого-либо заранѣе обдуманнаго плана.

Книга о Петрѣ также понравилась публикѣ и

появилась уже по-англійски одновременно въ двухъ пзданіяхъ, въ Англіи и въ Америкѣ. Въ настоящее время г. Валишевскій подготовляетъ матеріалы для историческаго очерка остальныхъ женскихъ правительницъ XVIII столѣтія въ Россіи: Екатерины I, Анны Іоанновны, Анны Леопольдовны и Елисаветы Петровны. Я совѣтовалъ ему лучше написать исторію Павла I, которая не можетъ появиться съ достаточною полнотою на русскомъ языкѣ.

XII.

На закатѣ буланжизма.

Въ мартѣ 1888 г. парижане сходили съ ума по генералу Буланже. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ захотѣлъ сдѣлать попытку переворота въ моментъ своего увольненія изъ Клермонъ-Ферана, то она имѣла бы очень много шансовъ на успѣхъ. Вотъ курьезное доказательство популярности въ Парижѣ brav'général'я. Одинъ мой знакомый, нашъ извѣстный желѣзнодорожный дѣятель г. Голубевъ, осматривалъ La Salpétrière — домъ для сумасшедшихъ женщинъ. Его поразило, что сумасшедшія на каждомъ шагу кричали: «Vive le général Boulanger!» и пѣли «En revenant de la revue».

Въ апрѣлѣ я засталъ еще моду на Буланже, но въ кружкахъ вліятельныхъ и высшей буржуазіи о немъ не говорили иначе, какъ съ пѣною у рта, или съ притворнымъ презрѣніемъ. Все-таки во

всѣхъ газетахъ былъ заведенъ особый отдѣлъ: Le Boulangisme и каждый шагъ генерала внимательно комментировался печатью. Въ іюнѣ фонды Буланже я нашелъ, по крайней мѣрѣ, на 90% ниже прежняго; интересовались имъ только въ политическихъ кружкахъ, да и вообще интересовались потому, что его продолжалъ поддерживать Рошфоръ, газета котораго, расходящаяся въ двухстахъ тысячахъ экземпляровъ, въ Парижѣ крупная сила.

Непонятна даже его боязнь и одни военные, не смотря на покровительство Буланже, не долюбливаютъ даровитаго, но недобросовѣстнаго журналиста.

Среди офицеровъ французской арміи до сихъ поръ еще преобладаютъ бонапартистскія традиціи; только въ генеральномъ штабѣ заняли прочную позицію жиды. Офицеры, служащіе и отставные, горько сожалѣютъ, что Рошфора, этого заклятаго врага Имперіи, попросту послѣ Коммуны не разстрѣляли, а судили и сослали.

— Мы держали эту каналію въ своихъ рукахъ, говорилъ мнѣ съ отчаяніемъ графъ де-Тюрень, потомокъ знаменитаго полководца и бывшій адъютантъ Галиффе въ 1871 году, а навѣрно бы разстрѣляли, но получена была собственноручная записка Тьера, чтобы подъ страхомъ личной отвѣтственности доставить Рошфора въ Версаль живымъ

и неприкосновеннымъ. Такая нѣжность объясняется тѣмъ, что когда во время Имперіи маленькій Тьеръ былъ въ оппозиціи, Рошфоръ оказалъ ему существенныя услуги на выборахъ.

Это не мѣшаетъ, однако, Рошфору мѣшать съ грязью Тьера каждый разъ, когда о немъ заходитъ рѣчь, а о Галиффе же и говорить нечего; его иначе не изображаютъ въ радикальныхъ газетахъ, какъ купающимся въ крови бѣдныхъ коммунаровъ и разстрѣливающимъ плѣнныхъ женщинъ и дѣтей. По этому поводу старый генералъ сказалъ отличную остроту:

— Да помилуйте, — всѣ мною разстрѣленные состоятъ теперь министрами!

Таковъ французскій характеръ, таковы отношенія французовъ къ политикѣ. Недаромъ съ 1790 года Франція перемѣнила семь разъ форму правительства; средняя продолжительность каждой изъ нихъ была 14 лѣтъ. За это время произведено четырнадцать коренныхъ измѣненій конституціи, т. е. каждая изъ нихъ просуществовала въ среднемъ семь лѣтъ; за тотъ же періодъ пятнадцать лицъ стояло во главѣ французскаго правительства, одинъ изъ нихъ—Наполеонъ I—два раза, и изъ пятнадцати только одинъ, Людовикъ XVIII, умеръ спокойно у власти, хотя и прогулялся дважды въ изгнаніе; изъ остальныхъ двое (Людовикъ XVI и Ро-

бесньеръ) погибли насильственною смертью, прочіе были изгнаны или принуждены подать въ отставку до истеченія срока своихъ полномочій. Съ такою же быстротою мѣнялись и министры, и эта быстрота постоянно и прогрессивно возрастаетъ. Министръ финансовъ сидѣлъ во Франціи среднимъ числомъ на своемъ мѣстѣ при первой имперіи 18 лѣтъ, при реставраціи — 9 лѣтъ, при Луи-Филиппѣ — 7 лѣтъ, при второй имперіи—$8^1/_2$ лѣтъ, при третьей республикѣ до 1877 г.—$2^1/_2$ года, съ 1877 года только $1^1/_4$!

Правда, популярность Буланже была раздута, какъ пузырь, случайными обстоятельствами: красивою вороною лошадью изъ цирка Франкони, взятою для фигурированія на парадѣ 14-го іюля 1886 года, и пѣсенкою Паулюса и, какъ пузырь, должна была разлетѣться отъ укола булавкою. Но, кто знаетъ? не наполнятъ ли вновь пузырь воздухомъ и онъ можетъ еще вновь взлетѣть очень высоко.

Французы не могутъ, однако, обойтись безъ кумира. Въ настоящій моментъ у нихъ въ должности такового состоитъ Эйфель, строящій для всемірной выставки желѣзную башню въ два раза выше Хеопсовой пирамиды. Уже треть башни по высотѣ и половина по количеству матеріаловъ и работы готовы. Эйфелю пятьдесятъ лѣтъ отъ роду; онъ исполнилъ нѣсколько серьезныхъ инженерныхъ ра-

ботъ и никакой извѣстности не получилъ, но стоило ему сочинить проектъ нелѣпаго новаго вавилонскаго столпотворенія и сразу явилась слава и громкая извѣстность. Окончательно же популярность упрочилась, когда Эйфель втащилъ за собою на постройку нѣсколько актеровъ и вліятельныхъ хроникеровъ и затѣмъ какъ слѣдуетъ угостилъ ихъ.

Въ Парижѣ все оплачивается и все можно имѣть за деньги. Желаете вы убѣдиться въ вѣрности вашей жены, сейчасъ является господинъ, который за 20 франковъ въ день будетъ слѣдить за нею повсюду и давать вамъ отчеты *); желаете, чтобы вашу книгу расхвалили, — имѣются и для этого господа, берущіе цѣну опредѣленную и всѣмъ извѣстную—1,200 франковъ; желаете сообщить, что у васъ обѣдала или нѣла такая-то знаменитость,— можете уплатить 40 франковъ за строчку; хотите попасть въ академію и на это есть свой тарифъ— если вѣрить Альфонсу Додэ.

Эйфелевская башня въ особенности нуждается въ оплаченныхъ рекламахъ, потому что на ней основываютъ теперь почти весь успѣхъ будущей всемірной выставки. Сама же по себѣ башня —

*) Въ Лондонѣ, гдѣ все дороже, та же операція стоитъ въ день фунтъ стерлинговъ (25 франковъ).

дичь невозможная. Бросить 6 милліоновъ франковъ на сооруженіе, не имѣющее ни художественнаго, ни практическаго значенія, надобно имѣть много лишнихъ денегъ. Башня будетъ служить, и то на время выставки, для поднятія на нѣкоторую высоту зѣвакъ. Послѣдніе увидятъ, впрочемъ, Парижъ почти въ томъ же видѣ, какъ виденъ онъ и съ башенъ Трокадеро или Notre Dame. Да и надобно еще найти 6 милліоновъ такихъ охотниковъ подыматься, чтобы окупить расходы, тѣмъ болѣе, что, не смотря на элеваторъ, едва ли найдутся желающіе совершить путешествіе два или три раза.

Инженеры увѣряютъ, будто башня имѣетъ цѣлью доказать торжество механики; но послѣ американскихъ мостовъ въ семь верстъ длиною черезъ рѣки и морскіе проливы, желѣзными сооруженіями никого не удивишь. Весь вопросъ въ деньгахъ. Вотъ куполъ собора св. Петра въ Римѣ—вещь удивительная: всѣ профессора строительнаго искусства вычислили, что онъ дурно разсчитанъ Микель-Анджело, что долженъ провалиться, а куполъ стоитъ да стоитъ.

Башня Эйфеля навѣрно, впрочемъ, привлечетъ не малую толпу; французы, а въ особенности парижане,—«зѣваки» по натурѣ;—имъ подавай всякаго рода предметы для осмотра. Одновременно при мнѣ въ Парижѣ публика ходила въ Салонъ

(годичная художественная выставка), на выставку рисунковъ Виктора Гюго, на выставку пастельной живописи, на выставку карикатуристовъ, на выставку изящныхъ произведеній временъ Людовиковъ XIV и XV, наконецъ, продолжала ходить, хотя и менѣе прежняго, на выставку всякой белиберды въ Chat Noir. Это созданіе нѣкоего Салиса, убѣжденнаго, что совершилъ переворотъ въ французскомъ искусствѣ и на горѣ Монмартрѣ возвѣстилъ его новыя заповѣди. Подражателей Салиса множество.

Первая и предпослѣдняя выставки особенно много привлекали народа. Не нужно думать, однако, что парижане—имѣющіе, впрочемъ, тонкій вкусъ—дѣйствительно обожаютъ искусство, какъ любили его, напримѣръ, итальянскіе аристократы и духовныя лица временъ Возрожденія. Даже и платежъ по сто и двѣсти тысячъ франковъ за какую-нибудь картину или фарфоровую чашку ровно ничего не доказываетъ. Искусство обратилось здѣсь въ игру, какъ обратились въ игру помѣщеніе капиталовъ въ процентныя бумаги или содержаніе заводскихъ лошадей.

Клика знатоковъ пускаетъ въ моду извѣстную эпоху, положимъ, Луи Сезъ, или извѣстнаго артиста: Миллэ, Коро и т. п.; начинается покупка произведеній этой эпохи или этого артиста, цѣны

подымаютъ до безумія, рядомъ за отличныя такія же вещи не даютъ и десятой части; затѣмъ, когда цѣны набиты, начинается спусканіе скупленнаго добра; когда все продано и размѣщено и масса богатыхъ людей одурачена, происходитъ исканіе новаго предмета для ажіотажа. Эти поиски—цѣлая профессія. Въ нынѣшнемъ Салонѣ все, что было мало-мальски страннаго или новаго, сейчасъ же было отмѣчено и закуплено для дальнѣйшей спекуляціи, и такимъ путемъ молодой художникъ, сегодня вовсе неизвѣстный, можетъ нежданно-негаданно стать на пути къ богатству. Само собою онъ за это долженъ потомъ платить и платить кому слѣдуетъ, платить деньгами или картинами.

Въ этомъ случаѣ поучительна исторія, какъ французское правительство на аукціонѣ у замотавшагося спекулянта Секретана едва не купило небольшую картину Миллэ за 580.000 франковъ. Эта щедрая затрата казенныхъ денегъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ и въ нѣкоторой части печати привѣтствовалась, какъ великая побѣда французовъ надъ американцами. Франціи удалось-де «спасти картину Миллэ изъ рукъ хищныхъ иностранцевъ» — кричали хроникеры.

Въ моментъ, когда Франція пригласила всѣ народы къ братскому единенію на всемірной выставкѣ, странно, однако, было видѣть ужасъ при мысли,

что иностранные «братья» купятъ и будутъ наслаждаться произведеніемъ французскаго художника. Въ прежнее время всѣ бы радовались, что французскіе художники пріобрѣтаютъ всемірный рынокъ. Франція и была тогда всемогуща, когда Вольтеръ забавлялъ прусскаго короля, Дидро бесѣдовалъ съ русскою императрицею, а Тараваль и Жакъ Фуке расписывали дворецъ шведскаго короля. Но буквально принимать къ сердцу слова французскихъ критиковъ не слѣдуетъ. Въ ихъ восторгахъ сразу замѣчается фальшивая нота, какъ равно и въ тѣхъ плачахъ, что произведенія Миллэ стоятъ милліоны, а онъ умеръ нищимъ и ничѣмъ не обезпечилъ семейства. На повѣрку оказалось, что семейство состоитъ изъ людей богатыхъ, а однихъ вещей Миллэ оставилъ послѣ смерти на полмилліона, что едва ли можетъ быть названо misère noire.

Къ чему было все это вранье и всѣ эти патріотическіе восторги? Они служили цѣлямъ спекуляціи и наживы. Художество, я сказалъ, стало въ послѣднее время такимъ же, буквально, предметомъ игры, какъ акціи и облигаціи на биржѣ или кровныя лошади на скачкахъ. Цѣлые синдикаты ловкихъ аферистовъ устраиваютъ склады картинъ якобы въ частныхъ домахъ, заводятъ спеціальныя газеты, нанимаютъ критиковъ à la Альбертъ Вольфъ,

устраиваютъ выставки и аукціоны, все это съ цѣлью надуть и обобрать публику и въ особенности иностранцевъ. Для лучшей игры выбирается обыкновенно какой-либо живописецъ или скульпторъ, конечно умершій или переставшій писать, и начинается вздуваніе достоинства его картинъ, игра à la hausse. Въ два послѣдніе года были въ Парижѣ такими изъ новыхъ—Миллэ, изъ старыхъ—Фрагонаръ; ранѣе того спекуляція шла на Рембрандтѣ, Клодіонѣ, Коро, Мессонье и др.

Съ подобными же цѣлями и пріемами была устроена и продажа коллекцій обанкротившагося Секретана. Подъ шумокъ колоссальной надбавки на картину Миллэ спекуляціи удалось спустить по необыкновенно высокимъ цѣнамъ массу разныхъ картинъ и рисунковъ. Небольшія акварели, не имѣющія серьезнаго достоинства, но подписанныя знаменитыми именами, пошли за десять и болѣе тысячъ франковъ штука! Что спекуляція «обработала» иностранцевъ—дѣло понятное; невѣроятно, какъ могло попасться на удочку французское правительство, имѣющее цѣлый департаментъ изящныхъ искусствъ, наполненный, впрочемъ, паразитами французскихъ политическихъ интригановъ. По всей вѣроятности, чиновники этого департамента были въ стачкѣ съ спекулянтами.

Дѣло подобнаго департамента умѣло отыскивать

и поддерживать художниковъ, когда репутація ихъ еще окончательно не установилась. Давая тогда щедрыя, но разумныя цѣны, государство легко накопитъ въ своихъ музеяхъ произведенія, которыя съ годами пріобрѣтутъ огромную стоимость, но торговаться на аукціонахъ съ американскими жидами и давать по полумилліону за картинку, прикрывая такимъ образомъ и даже поощряя игру на имена извѣстныхъ художниковъ,—для правительства вещь совершенно неприличная.

Это слѣдуетъ имѣть въ виду вслѣдствіе того, что примѣръ Франціи покажется, можетъ быть, поучительнымъ, что иные и повѣрятъ, что Альбертъ Вольфъ, кельнскій еврей, дѣйствительно плакалъ при патріотической мысли, что Франція сохранила у себя «Angelus»—Миллэ, и начнутъ и другія правительства подбивать тратить сотни тысячъ рублей на покупки на аукціонахъ, съ цѣлью утереть носъ иностранцамъ.

Не во гнѣвъ будь сказано гг. художникамъ: 580,000 франковъ—плата за картину совершенно невозможная. Конечно, художественное произведеніе не оцѣнивается по размѣрамъ и количеству труда, но нельзя и для художественныхъ произведеній не прилагать въ извѣстной степени мѣрила полезности. Частный человѣкъ, покупая такую дорогую картину, долженъ быть очень богатъ и имѣть не

мало другихъ картинъ. Да одна картина и прискучаетъ. Много, много, если онъ въ жизни взглянетъ на нее потомъ сотню разъ. Это обойдется всего по двѣ тысячи рублей за взглядъ *). Въ казенныхъ музеяхъ еще того хуже. Извѣстно, какая публика посѣщаетъ эти музеи, чаще же всего они вовсе не посѣщаются. И вотъ для населенія, у котораго не удовлетворены насущнѣйшія потребности (и въ Парижѣ до сихъ поръ нѣтъ достаточно чистой воды), предлагалось удовольствіе, доступное лишь десятку тонкихъ цѣнителей, ибо можно держать какое угодно пари, что не найдется и въ столицахъ ста людей, которые способны оцѣнить меланхолическую поэзію картинъ Миллэ.

На разныхъ выставкахъ въ Парижѣ не разъ были собираемы почти всѣ chef d'oeuvres французской школы за послѣднія сто лѣтъ. Картинъ тутъ было на милліарды рублей, былъ купленный

---

*) Въ воспоминаніяхъ В. В. Верещагина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» есть любопытное объясненіе, почему иные господа держатъ у себя дорогія картины. «Интересенъ совѣтъ, пишетъ г. Верещагинъ, данный Дюма одной особѣ, обладательницѣ двухъ дорогихъ картинъ Реньо и Фортуни: «Мнѣ предлагаютъ за эти полотна 500,000 франковъ, — сказала она писателю-философу, — посовѣтуйте, отдать или нѣтъ?

— Сударыня, — отвѣтилъ Дюма, — какъ обладательница этихъ картинъ, вы извѣстная личность, особа, въ Парижѣ; если же вы ихъ продадите, вы сдѣлаетесь ничѣмъ — рѣшайте сами.

за 65,000, но цѣнимый уже спекуляторами свыше 500,000 франковъ, «Наполеонъ въ 1814 году» Мессонье—картина, которую владѣлецъ ея, Делагантъ, кстати сказать, держитъ въ маленькой столовой, рядомъ съ грошовыми литографіями. Казалось бы, что такіе «художественные рап» должны были привлекать самую обширную и избранную публику. Художники должны бы жить по цѣлымъ днямъ въ такой атмосферѣ. Нисколько. Всѣ выставки кончались ничѣмъ, посѣщались зѣваками и пребываніе chef d'oeuvres'овъ выразилось только тѣмъ, что они сильно пылились и ихъ приходилось покрывать вновь лакомъ.

Если даже принять, что картинки въ родѣ «Angelus»—Миллэ стоятъ по полумилліону, а пропорціонально произведенія Рубенсовъ, Тиціановъ, Рембрандтовъ, Веласкезовъ и другихъ колоссовъ искусства должны стоить десятки милліоновъ (на теперешней художественной биржѣ они идутъ дешевле модныхъ живописцевъ), то почему такая честь только картинамъ и живописцамъ?

Разъ государство въ общемъ интересѣ обязано тратить милліоны съ художественными цѣлями, то оно не должно отдавать предпочтенія однѣмъ картинамъ. По той же логикѣ должно купить у Зола или графа Толстого за милліонъ право изданія его сочиненій, чтобы сдѣлать ихъ даровымъ достоя-

ніемъ всей публики. Съ такимъ же правомъ могутъ желать получить сотни тысячъ и милліоны владѣльцы и наслѣдники музыкальныхъ произведеній Гуно, Глинки, Даргомыжскаго, Вагнера. Поэты и писатели даже пропорціанально должны быть гораздо сильнѣе вознаграждаемы казною, потому что вліяніе ихъ на улучшеніе изящнаго вкуса, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ живописцами, всегда доступными только ничтожной части населенія въ нѣкоторыхъ притомъ городахъ...

Къ числу развлеченій для парижскихъ зѣвакъ принадлежитъ устроенная на Марсовомъ полѣ копія Бастиліи и улицы Сентъ-Антуанскаго предмѣстья въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали въ 1789 г. Внутренность Бастиліи, впрочемъ, обращена въ пивную залу и только въ одной части устроена была тюрьма, яко бы подобная той, въ которую сажали по прихотямъ фаворитовъ и фаворитокъ. Вся выставка и собираемыя на каждомъ шагу «на водку» за показываніе вещей, мало интересныхъ, производили впечатлѣніе довольно невыгодное. Да и Бастилія показалась весьма мизерною среди громадъ новаго Парижа. Смѣшно даже думать, что взятіе и разореніе подобнаго сооруженія, назначеннаго почти исключительно для знати и придворныхъ, французы въ свое время прославляли без-

смертнымъ гражданскимъ подвигомъ. Я убѣжденъ, что разсматриваніе этой картонной копіи должно производить такое же охлаждающее впечатлѣніе, какъ чтеніе книги Тена о революціи и первой республикѣ.

Впрочемъ, не только фонды первой республики очень пали, но и фонды третьей республики далеко не твердо стоятъ. «Il faut que la politique cesse d'être bête!»—слова, сказанныя однимъ журналистомъ, довольно вѣрно изображаютъ мнѣніе образованнаго меньшинства. — «Это просто непонятно, говорилъ мнѣ почтенный либеральный сенаторъ, что дѣлается у насъ. То есть, кажется, если бы назначить конкурсъ, чтобы указать, кто во Франціи наболѣе бездарные и ничтожные люди, то они оказались бы именно тѣми, которые стоятъ во главѣ правительства».

По-моему, впрочемъ, отъ правительства, выражающаго собою мнѣніе массы, огромное большинство которой совершенно невѣжественно и вотируетъ по указаніямъ сельскихъ кабатчиковъ и мелкихъ адвокатовъ, трудно и ожидать другого выбора. Даже въ самой республиканской партіи замѣчается теперь расколъ. «Старыя бороды» 1848 года, узколобые, но честные фанатики, презираютъ новыхъ республиканцевъ, которые поставили себѣ исключительною задачею набиваніе кар-

мановъ и пристраиваніе родственниковъ. Замѣчательно, что молодежь во Франціи бо́льшею частью враждебна республикѣ, да и въ другихъ странахъ радикализмъ укрывается теперь болѣе въ высокихъ чинахъ.

Даже г-жа Жюльета Аданъ—нимфа Эгерія третьей республики, нѣсколько сконфужена поведеніемъ своего дѣтища.

— Это вина Гамбетты, нѣсколько разъ повторяла она мнѣ:—зачѣмъ онъ не слушался, зачѣмъ затѣвалъ безсмысленную войну противъ клерикализма и отталкивалъ отъ республики вліятельные классы?

Г-жа Аданъ противъ того, что была въ Петербургѣ, значительно постарѣла, но сохранила прежнія бодрость, словоохотливость и увѣренность въ сужденіяхъ. Журналъ ея «Nouvelle Revue», впрочемъ, имѣетъ гораздо менѣе значенія, чѣмъ прежде. Такова, впрочемъ, участь всей опортунистской прессы.

Парламентъ изъ пустомелей не такъ еще возбуждаетъ негодованіе толковыхъ парижанъ, какъ городская дума, состоящая изъ вернувшихся изъ каторги коммунистовъ, докторовъ безъ практики и всякаго рода неудачниковъ. Это собраніе, копирующее Коммуну 1793 года, постоянно вмѣшивается въ политику, а Парижъ остается безъ го-

родской желѣзной дороги и достаточнаго количества воды; лѣтомъ изъ водостоковъ невыносимая вонь и даже улицы, и тротуары стали мести хуже въ послѣднее время. Жалуются также на многочисленность преступленій. Полиція, запуганная частыми увольненіями, сдѣлалась вялою и боится мщенія толпы.

Политика на американскій ладъ быстро переходитъ въ руки дѣльцовъ, высшіе же классы и богатая буржуазія не только устраняются отъ нея, но начинаютъ все болѣе и болѣе сторониться отъ самой парижской жизни. Отсутствіе двора и вообще какого-либо центра весьма замѣтно. Французское изящное «общество» вѣдь и создалось изъ бывшаго двора или «компаніи» короля. Ротшильды въ свѣтскомъ отношеніи не могутъ, да и не желаютъ, замѣнить королей Франціи. Богатые люди поэтому являются теперь въ Парижъ только на весенній сезонъ скачекъ, никогда не ранѣе марта; въ іюнѣ всѣ разъѣзжаются; другой сезонъ — три, четыре недѣли послѣ купанья въ Трувилѣ или въ Біаррицѣ. Затѣмъ, если кто и остается въ Парижѣ, то прячется, запираетъ ставни и, встрѣчая знакомыхъ, увѣряетъ, будто прибылъ въ столицу на нѣсколько дней.

Это замираніе жизни дурно вліяетъ на торговлю и дѣла; Парижъ все-таки продолжаетъ строиться,

хотя и тише прежняго. Кокотки,—а ихъ тысячи,—подъ вліяніемъ политическихъ кризисовъ и удешевленія поземельной собственности, обращаютъ свои заграничные фонды въ дома. Ежегодно въ Парижѣ строится еще 3,000 домовъ, половина ихъ имѣетъ болѣе 4 этажей, обыкновенно шесть или семь.

Кокотки — главные представители парижскаго «трудолюбія», потому что истые парижане не работаютъ, а заставляютъ за себя работать провинціаловъ или иностранцевъ. Всѣ подметальщики улицъ въ Парижѣ изъ Люксембурга, каменотесы—изъ Піемонта, бельгійцы исполняютъ работы, требующія усидчивости, нѣмцы—грязныя. Зато парижане никому не уступаютъ обязанностей «сутенеровъ», «альфонсовъ» и «зебровъ». Эта выгодная профессія кормитъ, по исчисленіямъ полицейской статистики, до ста тысячъ человѣкъ и въ рукахъ сутенеровъ, проводящихъ время въ праздной болтовнѣ,—выборы. Впрочемъ, только въ низшихъ классахъ женщины очень щедры, въ остальныхъ то, что называется poser un lapin, считается въ Парижѣ восьмымъ смертнымъ грѣхомъ, превосходящимъ всѣ остальные въ общей сложности.

Общественная жизнь замираетъ и по другимъ причинамъ, а именно отъ нелѣпой роскоши. Надобно обладать грубымъ краснорѣчіемъ Тертуліана, чтобы громить достойно безумства Парижа по этой

частн. Роскошь отдѣлки квартиръ и экипажей нѣсколько уменьшилась въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ англійскихъ модъ, но зато по англійской же модѣ увеличилась роскошь въ деревенскихъ пріемахъ. Затѣмъ роскошь нарядовъ все усиливается; дѣвушки теперь такъ же великолѣпно одѣваются, какъ и дамы, а замужняя женщина не можетъ имѣть «порядочнаго» платья дешевле 600—1,000 франковъ, зонтика 100 — 200 франковъ и т. д. Но это только фонъ, платье само по себѣ мало стоитъ, къ нему требуются кружева, вышивки и необходимы дорогое бѣлье, стоящее иногда цѣлаго состоянія, вышитые шелками корсеты, подвязки и т. д. Впрочемъ, и платьевъ «порядочная» женщина не можетъ сдѣлать въ годъ менѣе чѣмъ на 20,000 франковъ. Само собою, что платить подобныя суммы въ состояніи немногія; но модистки rue de la Paix и avenue de l'Opéra, если только женщина красива (молодость не нужна, французы предпочитаютъ даже любовницами пожилыхъ женщинъ, какъ болѣе развратныхъ), охотно открываютъ кредитъ, въ убѣжденіи, что судьба рано или поздно пошлетъ кого-либо, кто ликвидируетъ счеты замотавшейся барыни.

Въ эту зиму въ Парижѣ американскими домами введена новая безумная роскошь на подарки во время котильона. Прежде въ котильонѣ раздава-

лись цвѣты, ленты, звѣзды изъ золоченой бумаги, теперь требуются брилліантовыя и золотыя вещи. Въ «порядочномъ» домѣ нельзя дать бала, не купивъ для котильона тысячъ на двадцать или двадцать пять франковъ подарковъ. Конечно, это подъ силу двумъ десяткамъ американскихъ «растакуэровъ» или жидовскихъ банкировъ, а потому баловъ даютъ все менѣе и менѣе; парижане предпочитаютъ лучше сидѣть дома и скучать, чѣмъ срамиться, не слѣдуя глупой и разорительной модѣ.

Къ нашему счастью, мы стали теперь сильно отставать отъ парижскихъ модъ, даже въ туалетахъ. Кромѣ трехъ-четырехъ франтихъ, моды въ Петербургѣ опаздываютъ противъ Парижа почти на годъ. Такъ, нынче свирѣпствовалъ зеленый цвѣтъ во всѣхъ оттѣнкахъ, а его въ Петербургѣ совсѣмъ незамѣтно. У насъ также дамы не знаютъ спеціальныхъ туалетовъ для скачекъ, купаній, верховой ѣзды и т. д.

Мода въ Парижѣ мѣняется даже на развратъ. Сафо имѣла бы теперь въ Парижѣ успѣхъ необычайный: поклонницы ея расплодились во всѣхъ слояхъ общества. Женскіе доктора разсказываютъ невѣроятныя вещи о распространеніи этого порока. Въ Парижѣ его не скрываютъ; газеты сообщаютъ, что такая-то актриса, получая отъ своего аті пятнадцать тысячъ въ мѣсяцъ, отдаетъ своей по-

другѣ десять тысячъ. Извѣстны также мѣста, гдѣ собираются эти барыни: Thé de la rue Royale, ресторанъ Rat mort на place Pigalle и пр. Пропорціонально нервному возбужденію увеличивается употребленіе молодыми женщинами морфина, эфира и напитковъ, содержащихъ настои кока, кола, разныхъ бромистыхъ соединеній. Аптекаря, приготовляющіе эти яды, наживаютъ милліоны и дѣлаются депутатами.

Театръ, слѣдуя за общимъ ухудшеніемъ, также въ большомъ упадкѣ. Въ Парижѣ нынѣшній сезонъ былъ особенно бѣденъ и по части репертуара и по части талантовъ. Самою замѣтною пьесою была въ Vaudeville комедія «Les suprises du divorce», уморительный фарсъ, гдѣ отличался игрою комикъ Жоли, а наружностью m-lle Caron. Парижане бѣгали смотрѣть «La fille de m-me Angot», возобновленную въ Эденѣ, но на меня она произвела удручающее впечатлѣніе: Жюдикъ невозможно растолстѣла и совершенно потеряла голосъ, Жанна-Гранье немного лучше сохранилась, она даже бойко танцовала sabotière. «Decoré» въ Variétés шелъ хуже, чѣмъ у насъ на Михайловскомъ театрѣ, хотя, впрочемъ, г-жѣ Лоди до г-жи Режанъ какъ до звѣзды небесной. «Decoré» смѣнила оффенбаховская «Трапезондская принцесса»; здѣсь имѣла обычный успѣхъ г-жа Мили Мейеръ.

Расхваленный въ газетахъ «Le docteur Jojo» въ Cluniе оказался пошлымъ фарсомъ, въ придачу скверно сыгранным. Весь интересъ оперетки «Le puit qui parle» въ Nouveautés заключается въ хорошенькой г-жѣ Дебрюэжъ, которая является буквально въ одномъ трико. Зачѣмъ, молъ, скрывать хорошія вещи! Въ Парижѣ, впрочемъ, по тѣлосложенію первая актриса г-жа Рашель Бойе, въ Одеонѣ.

Большая опера въ плохомъ положеніи; поддерживаютъ ее Лассаль и братья Решке, вмѣсто нѣвницъ же какія-то кухарки. Въ «Opéra Comique», временно дающей свои представленія въ бывшемъ Лирическомъ театрѣ, принадлежащемъ городу и переименованномъ въ Théâtre des nations, имѣетъ огромный успѣхъ опера Лало «Le roi d'Ys», лежавшая въ портфеляхъ дирекціи лѣтъ пятнадцать, если не болѣе. Это довольно ничтожное произведеніе, оригинальное развѣ тѣмъ, что въ немъ фигурируетъ на сценѣ и поетъ святой. Парижанамъ, однако, музыка Лало, почитаемаго ими серьезнымъ композиторомъ, ибо онъ написалъ скучную музыку къ балету, пришлась по вкусу: театръ вѣчно полонъ. Впрочемъ, исполненіе оперы недурно. Въ числѣ исполнителей выдается, между прочимъ, косая г-жа Дешанъ, бывшая примадонна «Аркадіи».

Паденіе театровъ приписываютъ системѣ поста-

новки пьесъ. Никто объ отысканіи новыхъ талантовъ и новыхъ пьесъ не заботится. Провинціальные театры угасли и провинціальная публика ходитъ смотрѣть только парижскихъ гастролеровъ. Для парижскихъ директоровъ одна забота—поставить съ роскошной обстановкой пьесу, которая могла бы по возможности даваться долѣе; для этого хлопочатъ они не о пьесѣ, а о рекламѣ, т. е., попросту говоря, подкупаютъ театральныхъ хроникеровъ. Но послѣдніе сдѣлались весьма требовательными и не довольствуются уже простыми взятками и даровыми билетами, — они ставятъ условіемъ, чтобы ихъ имена стояли въ числѣ именъ авторовъ и чтобы на ихъ долю шла соотвѣтственная доля въ авторскомъ гонорарѣ, а это доходъ не малый. «Les suprises du divorce», напримѣръ, доставилъ авторамъ (одинъ изъ нихъ мелкій служащій на Сѣверной желѣзной дорогѣ) 100,000 франковъ!

Театральныя пьесы, какъ и книги, «имѣютъ свою судьбу»: бываютъ счастливыми и несчастливыми. Веселый фарсъ Александра Биссона и Антона Марса относится къ числу пьесъ счастливыхъ. Онъ не умнѣе и не замысловатѣе десятковъ подобныхъ же фарсовъ, между тѣмъ, успѣхъ его на театрѣ du Vaudeville чрезвычайный. Пьеса идетъ уже нѣсколько сотъ разъ при совершенно полныхъ

сборахъ. Въ Парижѣ знакомые васъ сейчасъ же спрашиваютъ: видѣли ли вы «Surprises du divorce?»

Для русскаго человѣка это увлеченіе просто непонятно, а для французской публики, кромѣ счастья и судьбы, о которыхъ сказано выше, объясняется отчасти тѣмъ, что разводъ, давно вошедшій у насъ въ нравы, во Франціи дѣло новое; вопросъ же о тещахъ, весьма въ русскихъ семьяхъ второстепенный, для французовъ, вслѣдствіе властолюбія и непокладливости нрава старыхъ француженокъ, имѣетъ капитальную важность. Все, что только можно сказать дурного о тещахъ, вызываетъ восторгъ французской публики средней руки.

Фарсъ Биссона и Марса имѣетъ, впрочемъ, самъ по себѣ достоинства. Публика хохочетъ въ продолженіе цѣлаго вечера, чего авторы и добивались. Содержаніе фарса основано на томъ, что нѣкій Дюваль, богатый буржуа, занимающійся какъ аматеръ музыкою, женится на молодой дѣвушкѣ Діанѣ, которой мать—г-жа Бонпваръ—отставная танцовщица. Первый актъ проходитъ въ семейныхъ раздорахъ, пока Дюваль, желая дать пощечину тещѣ, даетъ ее по ошибкѣ женѣ; отсюда разводъ.

Во второмъ дѣйствіи Дюваль уже женится вторично. Тесть его, Бурганефъ, вдовецъ и Дюваль счастливъ, но тестю приходитъ на умъ съѣздить

погулять на югъ. Онъ уѣзжаетъ и тамъ женится, тайкомъ отъ дочери и зятя, на разведенной женѣ Дюваля, выдающей себя за вдову. Такимъ образомъ, Дюваль, благодаря разводу, вмѣсто одной тещи получилъ двѣ сразу. Это дѣйствіе изъ-за безчисленныхъ qui pro quo самое забавное.

Въ третьемъ дѣйствіи Дюваль обдумываетъ и приводитъ въ исполненіе маккіавелевскій планъ, чтобы развести своего тестя, а свою бывшую жену выдать замужъ за пріятеля, дураковатаго Шампо, который давно въ нее влюбленъ. Раздраженный постоянными противорѣчіями тещи, Бурганефъ хочетъ дать ей пощечину и вмѣсто того даетъ женѣ. Отсюда новый разводъ, на которомъ фарсъ и оканчивается...

Да не одна комедія, самая пустая шансонетка, разъ она пріобрѣтаетъ успѣхъ въ Парижѣ, оплачивается великолѣпно. Глупѣйшая пѣсенка «L'amant de l'Amanda» доставила автору 12,000 франковъ, а «En revenant de la revue», пожалуй, сдѣлаетъ ея автора милліонеромъ. Исполнители этой ерунды становятся въ Парижѣ особами, газеты печатаютъ ихъ faits et gestes, даже мнѣнія о политикѣ! Такъ, Паулюсъ, толсторожій каботэнъ, съ широкою глоткою, своимъ крикомъ способный заглушить шумъ тысячной толпы, сталъ знаменитостью и никакого нѣтъ сомнѣнія, что ему обязанъ Буланже значи-

тельною долею своей популярности. Соперникъ Паулюса, подвизающагося нынче въ лѣтнемъ Альказарѣ, по части шансонетокъ въ конкурирующихъ заведеніяхъ (кафе-шантаны тоже ангажируютъ исполнителей на сезоны, какъ оперные театры)— Боржесъ, пустившій въ моду шансонетку «Les piou-piou d'Auvergne». Въ «Folies-Bergère» отличаются извѣстныя сестры Мартенсъ: Александрина — prix de beauté, имѣетъ въ Парижѣ громадный успѣхъ и нельзя поручиться, чтобы она не кончила карьеру герцогиней или маркизой. По части канкана «мозгъ вселенной» также имѣетъ знаменитостей: Grille d'Egout и La Goulu—двѣ безстыдныя и довольно уродливыя дѣвки занимаютъ то высокое положеніе, которое когда-то занимала Ригольбошъ.

Но кто помнитъ Ригольбошъ, кто помнитъ парижскіе кафе-шантаны при Имперіи, тотъ долженъ сознаться, что настоящая веселость изъ нихъ исчезла. Мантегацца въ своей «Физіологіи удовольствія» пишетъ, что «французы имѣютъ въ высокой степени свойство — чувствительность къ воспріятію удовольствія; оно увеличиваетъ въ сто разъ наслажденіе и дѣлаетъ жизнь счастливою». Это было писано въ 1854 году; при третьей республикѣ Мантегацца не написалъ бы этого. Характеръ французскаго веселья сильно измѣнился.

При Имперіи канканъ и шансонетки были стѣснены полиціей и цензурой, поэтому подымать кверху ноги и пѣть веселый вздоръ считалось своего рода опозиціей правительству, демократическимъ подвигомъ; всѣ гулянья были переполнены студентами и гризетками, упражнявшимися для собственной потѣхи. Теперь не то. Я посѣтилъ Балъ-Бюлье, или такъ называемое «Closerie des Lilas», и присутствовалъ въ Гренульеръ, около Буживаля, на балѣ канотьеровъ, но ничего, кромѣ ординарнаго пьянства мелкихъ приказчиковъ и публичныхъ женщинъ, не видалъ. — Je suis une femme chic ou ne me lève pas à moins de cent sous, сказала мнѣ одна изъ тамошнихъ красавицъ. Танцовали исключительно спеціалисты, нанятые для того содержателями баловъ. Той поэзіи, которую находилъ въ этихъ шумныхъ сборищахъ Мюрже, нѣтъ и слѣдовъ. А упомянутыя заведенія еще своего рода аристократія публичныхъ баловъ; каковы же тѣ сотни танцовальныхъ собраній, гдѣ собираются рабочіе? Типичнѣйшій изъ нихъ Moulin de la Galette.

Это не мѣшаетъ, впрочемъ, парижскому муниципалитету писать, что «скандальныя и развращающія при деспотизмѣ (т. е. при Наполеонѣ III) народныя развлеченія въ свободномъ обществѣ стали здоровыми и освѣжающими».

Даже въ лучшемъ обществѣ наиболѣе популярное теперь въ Парижѣ зрѣлище—цирки. Съ развитіемъ демократіи всегда шло рядомъ одичаніе искусства. Верхнія сословія увлекаются музыкой, искусствомъ наиболѣе психопатическимъ, которое въ концѣ концовъ доведетъ до сумасшествія цѣлыя поколѣнія. Масса же публики предпочитаетъ туръ де форсы акробатовъ, головоломныя скачки, бой быковъ и т. д. То же самое замѣчалось и въ Римѣ, гдѣ съ развитіемъ демократіи комедія Плавта и Теренція замѣнилась исключительно циркомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Европа дойдетъ еще, въ той или другой формѣ, до боевъ гладіаторовъ.

Чѣмъ забавляется парижское лучшее общество, надобно видѣть въ циркѣ Молье. Молье-де-Бенувиль, богатый человѣкъ, искусный наѣздникъ, въ домѣ своемъ около Булонскаго лѣса устроилъ обширный циркъ, гдѣ аристократія упражняется въ гимнастикѣ и верховой ѣздѣ. Каждый годъ Молье даетъ два публичныя представленія, одно для кокотокъ, другое—для dames du monde. Приглашенія, конечно, именныя и даровыя, наиболѣе интимныхъ знакомыхъ угощаютъ даже послѣ представленія ужиномъ.

На представленіе попасть къ Молье очень трудно; требуется особая протекція. Я, въ качествѣ русскаго, получилъ приглашеніе въ 1887 году въ

день «порядочныхъ женщинъ». Это мнѣ устроила одна польская авантюристка, графиня С. Узнавъ, что билетовъ нѣтъ, она мнѣ сказала: «Не безпокойтесь, я попрошу генерала Буланже (тогда военнаго министра), я ему уже навязала ваксу, которою румынская армія смазываетъ свои ботинки». Я поѣхалъ съ графиней; она безъ церемоніи влѣзла въ кабинетъ министра, очень нѣжнаго къ особамъ женскаго пола, и черезъ четверть часа съ торжествомъ вынесла мнѣ рекомендацію, по которой меня безъ затрудненія пропустили и оставили ужинать. Представленіе нынѣшняго (1888) года, судя по отчету «Figaro», мало отличалось отъ предъидущаго, прибавлены были только пантомима «Les ereintés de la vie», сочиненіе извѣстнаго романиста Ф. Шансора, и китайскія тѣни: контуры нагихъ женщинъ являлись въ темнотѣ—на бѣломъ полотнѣ. Proh pudor! Надобно прибавить поскорѣе, что женскій персоналъ у Молье набирается изъ актрисъ и наѣздницъ, наоборотъ мужской: наѣздники, гимнасты, клоуны, танцовщики, даже прислуга цирка—все представители общества, многіе съ громкими титулами.

Виконтъ Гюберъ-де-Ларошфуко, напримѣръ, выдѣлываетъ на трапеціи штуки не хуже любого акробата.—«Voilà un monsieur qui porte bien haut son nom!» сказалъ мнѣ съ легкимъ презрѣніемъ одинъ

еврейскій банкиръ, глядя на потомка автора геніальныхъ «Maximes», перелетавшаго подъ крышею цирка съ одной палки на другую, перекувыркиваясь по дорогѣ.

Нѣкоторые увѣряютъ, что это кувырканіе имѣетъ политическое значеніе. Французская аристократія желаетъ-де показать правительству, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей она не имѣетъ никакой роли въ дѣлахъ Франціи и ей остается заниматься пустяками. Само собою, что подобная опозиція республикѣ только глупа. Аристократія владѣетъ еще огромными имѣніями, и если бы серьезно занялась ими, то имѣла бы огромное и политическое, и общественное вліяніе. Помѣщики Бретани и Пуату до сихъ поръ сохранили его.

Все русское въ Парижѣ въ модѣ или было въ модѣ, такъ какъ при перемѣнчивости французовъ нельзя ручаться за столь же быстрое охлажденіе, какъ быстро явилось увлеченіе. Долгое время только печи Шуберскаго — доставлявшія, говорятъ, ихъ изобрѣтателю до 600 тысячъ франковъ въ годъ— популяризировали русское имя, согрѣвая мерзнувшихъ парижанъ; его имя стало даже нарицательнымъ; о толстой молодой женщинѣ говорятъ здѣсь c'est une vraie choubersky. Теперь все, что изъ Россіи и русское, имѣетъ право разсчитывать на успѣхъ, а иногда достаточно быть русскимъ и по

названію. Этимъ объясняется, между прочимъ, успѣхъ Montagnes russes и пантомимы «Skobeleff».

«Русскія горы» изобрѣтены англичаниномъ и первоначально устроились на Boulevard des Capucines во дворѣ, обращенномъ помощью крыши въ громадную залу. Теперь уже горы дѣйствуютъ въ разныхъ мѣстахъ Парижа, а изобрѣтатель взялъ привилегію и въ другихъ странахъ. Парижскія русскія горы остроумнѣе нашихъ, потому что силою паденія сани, идущія по рельсамъ на колесахъ, подымаются сами собою кверху. При этомъ путь устроенъ волнообразно и сани то подымаются, то опускаются. Это даетъ поводъ публикѣ, сидящей въ саняхъ, хвататься отъ страху, или притворно, другъ за друга, а дамамъ при этомъ неистово визжать. Этотъ крикъ и составляетъ главное развлеченіе сидящей около горъ и попивающей пиво публики; въ числѣ послѣдней преобладаютъ уличныя феи, старыя, уродливыя и наштукатуренныя; порядочныя женщины въ Montagnes russes не показываются. Входъ стоитъ франкъ, а катанье отдѣльно въ два конца полфранка.

«Skobeleff», идущій ежедневно въ Ипподромѣ, долженъ льстить нашему самолюбію: русскимъ здѣсь отведена самая почетная роль. Пантомима начинается увертюрой, составленной изъ «Дубинушки» и національнаго гимна. Затѣмъ сцена: кабакъ на

большой дорогѣ, дымится самоваръ, русскіе пейзане гуляютъ обнявшись, а помѣщики и военные катаются на лошадяхъ. Скобелевъ проѣзжаетъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Артистъ, его изображающій, загримированъ недурно. Вторая картина на войнѣ. Русскій патруль попадается туркамъ въ плѣнъ, турки хотятъ разстрѣлять плѣнныхъ, русскіе съ презрѣніемъ отталкиваютъ желающихъ завязать имъ при этомъ глаза; является выручка, летятъ казаки, сѣшиваются, валятъ лошадей, отстрѣливаются, является на бѣломъ конѣ Скобелевъ съ отрядомъ пѣхоты, кавалеріи, артилеріи и освобождаетъ плѣнныхъ. Послѣдняя картина—Нева, по ней русскіе мужики въ рубашкахъ катаются на конькахъ! Хоръ русскихъ пѣсельниковъ поетъ русскія пѣсни; Скобелевъ проѣзжаетъ на тройкѣ. «Славься» заключаетъ спектакль; французы растроганы; имъ грезится, что въ то время, когда они на бульварахъ пьютъ мазагранъ и гоняются за женщинами, русскіе, потерявъ сто тысячъ и выпустивъ милліардъ кредитныхъ билетовъ, разбили нѣмцевъ, отняли у нихъ Эльзасъ-Лотарингію и возвращаютъ ее господамъ Карно и Флокэ.

Поставленъ «Скобелевъ» хотя и недурно, но, очевидно, по рисункамъ; въ костюмахъ и формахъ допущено не мало ошибокъ; такъ, русскія бабы ходятъ съ распущенными волосами, военные въ

послѣднюю войну одѣты въ формы 80-хъ годовъ, да и относительно послѣднихъ много курьезовъ; напримѣръ, наша пѣхота идетъ постоянно въ атаку безъ штыковъ, артиллерійская прислуга вооружена ружьями. Не мало и другихъ промаховъ, возбуждающихъ въ русскомъ человѣкѣ улыбку.

Я, впрочемъ, видѣлъ въ Парижѣ вещь болѣе комическую, чѣмъ «Skobeleff»—это визитную карточку одного попа, семинарская фамилія котораго была написана по-французски съ предлогомъ de.

XI.

Парижанки и феминизмъ.

Наполеонъ еще въ 1795 году сказалъ о Парижѣ, что: «здѣсь только женщины достойны стоять у кормила правленія. Мужчины думаютъ только о нихъ, живутъ только для нихъ. Женщинѣ надо прожить въ Парижѣ съ полгода, и она узнаетъ, что отъ нея требуется, чтобы она могла повелѣвать»... И до сихъ поръ въ Парижѣ женщины играютъ важнѣйшія роли. Въ ихъ рукахъ счетоводство всей мелкой торговли. Женщина располагаетъ тутъ казною и держитъ въ рукахъ скипетръ, т. е. перо, тогда какъ мужчина мѣряетъ аршиномъ матеріи и ленты. Въ парижской буржуазіи женщина не имѣетъ въ себѣ ничего женственнаго. Споры о дѣлахъ получаютъ оттѣнокъ упрямства и тамъ, гдѣ мужчина легко уступитъ, женщина не сдѣлаетъ никакого послабленія. Въ этой средѣ и царятъ тѣ

ужасныя тещи, которыхъ такъ прекрасно описываютъ французскіе водевилисты.

Въ высшемъ обществѣ и въ богатыхъ классахъ искусство, тщеславіе и кокетство, политическія интриги занимаютъ болѣе времени, но въ буржуазіи Минерва узкой и мѣщанской экономіи является во всеоружіи. Экономія побѣждаетъ любовь и бракъ и романъ жизни обращается въ тройное правило. Женщина помѣщаетъ себя за возможно высокіе проценты и съ двадцати лѣтъ наблюдаетъ за ариѳметикой своей жизни.

Нигдѣ приданое, т. е. продажа мужчинамъ женщины не играетъ поэтому такой роли. Цифры статистики выставляютъ въ этомъ случаѣ нравственность француженокъ въ весьма некрасивомъ видѣ. Пропорціональное число холостяковъ отъ 18 до 40 лѣтъ, женившихся на дѣвахъ старше 50 лѣтъ, во Франціи въ десять разъ болѣе, чѣмъ въ Англіи, не считая того, что въ Англіи не было подобнаго брака для мужчинъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Равнымъ образомъ и число браковъ молодыхъ дѣвицъ со стариками свыше 60 лѣтъ во Франціи слишкомъ въ $6^1/_2$ разъ болѣе, чѣмъ въ Англіи.

У молодыхъ аристократовъ одна мечта въ Парижѣ—жениться на американкахъ или жидовкахъ. Часто два молодыхъ человѣка заключаютъ условіе ухаживать за богатою невѣстой вдвоемъ; тотъ же.

который почему-либо понравится ранѣе и получитъ руку, обязанъ платить товарищу отступное. Затѣмъ аристократъ платитъ своимъ титулованнымъ полуразореннымъ родственникамъ, чтобы его жену и особенно ея родственниковъ приняли въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи.

Роскошь туалетовъ доходитъ до безумія и даетъ поводъ къ ряду комическихъ эпизодовъ. Недавно мировой судья, разбирая жалобу корсетницы, что одна парижанка отказалась принять заказанный корсетъ, потому что онъ ей не впору, постановилъ замѣчательное рѣшеніе. По его словамъ, онъ не можетъ по совѣсти рѣшить дѣло, потому что не компетентенъ судить о свойствахъ, которыя долженъ имѣть хорошій корсетъ, такъ какъ, соблюдая приличіе, онъ не можетъ заставить проспительницу примѣрить корсетъ при себѣ и не можетъ заставить примѣрить третье лицо, напримѣръ, своего письмоводителя, къ формамъ котораго корсетъ, можетъ быть, не подойдетъ! Но такія соломоновскія рѣшенія рѣдки. По большей части юстиція на сторонѣ модныхъ магазиновъ и портнихъ.

Какъ быстро мода можетъ обогатить въ Парижѣ, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Въ полусвѣтѣ были убѣждены, что никто лучше не завиваетъ (ondule) волосъ какъ парикмахеръ Марсель; онъ сталъ брать за завивку 500 франковъ, которая

стоитъ у другихъ парикмахеровъ 5 франковъ, и въ нѣсколько лѣтъ сталъ милліонеромъ!

Свѣтскія женщины—это тщеславіе, одѣтое у Ворта и Лаферьера...—говоритъ Бурже,—между ними нѣтъ десяти способныхъ къ страстному чувству. Самыя честныя тѣ, которыя берутъ любовниковъ потому, что испытываютъ удовольствіе въ актѣ любви. «Если ихъ вскрыть, то вмѣсто сердца найдешь счетъ портнихи, полдесятка предразсудковъ, замѣняющихъ принципы, и страсть затмевать другихъ».

Низшій классъ женщинъ въ Парижѣ беретъ примѣръ съ высшаго, гдѣ дамы все болѣе и болѣе привыкаютъ быть на содержаніи. Кто-то замѣтилъ своему консьержу, что его старшая дочь очень красива.

— Еще бы,—съ гордостью сказалъ онъ,—моя супруга была любовницею генерала!

Надобно, впрочемъ, сказать, что противъ излишествъ туалета явилась теперь въ Парижѣ реакція оттуда, откуда совсѣмъ нельзя ее было ожидать, а именно отъ моды кататься на велосипедѣ. Укорачивая для удобства юбки, парижанки рѣшили, что еще проще вовсе не носить юбокъ. Сдѣлавши же себѣ широкія панталоны, онѣ оказались въ мужскомъ костюмѣ. Полиція, однако, долго не признавала права женщины разгуливать по улицамъ

въ мужскомъ костюмѣ, откопала какіе-то допотопные регламенты, и дѣло доходило даже до суда.

Любопытно, что защитники мужского туалета для женщины нашли себѣ опору въ отцахъ церкви! Дѣйствительно, св. Климентій Александрійскій въ своей «Педагогіи», написанной во время римскаго императора Коммода, говоритъ: «Человѣкъ нуждается въ платьѣ только для того, чтобы защититься отъ жары и холода и не страдать отъ рѣзкихъ перемѣнъ погоды. Если же это единственная причина необходимости въ платьѣ, то одежда женщины должна ли отличаться отъ одежды мужчины? Потребность въ одеждѣ у тѣхъ и другихъ одинакова, какъ и потребность въ пищѣ; зачѣмъ же одежда ихъ будетъ различаться, когда цѣль ея одна и та же!» Пожалуй, это убѣдительно, но съ эстетической точки зрѣнія ужасно.

Между тѣмъ даже Ренанъ, несмотря на свое семинарское воспитаніе, находитъ, что искусство одѣваться дѣйствительно важная отрасль искусства. Философъ этотъ на старости сталъ немного фривольнымъ; въ своей «Abbesse de Jouare», онъ написалъ даже, что la vertu altière chez la femme est un vice, но старческая блудливость не закрыла ему глаза на дѣйствительное положеніе вещей. По его мнѣнію, если бы человѣчество было убѣждено, что міръ окончится черезъ два или три года, любовь

проявилась бы со всѣхъ сторонъ съ остервенѣніемъ; она удерживается въ предѣлахъ только условіями, которыя человѣческое общество поставило въ видахъ нравственнаго охраненія.

Въ Парижѣ условія эти весьма растяжимы. Если бы можно было здѣсь имѣть по нѣсколько женъ. то ихъ держали бы взаперти; теперь же такъ какъ каждый французъ имѣетъ только одну жену, то не запираетъ ее изъ опасенія, чтобы сосѣдъ не заперъ свою. Въ результатѣ получается положеніе, которое лучше всего характеризуется слѣдующей шуткой «Figaro»:

— Ты знаешь, — говорила одна женщина другой,—что мой мужъ мнѣ такъ невѣренъ, что я не убѣждена, всѣ ли мои дѣти отъ него.

А дѣвки, ставшія дѣловыми людьми, сдѣлались въ Парижѣ совсѣмъ силою. Немногимъ извѣстно, что Тонкиномъ Франція обязана кокоткѣ Вальтесъ, несмотря на свои почтенные годы до сихъ поръ еще украшающей парижскій полусвѣтъ. Дюпюи, разорившійся торгуя на Красной рѣкѣ, тщетно старался заинтересовать въ обслѣдованной имъ странѣ французскихъ министровъ, пока не натолкнулся случайно на любовника Вальтесъ. Онъ свелъ ее съ Дюпюи. За хорошую комиссію Вальтесъ написала письмо къ Гамбеттѣ, подписавшись графинею де-Винь. Титулъ этотъ воспламенилъ

Гамбетту, началась переписка и когда Вальтесъ, и тогда уже не молодая, какъ будто бы сдалась «организатору пораженія», République française немедленно начала проповѣдывать тонкинскую экспедицію, осуществившуюся въ 1883 г. и обогатившую Вальтесъ и Жюля Ферри.

Кокотки царятъ и управляютъ; онѣ полны презрѣнія и олимпійскаго величія, захватываютъ общество, измѣняютъ нравы, искажаютъ общественное мнѣніе и овладѣли уже театромъ и спортомъ. Между тѣмъ весь умъ и всѣ познанія этихъ дамъ сводятся къ двумъ словамъ: miché и galette.

Одна содержанка, видя идущаго на гильотину Пьянори, сказала: «Comme je me payerais cet homme!

И это случай не единственный. Одной изъ яркихъ иллюстрацій парижанокъ могутъ служить отношенія ихъ къ Прандзини. Этотъ мерзкій убійца, не имѣвшій даже чулокъ, авантюристъ низшей пробы, все достоинство котораго состояло въ здоровомъ и красивомъ тѣлосложеніи, производилъ просто магическое впечатлѣніе на женщинъ въ Парижѣ. Ни одна не могла устоять даже послѣ одного разговора съ нимъ. и письма, прочитанныя на судѣ, пролили странный свѣтъ на женскую психологію. Оказалось, что къ Прандзини писали письма женщины разныхъ національностей,

разныхъ круговъ общества, даже высшаго. Одна молодая, невинная и богатая американка просто съ ума сходила, добиваясь чести выйти замужъ за этого разбойника.

Такія явленія трудно даже объяснить половымъ инстинктомъ. Для объясненія ихъ ученые приводятъ теперь гипнотизмъ. Есть женщины, говорятъ они, передъ глазами которыхъ довольно подержать какой-либо блестящій предметъ, напримѣръ, полированную ложку, чтобы онѣ загипнотизировались и потеряли силу воли! Блестящіе глаза Прандзини играли быть можетъ роль этой ложки. Но если такъ легко увлекать парижанокъ, то не служитъ ли это лучшимъ подтвержденіемъ необходимости имѣть за ними болѣе строгій надзоръ.

Не все, однако, можно объяснить гипнотизмомъ.

Извѣстная опереточная дива, г-жа Жюдикъ назначила 200 франковъ преміи за самые пикантные куплеты. Судьями для назначенія преміи были нѣсколько писателей, между прочимъ и Сарду. Когда вскрыли конвертъ съ девизомъ, то всѣ присутствовавшіе были поражены. Оказалось, что премированные куплеты написала четырнадцати-лѣтняя воспитанница одного закрытаго учебнаго заведенія, принадлежащая къ извѣстной фамиліи. Ей сообщено было о ея торжествѣ въ присутствіи начальницы заведенія; но радость побѣдительницы

была омрачена исключеніемъ ея изъ заведенія, такъ какъ куплеты были такіе пряные, что могли заставить «покраснѣть капрала». Это въ хорошемъ обществѣ. Что же въ низшемъ? Всѣ публичныя женщины въ Парижѣ имѣютъ amant de coeur, который обыкновенно обираетъ и бьетъ ихъ, а иногда и убиваетъ; у кокотки онъ играетъ ту же роль въ смягченномъ видѣ. Мужчины, желающіе жить на счетъ женщинъ, всегда находятъ себѣ здѣсь занятіе. Невольно спрашивается, почему эти женщины, которыхъ очень часто любятъ мужчины, которые имъ платятъ или ихъ содержатъ, отдаютъ свое сердце такимъ гнуснымъ существамъ, а не тѣмъ, кто ихъ любитъ болѣе? Защитники женщинъ объясняютъ такое явленіе тѣмъ, что любовь будто бы любитъ равенство. Женщинѣ кажется, что мужъ и любовникъ выше ея, тогда какъ для своего сутенера она какъ бы является покровительницею и потому готова все терпѣть отъ него.

Чувство это напоминаетъ извѣстное правило, по которому намъ пріятнѣе люди, которыхъ мы обязываемъ, чѣмъ тѣ, которые насъ обязываютъ. Но подобное объясненіе едва ли достаточно.

Не надобно думать, однако, что проституція въ томъ или другомъ видѣ занимаетъ парижанокъ исключительно. Вопросъ о положеніи женщины въ обществѣ, независимо отъ положенія ея въ семей-

ствѣ, давно стоитъ здѣсь на очереди и эмансипація женщинъ, получившая новую кличку «феминизма», горячо дебатируетъ въ печати, общественныхъ собраніяхъ и даже въ особыхъ конгресахъ. Какъ во всѣхъ подобныхъ вопросахъ, мнѣнія рѣзко раздѣляются. Одни находятъ, что женщины занимаютъ въ обществѣ то мѣсто, которое имъ подобаетъ; таково воззрѣніе большинства; другіе—что онѣ находятся въ униженномъ положеніи и что ихъ нужно эмансипировать. Одни указываютъ, какъ Наполеонъ, что женщина и теперь нерѣдко командуетъ въ обществѣ и что трудно придумать ей лучшее положеніе; другіе требуютъ равенства половъ и доказываютъ необходимость равенства правъ *).

Во главѣ феминистокъ въ Парижѣ стоитъ те-

*) Все это ужасно старо.—«Во всѣхъ странахъ, восклицалъ Дидро, жестокость гражданскихъ законовъ соединилась противъ женщинъ съ несправедливостью природы... Женщины, какъ я васъ сожалѣю! Есть одинъ способъ помочь вамъ и если бы я былъ законодателемъ, можетъ быть вы добились бы его». Почти сто лѣтъ позже съ тѣмъ же паосомъ Э. Пельтанъ писалъ: «Женщина это—преступленіе мужчины. Она жертва со дня своего выхода изъ рая. Она носитъ еще на своемъ тѣлѣ слѣды шести тысячъ лѣтъ несправедливости!» Пельтанъ забываетъ, что уже Аристотель въ своей «Политикѣ» объясняетъ, какія невыгоды проистекли для Спарты изъ того обстоятельства, что тамъ было отведено женщинамъ слишкомъ много правъ и что это способствовало упадку Спарты.

перь Юбертина Оклеръ, которая чуть не силою хотѣла принять участіе даже въ муниципальныхъ выборахъ. Ей отвѣтили, что это противно закону.

— Женскія права выше закона, отвѣтила г-жа Оклеръ.

Едва она это сказала, какъ какой-то loustic крикнулъ: «votre appas» (votera pas) и тотчасъ же всѣ присутствующіе избиратели закричали хоромъ: votre appas, votre appas, votre appas!.. Тѣмъ и кончилась демонстрація Юбертины *).

По поводу ея требованія равенства для женщинъ политическаго и гражданскаго было возбуждено нѣсколько практическихъ вопросовъ въ газетахъ. Если женщинъ будутъ выбирать депутатами, то будутъ ли двѣ палаты или парламентъ раздѣлится, какъ баня, на мужскую и женскую половину? Трудно представить себѣ законодателей, сидящихъ въ перемежку съ дамами, имѣющими на головѣ огромныя шляпки съ чучелами птицъ. Да и жаръ парламентскихъ споровъ не заставитъ ли у женщинъ молоко бросаться въ голову? Какую роль женщины могутъ играть въ палатѣ? Конечно,

*) На выборахъ 1898 г. г-жа Паула Минкъ пошла еще далѣе и выставила свою кандидатуру въ депутаты въ 4-мъ парижскомъ округѣ, но сенскій префектъ отказался принять ея заявленіе.

аплодисменты будутъ доставаться на долю тѣхъ изъ нихъ, которыя покрасивѣе.

Относительно уравненія правъ справедливо замѣтили, что въ большихъ городахъ женщины такъ же умны какъ мужчины, а въ деревняхъ такъ же глупы. Это и есть истинное равенство.

Вмѣшательство женщинъ въ государственныя дѣла будетъ всегда мечтою, полной сентиментальности. Ничто не дастъ женщинамъ физической силы. Какое же право имѣютъ онѣ располагать военными силами страны, если сами не въ состояніи быть солдатами, служить во флотѣ и вообще переносить тѣ тягости, которыя переносятъ мужчины.

Курьезно, что когда женщины требуютъ себѣ во Франціи депутатскихъ полномочій (ссылаясь на примѣръ Новой Зеландіи), вопросъ о правѣ ихъ на среднее образованіе еще возбуждаетъ сомнѣнія.

Камиль Сэ, который, будучи кандидатомъ, провелъ законъ объ устройствѣ женскихъ лицеевъ, обратился ко всѣмъ французскимъ знаменитостямъ съ вопросомъ о томъ, какъ смотрятъ они на расширеніе круга женскаго образованія? Большинство знаменитостей отвѣчали банальными похвалами просвѣщенію и парадоксами вродѣ высказаннаго академикомъ Мезьеромъ: «Немного науки сдѣлаетъ женщину педантомъ, много науки сдѣлаетъ

ее скромною!» Нашлось, впрочемъ, и нѣсколько благоразумныхъ людей, въ отвѣтахъ которыхъ проглядывала иронія.

Бывшій министръ просвѣщенія Дюма писалъ: «Virgines futurus virorum matres reipublicae decet». Вся задача въ томъ, чтобы приготовлять женщинъ для созданія *мужей* для Франціи и республики. Другой министръ и защитникъ, кстати сказать, женскаго образованія, Жюль Симонъ, написалъ: «Сообразуйте воспитаніе съ будущностью ребенка; женщина, вырванная изъ своей среды (déclassée), болѣе жалка и опасна, чѣмъ мужчина, вырванный изъ своой среды». Дюма-сынъ, всегда разсудительный, замѣтилъ: «Единственно чего я боюсь, когда мужчины выучатъ дѣвушекъ всему, что сами знаютъ, это—что дѣвушки не пожелаютъ тогда знать мужчинъ, власть и авторитетъ которыхъ и основаны на знаніи того, чего женщины не знаютъ». Почти тѣ же воззрѣнія еще ранѣе высказала Жоржъ Сандъ: «Женщинѣ ученіе рѣдко удается: почти всегда она отдаетъ наукѣ только свою злобу на судьбу и на мужчинъ».

Замѣчательно, что, не смотря на несомнѣнное поднятіе уровня женскаго образованія во Франціи, роль женщины въ обществѣ понизилась. Конечно въ отдѣльныхъ случаяхъ жены часто командуютъ своими мужьями, нерѣдко своими лю-

бовниками, но можно ли это сравнить съ XVIII столѣтіемъ, когда въ одномъ Парижѣ при Людовикѣ XVI было до двухсотъ салоновъ, гдѣ женщины являлись судьями по части политики, искусствъ, литературы и руководили общественнымъ мнѣніемъ. Теперь въ парижскихъ салонахъ собираются, чтобы слушать нѣмецкую музыку, танцовать, ухаживать, сплетничать, играть въ карты, а болѣе всего, чтобы показывать платья и зѣвать.

Разгадка такого явленія заключается отчасти въ направленіи образованія. Въ прежнее время дѣвушки воспитывались, чтобы стать образованными хозяйками дома. Онѣ родились въ свѣтѣ и воспитывались для свѣта. Ихъ не утомляли безъ пользы науками, но умъ и тѣло ихъ получали достаточно утонченное воспитаніе, развивавшее вкусъ; танцы вродѣ менуэта и игра классическихъ вещей развивали у нихъ свободу и элегантность. Главное вниманіе было обращено на утонченную вѣжливость, которая въ то время была своего рода добродѣтелью, соединяя христіанскую благотворительность съ находчивостью и ловкостью. Уменьшенію числа политическихъ салоновъ имѣется и другое объясненіе, также не лишенное основанія. Салоны въ старину замѣняли газеты. Тогда бесѣды имѣли иной смыслъ, чѣмъ теперь. Теперь, какъ справедливо замѣтилъ князь Мещерскій, всѣ по-

чти бесѣды заключаются въ пережевываніи прочитаннаго въ газетахъ; въ старину чтеніе газетъ не играло никакой роли или маленькую роль; бесѣда происходила отъ непосредственныхъ впечатлѣній каждаго въ жизни, и салоны становились мѣстомъ, куда стекались всѣ новости и сужденія.

Проповѣдники эмансипаціи добились возстановленія развода, но Code Napoléon остается для нихъ неприступною твердынею. Весьма серьезно подымался въ Парижѣ вопросъ—мужъ имѣетъ ли право открывать письма, адресованныя его женѣ? Совѣтъ парижскихъ адвокатовъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, основываясь на томъ, что законъ далъ мужу право семейной полиціи и наблюденіе за порядкомъ въ семьѣ. Дѣло мужа оцѣнить, можетъ ли его любопытство повредить его отношеніямъ къ женѣ. Розина въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» справедливо говорила опекуну, утверждавшему, что ея мужъ имѣетъ право распечатывать адресованныя ей письма:—«неужели же мой мужъ будетъ пользоваться такою недостойною порядочнаго человѣка привилегіею?»

«Я не знаю почему, замѣтилъ по этому поводу одинъ журналистъ, мужъ не будетъ распечатывать писемъ жены, когда жены постоянно вскрываютъ письма мужей. Женщины первыя имѣли идею при-

ложить для перлюстраціи водяной паръ». Это одно изъ немногихъ женскихъ изобрѣтеній.

Въ апрѣлѣ 1888 г. французскіе адвокаты возбудили другой вопросъ: имѣетъ ли право жена напечатать книгу безъ разрѣшенія мужа? Франциск Сарсе, человѣкъ вообще весьма здравомыслящій, посвятилъ этому предмету статью въ «France», доказывая, что постановка подобныхъ вопросовъ возвращаетъ насъ ко временамъ риторовъ. Тѣмъ не менѣе юридически вопросъ остался открытымъ.

Женщины желали обойти враждебный имъ гражданскій кодексъ другимъ путемъ, а именно сдѣлаться адвокатами.

Но это не такъ-то легко имъ дается. Вообще замѣчательно, что въ либеральныхъ профессіяхъ женщины встрѣчаютъ болѣе противниковъ, чѣмъ въ другихъ. Въ рудникахъ, напримѣръ, мужчины никогда не мѣшаютъ работать женщинамъ; пришлось вмѣшаться правительству, чтобы запретить эту работу. Въ медицинѣ сопротивленіе было сильное *), а въ адвокатурѣ оно еще не преоборено.

Г-жа Пойсленъ имѣла дипломъ, но брюссельскій совѣтъ адвокатовъ не допустилъ ее къ практикѣ

*) Немногія изъ француженокъ посвящаетъ себя медицинѣ: между студентками въ Парижѣ на 12 француженокъ было 90 русскихъ и полекъ (вѣроятно, жидовокъ), 8 англичанокъ и по одной американкѣ, гречанкѣ, австріячкѣ и турчанкѣ.

подъ предлогомъ, что «мѣсто женщины въ обществѣ накладываетъ на нее обязательства несовмѣстимыя съ адвокатской профессіей, для которой къ тому же у нея нѣтъ ни времени, ни силъ». Такая же попытка въ Парижѣ равнымъ образомъ не увѣнчалась успѣхомъ, и г-жа Жанна Шовенъ, окончившая курсъ юридическихъ наукъ, не была допущена французскимъ судомъ какъ адвокатъ, хотя, говорятъ, будто бы еще въ прошломъ столѣтіи женщины защищали во Франціи свои процессы.

Когда молодая швейцарка г-жа Кемпинъ, изучившая право, явилась въ Цюрихѣ защищать своего мужа въ гражданскомъ процессѣ, то и тамъ окружный судъ не допустилъ ее подъ предлогомъ, что женщины слишкомъ много говорятъ дома и что если бы позволить имъ говорить публично, то онѣ болтали бы безъ конца.

Сообщая объ этомъ, одинъ французскій писатель иронически выразилъ сожалѣніе о рѣшеніи швейцарскихъ судей и нашелъ, что разъ адвокаты — требуютъ особаго костюма, то тѣ же костюмы гораздо лучше шли бы къ женщинамъ, особенно если бы онѣ адвокатскія тоги украсили перьями и цвѣтами. Очень любопытно было бы также видѣть мужа, который поручилъ бы своей женѣ свой процессъ о разводѣ. Ужъ, конечно, никто лучше жен-

щины не съумѣль бы разобрать по косточкамъ свою соперницу.

Къ сожалѣнію, женщины слишкомъ нервны и двѣ парижанки, которыя говорили бы на судѣ другъ противъ друга, кончили бы тѣмъ, что схватились бы за шиньоны. Съ другой стороны и мужчины не изъ дерева, даже когда исполняютъ обязанности присяжныхъ. Молодая докторша правъ двадцати лѣтъ, съ прекрасными черными глазами и бѣлыми зубами, дѣлая глазки, скорѣе убѣдитъ присяжныхъ, чѣмъ адвокатъ противной стороны, если онъ явится въ видѣ старой уродливой бабы въ синихъ очкахъ. Юстиція, которая и теперь дѣлаетъ столько ошибокъ, тогда совсѣмъ собьется съ толку.

Весьма вѣроятно также, что всѣ оправданія будутъ оканчиваться браками между подсудимыми и ихъ адвокатами. Даже въ случаѣ смертныхъ приговоровъ, такъ какъ адвокаты имѣютъ право оставаться наединѣ съ приговоренными для составленія кассаціонной жалобы или просьбы о помилованіи, надобно ожидать большой опасности для тѣхъ защитницъ, которыя увлекутся взятою на себя ролью, да въ придачу прочтутъ еще «Abbesse de Jouarre». Развѣ въ силахъ женщина отказать человѣку, которому осталось жить только нѣсколько часовъ, въ маленькомъ удовольствіи, которое заставитъ забыть его тяжкое положеніе?

Вслѣдъ за женщинами-адвокатами явились бы конечно женщины-нотаріусы и судебные пристава изъ женщинъ, которые будутъ описывать мужчинъ въ тотъ моментъ, когда тѣ всего менѣе этого ожидаютъ.

Женщинамъ, если онѣ пожелаютъ быть дѣйствительно адвокатами, лучше всего взять за образецъ Фрину; та безъ диплома и безъ высшихъ курсовъ, не разѣвая рта передъ ареопагомъ, нашла возможность представить истину во всей ея наготѣ.

При всей его нелѣпости трудно сказать, будетъ ли или нѣтъ имѣть успѣхъ феминизмъ въ будущемъ *). Движеніе это, несомнѣнно, развивается въ различныхъ даже частяхъ свѣта; оно имѣетъ фанатическихъ сторонниковъ. А такъ какъ благоразумныхъ людей вездѣ маленькое меньшинство, то не только умственное движеніе въ извѣстномъ направленіи, но даже мода идетъ безпрепятственно впередъ, пока не наступаетъ неизбѣжная реакція, какъ отъ того, что движеніе дошло до полнаго абсурда, такъ и просто отъ случайныхъ причинъ.

Я же лично убѣжденъ, что тотъ, кто научитъ будущихъ женъ рабочихъ руководить какъ слѣ-

*) Для защиты женскихъ правъ издается теперь въ Парижѣ ежедневная газета «La Fronde». Увѣряютъ, что большинство ея статей пишутъ мужчины, но подъ женскими псевдонимами.

дуетъ ихъ хозяйствомъ и варить дешевле хорошій обѣдъ *), сдѣлаетъ болѣе для «общаго блага» во Франціи, чѣмъ всѣ соціалисты и утописты, взятые вмѣстѣ, начиная отъ Платона и кончая новѣйшими и самыми сильными современными реформаторами.

Женская эмансипація не соблюдаетъ половъ; напротивъ, чѣмъ болѣе женщина будетъ походить на мужчину, тѣмъ далѣе она оттолкнетъ отъ себя послѣдняго.

Въ «Emile» Ж.-Ж. Руссо прекрасно объяснилъ, почему женщина обязана всячески заботиться, чтобы нравиться мужчинѣ.

«Женщина и мужчина, говоритъ Руссо, созданы другъ для друга, но ихъ взаимная зависимость неодинакова: мужчины зависятъ отъ женщины вслѣдствіе своихъ похотей, женщины отъ мужчинъ и похотями и нуждою. Скорѣе мы можемъ существовать безъ женщинъ, нежели онѣ безъ насъ. Чтобы имѣть необходимое для исполненія своихъ обязанностей, женщины должны получить это необходимое отъ мужчинъ, а слѣдовательно надобно, чтобы послѣдніе захотѣли дать его и признали женщину достойною получить. Онѣ вполнѣ зависятъ отъ нашихъ чувствъ, отъ цѣны, которую мы даемъ ихъ

*) Въ Россіи надобно прибавить къ этому искусство истреблять таракановъ и клоповъ.

достоинствамъ, отъ того, какое значеніе имѣютъ для насъ ихъ прелести и добродѣтели. Такимъ образомъ, по закону природы женщины, а равно и ихъ дѣти, вполнѣ зависятъ отъ усмотрѣнія и оцѣнки мужчинъ; имъ недостаточно быть почтенными, надобно, чтобы ихъ почитали, недостаточно быть красивыми, надобно еще нравиться».

Женщины, которыя хотя на-время забывали этотъ великій законъ, потомъ горько раскаивались. Нашъ знаменитый математикъ Софья Ковалевская, которую я зналъ пикантною брюнеткою и фельетонисткой «Новаго Времени», умерла потому, что влюбилась въ профессора, который хотѣлъ видѣть въ ней не женщину, а какое-то безполое существо. Въ отчаяніи она завѣщала даже одной подругѣ написать ея исторію, которая должна служить предостереженіемъ всѣмъ женщинамъ, которыя пожелаютъ идти противъ законовъ природы.

Модный теперь философъ Ницше находитъ, что цѣль женщины производить здоровыхъ дѣтей и забавлять мужчину. «Думать иначе—безуміе». Всякая же ученая женщина имѣетъ какой-нибудь порокъ въ организмѣ. Поэтому, конечно, къ феминизму относится онъ съ глубокою ненавистью.

Два пола потому и привлекаются другъ къ другу, что представляютъ разнообразія въ занятіяхъ, вкусахъ, привычкахъ. Женщина, очевидно, стано-

вится лишнею, если будетъ представлено второе изданіе мужчины, изданіе, однако, ложное и безполезное, ибо новаго въ немъ ничего не будетъ. Впрочемъ, какъ знать? Бывали случаи удачнаго совмѣщенія разнообразныхъ обязанностей.

Извѣстная романистка Софья Ге, когда ее встрѣтилъ Наполеонъ I и спросилъ, что сдѣлала она за пять лѣтъ, что онъ ея не видѣлъ, отвѣчала:

— Троихъ дѣтей!

Къ сожалѣнію, мало найдется писательницъ, которыя въ состояніи, какъ Ге, въ пять лѣтъ написать шесть романовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родить двоихъ мальчиковъ и одну дѣвочку, изъ которой потомъ вышла знаменитая Дельфина де-Жирарденъ.

Въ числѣ «феминистокъ» въ Парижѣ имѣется, конечно, и нѣсколько русскихъ. Одна изъ нихъ г-жа Безобразова (O. de Bezobrazow) написала даже книгу «La Femme nouvelle», столь же скучную, сколько и безсодержательную. Какой-то адвокатъ сочинилъ къ этой книгѣ предисловіе, гдѣ поясняетъ, что русскій языкъ былъ бы такъ же звученъ, какъ итальянскій, если бы онъ отъ «сосѣдней уральской (?) расы» не заимствовалъ «мрачныхъ гласныхъ, которыя его заглушаютъ!» Эти гласныя отзываются будто бы и на книгѣ г-жи Безобразовой. Адвокатъ забылъ, что книга написана по-французски!

XII.

Жакъ Сенъ-Серъ о нѣмкахъ.

Въ нѣмецкой книгѣ, изданной въ Висбаденѣ: «Зеркало французовъ», доказывается, что въ Европѣ существуетъ три породы женщинъ: бѣлыя (англичанки и нѣмки), очаровательныя и вполнѣ женщины, темныя (испанки и итальянки), довольно еще пріятныя, живыя и кипучія, наконецъ, желтыя (француженки), скверныя. Иногда, впрочемъ, француженки бываютъ не желтыя, а сѣро-желтыя и сѣро-голубыя!

Таково мнѣніе нѣмцевъ о своихъ сосѣдкахъ. Каково же мнѣніе французовъ о нѣмкахъ, лучше всего можно судить по вышедшей недавно (1886 г.) въ Парижѣ книгѣ молодого публициста Сенъ-Сера «L'Allemagne telle qu'elle est». Авторъ ея, настоящее имя котораго Арманъ Розенталь, обратилъ на себя вниманіе остроумнымъ и бойкимъ перомъ.

Я извлекъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Сенъ-Серомъ, долго жившимъ въ Берлинѣ, наиболѣе поучительныя мѣста, касающіяся нѣмецкихъ женщинъ *).

Общая характеристика.

Нѣмцы сами признаютъ, что нѣмка не отличается ни красотою, ни граціей. Надобно прибавить еще, что она нечистоплотна и пренебрегаетъ заботами о своемъ туалетѣ (особенно интимными заботами). Пожалуй, у нея любящее сердце, но ея вѣрность сомнительна.

Нѣмка — бѣлокура и жирна, лицо ея лоснится. Она моетъ лицо мыломъ, но рѣдко чиститъ ногти. Она восхитительно готовитъ пирожки, играетъ изъ Бетховена, но не обладаетъ ни одной женской прелестью. Шикъ же вовсе незнакомъ въ Германіи. Она—вѣрная жена, пока не находится никого, кто бы интересовался ею. Она живетъ воспоминаніями своей дѣвической жизни, но когда она встрѣчаетъ мужчину, который вѣжливъ съ нею — не говоря

*) Глава эта имѣетъ мало отношенія къ заглавію книги, но, помѣстивъ характеристику французской женщины, я счелъ не лишнимъ помѣстить въ pendant такую же характеристику нѣмецкой женщины. Прибавлю кстати, что нѣмки подъ именемъ эльзасокъ, швейцарокъ и фламандокъ играютъ не малую роль въ Парижѣ въ полусвѣтѣ, въ торговлѣ и въ гостинницахъ.

ужъ о томъ, когда онъ ухаживаетъ за нею! — о! тогда прощай нѣмецкая вѣрность! Она не отдается ему, она предлагаетъ себя съ неловкою неосторожностью, которая ни съ чѣмъ не можетъ сравниться! Не будучи Іосифомъ—невозможно отказаться отъ ея предложеній! Она наступаетъ вамъ на ноги, играетъ зрачками съ ужасающей наивностью! Она не ждетъ признаній, а сама дѣлаетъ ихъ! Въ простой учтивости она видитъ доказательство любви: когда ее приглашаютъ сѣсть, она ложится. Она сама приходитъ къ вамъ, она назначаетъ вамъ свиданіе у себя. Мужъ всегда уходитъ пить пиво, довольный и довѣрчивый.

И она говоритъ о безконечной любви, о связи на всю жизнь, разводѣ! Бррр... Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. И со всѣмъ тѣмъ она неуклюжа, неловка въ выраженіи своей любви! Одѣта она дурно—въ фланелевой юбкѣ, фланелевыхъ красныхъ панталонахъ, въ тиковомъ, плохо на ней сидящемъ корсетѣ, въ высокихъ рубашкахъ изъ грубаго полотна, вязанныхъ короткихъ чулкахъ, кончающихся ниже колѣнъ. И всѣ нѣмки наряжены такимъ образомъ!

Нѣмецъ женится для того, чтобы получить приданое. Женившись, онъ не дѣлаетъ изъ жены любовницы (у него ихъ не бываетъ никогда), а обращается съ нею, какъ съ даровою служанкой, обязанной дѣлать для него все. Только бы она стря-

пала, штопала его чулки, была бы въ постели, когда онъ возвращается вечеромъ,—и больше ему ничего не нужно. Онъ увѣренъ въ томъ, что любимъ, — да и можетъ ли быть иначе? Развѣ онъ не женатъ? Развѣ онъ не господинъ? Обязанность жены его — любить мужа, служить ему, быть его служанкой. Вотъ какъ нѣмецъ понимаетъ бракъ! И въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она дѣйствительно его любитъ: онъ—мужчина и съ нея этого достаточно! Онъ довѣряетъ ея добродѣтели! Онъ обращается съ нею все хуже и хуже, иногда грубитъ ей. Онъ показываетъ ей любовь только съ ея отталкивающихъ сторонъ, не влагая въ это чувство никакой поэзіи. Каждый вечеръ онъ распиваетъ свое пиво, оставляетъ ее одну, пользуется ею, когда самъ того пожелаетъ, а больше и не занимается ею. И вотъ въ одинъ прекрасный день потребность поэзіи, скука, злоба заставляютъ ее отдаться первому встрѣчному безъ предисловій, безъ осторожности. Она уже больше не любитъ мужа, но все еще продолжаетъ служить ему.

Не добродѣтели нѣмокъ слѣдуетъ удивляться— у нихъ ея меньше, чѣмъ у другихъ женщинъ. Онѣ не умѣютъ заставить ухаживать за собою, а тотчасъ же сами вѣшаются на шею. Ухаживанья въ Германіи не бываетъ! Будьте только вѣжливы съ нѣмкой и вы тотчасъ же прослывете ея любовни-

комъ. А это показываетъ, что если эта молва несправедлива, то только по вашей винѣ.

Нужно изумляться довѣрчивости мужей. Какъ они бываютъ простодушны! Но они правы въ своемъ довѣріи — не къ добродѣтельности своихъ женъ, а къ глупости другихъ нѣмцевъ, которымъ не приходитъ въ голову ухаживать за женою и которые предпочитаютъ пойти пить пиво съ мужемъ!

Нѣмка глупа и добродушна. Она питаетъ уваженіе къ мужскому полу; ея идеалъ—толстый, рыжій германецъ доисторическихъ временъ. Она находитъ, что вполнѣ естественно слушаться своего мужа и служить ему. Она его постоянная служанка, даже когда не любитъ его, даже когда не вѣрна ему. Herr! Господинъ — это власть. Frau! Женщина — это жена. Замѣчаете ли разницу? Она— существо низшее, съ которымъ сообразно съ этимъ и обращаются. И она безсознательно мститъ, отдаваясь всякому мужчинѣ, который относится къ ней хорошо, который говоритъ съ нею тономъ уступчивости; если же у нѣмки нѣтъ любовника, она при случаѣ предлагаетъ себя до тѣхъ поръ, пока не находитъ его. Она пьетъ слишкомъ много пива, чтобы быть привлекательной. Она прекрасная хозяйка, дурная кухарка; хорошая жена и плохая любовница. Она готова на все, но не чувствуетъ ничего! Нѣмка—это лира, но безъ струнъ!

Молодая дѣвушка.

На всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, молодая дѣвушка въ Германіи играетъ ту роль, которую исполняетъ женщина во Франціи. Достаточно быть знакомымъ съ нѣмецкой литературой, чтобы понять справедливость этого замѣчанія: героиня всѣхъ романовъ, всѣхъ драматическихъ произведеній — молодая дѣвушка. Нѣмка, вышедшая замужъ, теряетъ всякое значеніе: ей ничего больше не позволяется, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, что она ничего себѣ не позволяетъ. Молодая дѣвица можетъ выходить изъ дому одна, наединѣ можетъ гулять съ молодымъ человѣкомъ; она ходитъ въ театръ одна и можетъ безъ нарушенія приличій позволить молодому человѣку проводить ее до дверей ея дома. Молодая дѣвушка низшихъ и среднихъ классовъ имѣетъ не одного жениха прежде чѣмъ выходитъ замужъ, и никто не порицаетъ самыя частыя перемѣны въ этомъ отношеніи.

Въ высшихъ классахъ ухаживатель не считается женихомъ, не пользуется его правами на свободное обхожденіе, а дѣвушка соглашается на все, кромѣ того, о чемъ ее просятъ; она почти всегда сохраняетъ это для своего мужа (*почти* всегда); ничтожныя же вольности свободно разрѣшаются. Молодая дѣвушка ничуть не стѣсняется написать мо-

лодому человѣку или послать цвѣты актеру—это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Она говоритъ своимъ подругамъ: «я влюблена въ г. Х.», еще немного,—и она сказала бы это матери. Физическая красота, которая во Франціи такъ цѣнится въ представительницахъ прекраснаго пола, въ Германіи обращаетъ на себя особенное вниманіе въ мужчинахъ. Постоянно происходятъ между дѣвицами споры, со всею горячностью молодости, о красотѣ или силѣ того или другого господина.

У молодой нѣмки прекраснѣйшіе волосы, и она носитъ вышитые передники. У нея огромныя ноги, и она не надѣваетъ корсета, хотя нельзя сказать, чтобы она въ немъ не нуждалась. Руки ея красны, потому что она стряпаетъ въ кухнѣ (безъ этого ей невозможно было бы выйти замужъ), и она носитъ эксцентрическія шляпы. Она прекрасно танцуетъ и не умѣетъ ходить, носитъ бѣлые вязаные чулки и короткія перчатки. Заботы о туалетѣ, а тѣмъ болѣе его тайны ей незнакомы. Она любитъ небесно-голубыя платья и плачетъ, когда говоритъ «о бѣдномъ Шиллерѣ, который умеръ такимъ молодымъ». Она всегда умѣетъ играть на роялѣ, но не бываетъ музыкантшей, обожаетъ офицеровъ, ненавидитъ Францію, хотя всегда имѣетъ слабость къ французамъ. Она восхищается студентами и не знаетъ, кто такой Пастеръ. Въ ея комнатѣ

стоитъ бюстъ Гете, а въ ящикѣ лежитъ портретъ jeune premier'a. Наизусть она знаетъ цѣлыя поэмы, но сердце ея закрыто для поэзіи; она млѣетъ отъ музыки Вагнера, но не понимаетъ и первой ноты. «О, какъ красивъ этотъ молодой человѣкъ!» произносятъ ея уста; «надо узнать, богатъ ли онъ», говоритъ ея сердце. О, Маргарита!

Ученость ея ужасна; она рисуется знаніемъ естественныхъ наукъ и читаетъ «Критику чистаго разума» въ то время, какъ толчетъ миндаль къ вечернему печенью. Она вышиваетъ туфли отцу и подтяжки жениху. Снаружи она наивна, внутри— очень практична. Она любитъ средневѣковые костюмы, мечтаетъ выйти замужъ за тенора и кончаетъ тѣмъ, что носитъ платья, сшитыя ею самою послѣ ея выхода замужъ за купца. Въ ариѳметикѣ она очень сильна и умѣетъ показать жениху достаточно своихъ прелестей, чтобы отцу не пришлось давать ей слишкомъ большое приданое. Она пьетъ пиво какъ солдатъ и предпочитаетъ сладкій пирогъ со сливками куску говядины; мясо, по ея мнѣнію, слишкомъ тяжело; но когда никто ея не видитъ, она въ одинъ пріемъ съѣдаетъ сосиску. Если она въ молодости не выйдетъ замужъ, то толстѣетъ и становится отвратительною или высыхаетъ и дѣлается ужасною. Если она вообще красива (а это рѣдко), то красива только въ ран-

ней юности. Даже среди ея соотечественниковъ никто не вѣритъ въ ея наивность, а чтобы заставить вѣрить въ свою наивность хоть одного человѣка, ей остается только самой въ нее повѣрить. Она подражаетъ Маргаритѣ, но какъ практическая женщина, при помощи ближайшаго ювелира, оцѣниваетъ подарки Фауста и замѣняетъ веретено швейной машиной.

Женщина въ семьѣ.

Стоитъ только присмотрѣться къ быту большихъ и малыхъ городовъ—и вездѣ, во всѣхъ классахъ представится то же зрѣлище. Мужчины всѣ въ кофейняхъ, женщины—всѣ дома! И если женщина сохранила въ извѣстномъ кругу относительную и чисто внѣшнюю нравственность, то потому только, что всѣ мужчины — старые и молодые, женатые и холостые—проводятъ часы досуга въ кофейняхъ. Эти люди больше любятъ хорошій стаканъ пива, чѣмъ хорошенькую женщину.

Но любитъ ли нѣмецъ, по крайней мѣрѣ, свою жену? Неизвѣстно; извѣстно только, что онъ обращается съ нею дурно, не оказываетъ ей никакого вниманія, ставитъ ее на второй планъ. Приготовленный ею хорошій супъ съ лапшею ему пріятнѣе ея любви. Нѣмецъ—далеко не утонченная натура, и лишь бы только жена его была въ постели, когда

онъ приходитъ домой, покончивъ пить свое пиво (von Bier kommend), и больше отъ нея ничего не требуется.

Въ одиннадцать часовъ вся Германія погружена въ сонъ; исключеніе составляютъ только нѣсколько закоренѣлыхъ почитателей пива. Нѣмка же не интересуется ничѣмъ, кромѣ своего хозяйства, не умѣетъ ни принять, ни занять, и нѣмецъ обращается съ ней, какъ съ низшимъ существомъ. Разговаривать (causer) въ Германіи немыслимо; самаго слова «разговаривать» не существуетъ, хотя болтовня процвѣтаетъ.

Проболтавши уже часть дня за кофейнымъ столомъ, нѣмки тѣмъ не менѣе и вечеромъ чувствуютъ потребность возобновить это любимое свое упражненіе. Около восьми часовъ вечера, въ тишинѣ нѣмецкихъ городовъ, можно встрѣтить закутанныхъ до самаго носа нѣмецкихъ дамъ, идущихъ дѣлать визиты съ рабочей корзинкой въ рукахъ. «А! милая Frau Doctor!»—«А! милая Frau Rath! какъ это любезно!» Онѣ усаживаются, принимаются за вязанье (вязанье излюбленная работа во всѣхъ классахъ общества) и расходятся, когда пробьетъ десять часовъ. «Уже?» — «О, да, мой мужъ возвращается изъ пивной въ половинѣ одиннадцатаго, и онъ любитъ, чтобы къ его приходу я была дома!» И нѣмецкая дама возвращается домой одна, такъ же

какъ и пришла; только когда она живетъ очень далеко, за ней приходитъ ея служанка. Мужъ же и не думаетъ сопровождать ее! И если на другой день спросить у Frau Doctor, гдѣ она провела вечеръ наканунѣ, то отвѣтъ будетъ: «у Frau Rath, тамъ было чудесно!» («entzückend» — слово, которое нѣмцы употребляютъ при всякомъ удобномъ случаѣ).

Женщина высшаго круга.

Принцессы—единственныя женщины въ Германіи, о которыхъ сказать нечего. Принцессы сидятъ дома, производятъ на свѣтъ дѣтей и вяжутъ чулки. Хорошія супруги (можетъ быть, благодаря строгости этикета), хорошія матери, слишкомъ хорошія хозяйки, — онѣ обладаютъ всѣми добродѣтелями женщины и не имѣютъ ни одного изъ свойствъ принцессы. Онѣ слишкомъ просты и не умѣютъ быть изящными; онѣ стремятся быть примѣромъ добродѣтели и достигаютъ лишь подражанія своимъ наставницамъ; онѣ напоминаютъ разодѣтыхъ мѣщанокъ и не имѣютъ въ себѣ величественной простоты; имъ хотѣлось бы имѣть дворъ и не удается устроить салонъ; ихъ вечернія собранія, имѣющія претензію быть литературными, полны только пустыми разговорами. Онѣ ненавидятъ Парижъ и парижскія моды, желаютъ убѣдить всѣхъ, что лю-

бятъ свои резпденціи и моды нѣмецкія, и заимствуютъ моды изъ Парижа черезъ два года послѣ того, какъ онѣ появились на бульварахъ. Это особенный королевскій способъ поддерживать нѣмецкую промышленность. Словомъ, это хорошія женщины, но не отвѣчающія своей роли.

Жены и дочери нѣмецкихъ аристократовъ шумны, легкомысленны; онѣ выписываютъ туалеты изъ Парижа и далеки отъ неприступной добродѣтели... Онѣ ничего не имѣютъ противъ похищенія, когда онѣ не замужемъ, замужнихъ же не испугаетъ одинъ и даже нѣсколько любовниковъ. Онѣ находятъ, что это имѣетъ свой шикъ, а мужья молчатъ, потому что это дѣлается ловко. Замѣчательно, что въ финансовой аристократіи читаютъ французскіе романы, французскіе журналы, а говорятъ по-французски съ ужаснымъ акцентомъ, вслѣдствіе того, что въ тѣсномъ кругу употребляется еврейско-нѣмецкое нарѣчіе.

Хозяйки меблированныхъ комнатъ.

Дочь хозяйки, у которой нанимаютъ комнаты, называется Hausmamzell; это обыкновенное выраженіе. Hausmamzell играетъ на піанино, читаетъ классиковъ, молода, часто недурна собой и имѣетъ нѣсколькихъ жениховъ. Утромъ она принесетъ вамъ кофе, пришиваетъ пуговицы къ вашимъ ру-

башкамъ, ухаживаетъ за вами, если вы больны, и требуетъ, въ видѣ награды за все это, поцѣлуя въ сумерки и объятій въ дверяхъ. Она ходитъ съ жильцомъ въ театръ, вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, сентиментально прогуливается съ нимъ подъ руку, возвращается съ нимъ поздно ночью — и все это съ разрѣшенія маменьки, которая знаетъ, что Hausmamzell, наученная личнымъ опытомъ или примѣромъ своихъ подругъ, не пойдетъ дальше, чѣмъ это позволяетъ осторожность: она допуститъ многія вольности, но не тронетъ своего капитала. И со всѣмъ тѣмъ молоденькую Hausmamzell нельзя назвать дурною. Быть можетъ, только въ ней одной и сохранилась та малая доза поэзіи, которая осталась еще въ желѣзной Германіи.

Глядя на то, какъ она ходитъ по дому въ своемъ бѣломъ передничкѣ, съ длинными косами (она долго изображаетъ изъ себя дѣвочку), начинаешь почти вѣрить въ существованіе Маргариты и Лотты. Слѣдя за тѣмъ, какъ она хлопочетъ по хозяйству, начинаешь понимать, что тартинки, сдѣланныя Лоттой, могли быть дороги Вертеру. Какъ жаль, что она такъ любитъ платья и шляпки и умѣетъ заставить дарить себѣ ихъ!

Какъ бы то ни было, маленькой Hausmamzell будетъ прощено многое при воспоминаніи, за стаканомъ пива, о тѣхъ часахъ влюбленныхъ грезъ,

которые она доставила многимъ студентамъ, пропитаннымъ германской сентиментальностью: они чувствуютъ къ ней благодарность и сочиняютъ на нее стихи. И не одинъ изъ старѣющихъ нѣмецкихъ ученыхъ почувствуетъ, какъ навертывается слеза на его рѣсницы, когда ему напомнятъ о годахъ, проведенныхъ въ университетѣ. О! маленькая Hausmamzell, которая вѣчно будетъ жить въ произведеніи Гете, но которая такъ мало похожа на идеалъ поэта, какъ часто встрѣчается она въ Германіи, граціозная и любезная, какъ только можетъ быть граціозна и любезна нѣмка!

Когда же Hausmamzell отрѣзала всѣ купоны съ своего капитала, когда у нея остается только одинъ капиталъ, обремененный залогами, — тогда она начинаетъ подумывать о томъ, какъ бы выйти замужъ! Прощайте, студенты! Прощайте, сентиментальныя прогулки! Она дѣлается женой бюргера, приказчика или мелкаго комерсанта. У нея одна мечта: встрѣтить одного изъ своихъ прежнихъ жильцовъ, но она подурнѣла и они уже не узнаютъ ее! Ей остается только хорошо воспитывать своихъ дочерей, чтобы приготовить изъ нихъ Hausmamzell'ей для студентовъ слѣдующаго поколѣнія.

Особый признакъ: въ нѣмецкихъ семьяхъ, гдѣ отдаются въ наймы комнаты, званіе Hausmamzell передается по наслѣдству отъ матери къ дочери.

Горничныя.

Нѣмецкая служанка—совершенно своеобразный продуктъ нѣмецкой цивилизаціи. Ее нельзя назвать чистоплотной, но у нея манія мытья половъ, такъ какъ въ Германіи ковры встрѣчаются очень рѣдко. Служанка питается немногимъ—только тѣмъ, что даетъ ей хозяйка: въ полдень ей дается кусокъ мяса и стаканъ пива, вечеромъ—что-нибудь холодное, оставшееся отъ обѣда, и опять пиво. Но зато утромъ она выпиваетъ литръ кофе съ молокомъ и столько же въ теченіе дня. Она допускаетъ, чтобы господа обращались съ нею грубо; пощечины она получаетъ довольно часто, но зато безцеремонно принимаетъ участіе въ разговорѣ господъ. Жалованье ея невелико—всего 15—20 марокъ въ мѣсяцъ, и она не умѣетъ находить себѣ другіе источники доходовъ. Она работаетъ какъ вьючное животное и не привыкла къ тому, чтобы ее о чемъ-нибудь *просили* или за что-нибудь *благодарили*. Личной инициативы въ нея и слѣда нѣтъ, и она вообще очень глупа. Однако сердце у нея любящее: она любитъ и статскихъ, и военныхъ, любитъ всѣхъ на свѣтѣ. Вечеромъ, когда ей больше нечего дѣлать и когда нѣмецкій солдатъ окончилъ свою службу, тогда—о, прохожій! будь остороженъ, отворяя ворота: подъ ними столько

же влюбленныхъ паръ, сколько въ городѣ служанокъ. Онѣ не стѣсняются другъ передъ другомъ: это находятъ нормальнымъ не только слуги, но и господа. Сколько разъ, въ различныхъ мѣстахъ Германіи, приходится слышать, какъ хозяйка говоритъ въ присутствіи дѣтей: «Вѣдь Кэтхенъ еще внизу, со своимъ возлюбленнымъ!» Ей дозволяется имѣть это сокровище (Schatz); въ воскресенье, когда ее отпускаютъ со двора, Schatz приходитъ за нею на глазахъ всего семейства. Когда Schatz мѣняется, объ этомъ знаетъ весь домъ. Дѣти близко знакомы съ Schatz'омъ служанки и говорятъ о немъ за столомъ со своими родителями. Ему одинъ шагъ до того, чтобы сдѣлаться членомъ семьи. И такъ это дѣлается повсюду, начиная съ Берлина и кончая самымъ маленькимъ городкомъ. Если у служанки мѣняется Schatz (у нея обыкновенно бываетъ не болѣе одного заразъ), господа сравниваютъ между собою перваго и второго. Хозяинъ посылаетъ ему сигару, чтобы узнать, что дѣлаетъ новый Schatz, а госпожа посылаетъ ему стаканъ пива; интимность водворяется, и Кэтхенъ снова можетъ каждый вечеръ отправляться внизъ «поговорить со своимъ Schatz'омъ».

А когда Кэтхенъ, Розхенъ, Лоттхенъ или Бабетта находятъ себѣ Schatz'а, который глупѣе или

бѣднѣе другихъ, — онѣ выходятъ замужъ. Счастливый супругъ не ставитъ въ упрекъ бѣлокурой супругѣ многочисленныхъ предшествовавшихъ ему возлюбленныхъ. Ему это и въ голову не приходитъ! Лоттхенъ становится почтенною матерью семейства и даже болѣе почтенною, нежели многія женщины, у которыхъ не бывало возлюбленныхъ.

А если Кэтхенъ, Розхенъ, Лоттхенъ или Бабетта не выходятъ замужъ? Тогда онѣ съумѣютъ заинтересовать своими прелестями господскаго сына или какого-нибудь нѣмецкаго повѣсу; а такъ какъ нравы допускаютъ отысканіе отца, то отецъ всегда тотъ, кто богаче другихъ, какъ утверждаетъ одинъ берлинскій адвокатъ.

А когда Кэтхенъ, Розхенъ, Лоттхенъ или Бабетта покинуты своими любовниками? Тогда... пусть любопытный заглянетъ въ статистику: онъ найдетъ много интересныхъ данныхъ, что бы ни говорили. Онъ увидитъ, что рожденіе незаконныхъ дѣтей составляетъ 34% всѣхъ рожденій и что число дѣтоубійствъ ежегодно возростаетъ на $6^1/_4$%!.. А еще въ 1871 году императоръ Вильгельмъ сказалъ: «съ Божьей помощью, мы создадимъ государство добрыхъ нравовъ!..»

Служанки въ кофейняхъ.

Служанка въ кофейнѣ (die Kellnerin) есть специфически нѣмецкое явленіе. Нѣмецъ старается поострить, поволочиться, порисоваться, и, благодаря Kellnerin, кофейня дѣлается мѣстомъ моральной проституціи. Kellnerin, въ общемъ, рѣдко бываетъ хороша собой (хорошенькихъ очень быстро сманиваетъ мѣстный дворянчикъ или же онѣ выходятъ замужъ за содержателя кофейни), очень кокетлива, очень дѣятельна и остроумна. Это, кажется, единственный типъ нѣмокъ, о которыхъ можно сказать, что онѣ хитры. Спитъ она въ томъ же домѣ, гдѣ и служитъ, и въ недѣлю имѣетъ лишь одинъ свободный день; нельзя не изумляться тому, какъ она умѣетъ пользоваться этими немногими свободными часами, вовсе этого не обнаруживая. Она ходитъ отъ одного къ другому, бываетъ у старыхъ и молодыхъ (при чемъ имѣетъ склонность къ старикамъ), ловко обмѣнивается взглядомъ, быстрымъ рукопожатіемъ, вызывая паиваго на то, чтобы сунуть ей въ руку ассигнацію, а болѣе хитраго на то, чтобы обхватить ее за талію. Она такъ же ведетъ себя въ кофейнѣ, какъ кокетка высшаго полета въ салонѣ: отъ ея глазъ ничто не можетъ укрыться, и къ свободному дню у нея назначено съ десятокъ свиданій, но она уклоняется

отъ нихъ и розыскиваетъ своего «жениха» (такъ въ Германіи называется любовникъ). Это Селипэна въ передникѣ; ей позволяется все; она дерзка съ офицерами, груба съ генералами. Чего же больше? Грубить генералу—мечта всѣхъ служанокъ въ кофейняхъ.

Откуда онѣ берутся? Изъ какой-нибудь мастерской или изъ какого-нибудь замка, гдѣ онѣ были горничными. Чего онѣ достигаютъ? Попадаютъ въ больницу, если имъ не удается довести до конца свою ладью. Если онѣ хитры, онѣ находятъ охотника жениться на нихъ за нѣсколько тысячъ скопленныхъ марокъ, или же дѣлаются хозяйками домовъ терпимости.

Женщины полусвѣта.

Нѣмецъ не понимаетъ женщины—она для него только производительница дѣтей. Любовницъ у него не бываетъ, но какъ онъ не деревянный, то знакомъ съ публичной женщиной. Не смотря на все желаніе Берлина играть роль первокласснаго города, тамъ не существуетъ полусвѣта, вслѣдствіе чего процвѣтаютъ публичныя женщины (126,000 проститутокъ, по полицейскимъ справкамъ!) Нѣмецъ скрываетъ свои пороки, но обладаетъ ими въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе. Онъ обращается съ публичной женщиной какъ

съ товаромъ, за который онъ заплатилъ деньги и съ которымъ онъ можетъ поступать по своему усмотрѣнію. Онъ обращается съ нею тѣмъ хуже, чѣмъ дороже она ему стоитъ. Берлинскія публичныя женщины больше жалуются на дурное обращеніе богатыхъ людей, чѣмъ на грубость рабочихъ. Нѣмецкая проститутка мститъ за себя и дурно относится къ мужчинѣ.

Она тяжеловѣсна, толста, грязна, неловка. Она не умѣетъ одѣваться, а еще менѣе раздѣваться. Она груба и въ поступкахъ, и въ словахъ. Чувства у нея нѣтъ даже къ своему содержателю. Она падка на деньги. Это почти всегда крестьянка, обольщенная какимъ-нибудь сосѣдомъ, а потому въ ней нѣтъ никакой привязанности къ городу. Ея мечта—собрать нѣкоторое количество марокъ и вернуться въ ту страну, гдѣ полощутся въ лужахъ гуси, гдѣ ей опять можно будетъ ходить босикомъ и гдѣ она выйдетъ замужъ за того, кто ожидаетъ ея возвращенія. Весь свой заработокъ она посылаетъ «домой» и только и грезитъ о томъ, какъ бы нажить нѣсколько милліоновъ марокъ, чтобы выйти за того жениха, который ждетъ ее въ деревнѣ, ничуть не обманываясь насчетъ ея ремесла. Иныя занимаются своимъ ремесломъ сообща, распредѣляютъ между собой города, въ которыхъ бываютъ ярмарки, и собираются въ своей деревнѣ

въ неблагопріятное для нихъ время года. Нѣмецкая проститутка, если не живетъ съ подругами, часто имѣетъ при себѣ старуху—Шейлока въ юбкѣ, которая превосходитъ хищностью публичную женщину и въ сумерки предлагаетъ вамъ «маленькую сестру Лотты». Публичная женщина, благодаря своей жадности, готова на все, и не одинъ нѣмецкій городокъ, въ которомъ громятъ новѣйшій Вавилонъ, являетъ зрѣлище самыхъ печальныхъ крайностей. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ маленькимъ фабричнымъ городамъ, которые доставляютъ свой контингентъ проституткъ въ большіе города.

Актрисы.

Нѣмецкая актриса, иногда красивая, никогда не бываетъ граціозна; она не умѣетъ ни ходить, ни гримироваться, ни одѣваться. Она незнакома съ чистоплотностью и съ тайнами туалета. Иногда она умѣетъ смѣяться, но улыбаться — никогда. Она очень громко кричитъ, но разговаривать не умѣетъ. Чувствительныхъ людей она, пожалуй, можетъ довести до слезъ, но никогда не тронетъ людей съ сердцемъ. У нея множество жениховъ, но никогда нѣтъ всѣмъ извѣстныхъ любовниковъ. Ее принимаютъ въ семьяхъ и она выѣзжаетъ съ честными женщинами. Мѣщанки считаютъ за честь

быть ея пріятельницами, чтобы знать закулисныя тайны и получать даровыя мѣста въ театрѣ. Пока она на театрѣ, у ней всегда имѣется какая-то подозрительная подруга, но всегда въ концѣ концовъ актриса выходитъ замужъ или за добраго бюргера, плѣненнаго ея прелестями и особенно театральнымъ блескомъ, или за какого-нибудь разорившагося дворянина, который позлащаетъ свой гербъ на счетъ вознагражденій, получаемыхъ ею отъ прежнихъ любовниковъ. Она оставляетъ театръ, дѣлаясь женой обыкновеннаго смертнаго, но продолжаетъ играть, если становится баронессой или графиней. Титулъ дорого цѣнится: у нея есть тогда чѣмъ прикрыться, и у нея являются любовники всѣхъ возрастовъ и званій. Она играетъ до самой смерти, если только не впадаетъ въ ханжество, возбудивъ страсть пастора той деревни, гдѣ ея благородный супругъ имѣетъ обновленный на ея деньги замокъ. Словомъ, она невыносима на сценѣ, но у мѣста въ городѣ; она хорошо играетъ комедію нравственности. Только людей тонкихъ ей не удается провести.

*
* *

Книга Сенъ-Сера о Германіи обратила на него вниманіе, онъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Figaro», положеніе, которое очень цѣнится въ

Парижѣ литераторами; кромѣ того онъ писалъ въ «New York Herald» и «Vie parisienne». Но онъ долженъ былъ покинуть «Figaro», вслѣдствіе суда по дѣлу о шантажахъ надъ извѣстнымъ прожигателемъ жизни Максомъ Лебоди, le petit sucrier, спустившимъ съ кокотками въ три года 17 млл. франковъ! Любовница Лебоди, актриса Comédie Française г-жа Марси, получившая сама болѣе 2 млл. франковъ, обличала Сенъ-Сера въ попыткѣ выудить у полоумнаго мота 30,000 франковъ. Судъ оправдалъ Сенъ-Сера, но онъ просидѣлъ два мѣсяца въ предварительномъ заключеніи и репутація его была замарана. Въ послѣднее время Ж. Сенъ-Серъ снова впрочемъ воспрянулъ и устроилъ еженедѣльный политико-литературный журналъ въ легкой шутливой формѣ «Le cri de Paris», который началъ было пользоваться успѣхомъ, но въ маѣ 1898 г. Сенъ-Серъ скончался сорока трехъ лѣтъ отъ роду, какъ увѣряютъ друзья отъ нравственнаго потрясенія, причиненнаго судебнымъ процесомъ, въ дѣйствительности же отъ діабета.

Въ письмахъ цѣломудреннаго И. С. Аксакова, писанныхъ изъ заграницы въ его молодости, можно найти любопытное подтвержденіе суровой оцѣнки Сенъ-Сера. Подъ вліяніемъ нѣмецкой литературы 20 и 30-хъ годовъ нѣмки представлялись Аксакову неземными созданіями. «Это не то, что хорошенькія

или милыя лица,—писалъ онъ,—не то, что красавицы—нѣтъ, это лица прекрасныя, много выражающія лица, которыя говорятъ о внутренней прекрасной жизни души... Невольно образуется и носится образъ дѣвушки, глубоко чувствующей, съ душою растворенной ко всѣмъ прекраснымъ впечатлѣніямъ, сердце которой глубоко волнуется всѣмъ тѣмъ, въ чемъ высказывается таинственное безконечное жизни»...

Но Аксакову скоро пришлось разочароваться въ своемъ сентиментальничаньи. Въ Берлинѣ ему понравилась молодая цвѣточница, лицо которой казалось отраженіемъ необыкновенно изящной души, и онъ сталъ ежедневно покупать у ней цвѣты. Скоро между нимъ и нѣмкой установились добрыя отношенія, и Аксаковъ сталъ подолгу простаивать у ея прилавка, декламируя цвѣточницѣ трогательныя мѣста изъ Шиллера. Нѣмка слушала чтеніе и мечтала. Аксаковъ былъ въ восторгѣ. Но въ одно изъ посѣщеній она откровенно заявила, что онъ отбиваетъ покупателей и что она желала бы получить что-нибудь посущественнѣе стиховъ. За это, съ своей стороны, она предоставляла себя въ полное распоряженіе Аксакова...

XV.

Дуэли и баррикады.

Надняхъ произошла въ Парижѣ дуэль, при чемъ маркизъ де-Моресъ, курьезный типъ смѣси литературной богемы съ аристократомъ (онъ сотрудникъ Дрюмона въ «Libre Parole» и непокорный сынъ герцога Валамброза)—убилъ офицера генеральнаго штаба изъ евреевъ Мейера. Случаи дуэлей, окончившихся смертью одного изъ участниковъ, довольно рѣдки въ Парижѣ, поэтому каждая возбуждаетъ общественное мнѣніе и вызываетъ обсужденіе разумности дуэлей.

Нельзя, однако, не сказать, что всякое подобное обсужденіе не прибавляетъ ничего новаго и ни на волосъ не служитъ къ устраненію дуэлей въ будущемъ. Древніе не знали дуэлей въ нашемъ смыслѣ, хотя дрались частенько въ единоборствѣ. Наша дуэль есть слѣдствіе point d'honneur, того особаго

чувства чести, которое создалось только въ средніе вѣка въ рыцарскомъ кругу. Шопенгауеръ увѣряетъ даже, что сифилисъ и point d'honneur, главнымъ образомъ и отличаютъ новое общество отъ людей древняго міра. Тамъ, гдѣ сословныя рамки были наиболѣе рѣзки: въ Италіи, Франціи, Германіи, тамъ и до сихъ поръ процвѣтаетъ дуэль. Замѣчательно, однако, что въ Англіи, странѣ отчасти и до сихъ поръ феодальной, дуэлей нѣтъ. Онѣ изчезли не столько ради меркантильнаго, сколько вслѣдствіе особаго религіознаго склада мыслей англійскаго общества.

Уже въ XVII и XVIII вѣкахъ дуэль была въ Англіи непопулярна. Извѣстно краснорѣчивое мнѣніе о ней Челлингворта. Франклинъ также писалъ весьма основательно: «Непонятно, какъ такія ничтожныя существа, какъ мы, можемъ имѣть столько гордости, чтобы воображать, что каждая обида тому, что мы называемъ своею честью, заслуживаетъ *смерти*. Тѣ же самые люди, которые такъ высоко о себѣ думаютъ, непремѣнно назвали бы тираномъ государя, который казнилъ бы кого-нибудь изъ нихъ безъ суда за нѣсколько словъ, обидныхъ для его священной особы. Между тѣмъ, каждый изъ дуэлистовъ дѣлается судьею въ собственномъ дѣлѣ и не только приговариваетъ оскорбителя безъ уча-

стія присяжныхъ, но и становится исполнителемъ своего собственнаго приговора»...

Съ логической точки зрѣнія, конечно, лучше этого ничего нельзя сказать, но, тѣмъ не менѣе, дуэль есть соціальный фактъ, который такъ же непзбѣженъ, какъ и другія соціальныя явленія. Причины ея болѣе глубоки, чѣмъ полагаютъ моралисты, и одною логпкою или уголовными наказаніями ихъ устранить нельзя. Причины эти и расовыя, и исторпческія, отчасти онѣ и въ томъ, что законодательство и судъ, какъ бы ни казались совершенными, не могутъ удовлетворить всѣмъ безконечно тонкимъ и разнообразнымъ потребностямъ человѣческой жпзни. Всегда остается мѣсто самосуду. Послѣднему, впрочемъ, даетъ мѣсто и формальный законъ въ дѣлахъ самозащпты, оскорбленія семейной чести и т. д.

Вопросъ о дуэлп очень многихъ занималъ во Франціи по поводу ряда дуэлей, вызванныхъ разоблаченіями еврейскаго репортера Мермекса, ставшаго буланжпстскимъ депутатомъ и затѣмъ измѣнившаго своей партіи. По этому поводу возникла цѣлая газетная литература; чрезвычайно много было писано по поводу дуэли Рошфора съ Тьебо, собравшей репортеровъ со всѣхъ концовъ Европы. Дуэль Мореса съ Мейеромъ опять оживила полемику.

Новаго, однако, и эта литература ничего не прибавила къ вопросу о дуэли. Жюль Симонъ, одинъ изъ умнѣйшихъ современныхъ французовъ, писалъ иронически, что нѣсколько компресовъ на тѣлѣ г. Тьебо уничтожили, повидимому, клевету, взведенную на г. Рошфора. «Наши добрые предки, — прибавляетъ Симонъ, — вѣрили, что невинность доказывается, если босыми ногами пройдешь по раскаленному желѣзу. Мы вѣримъ въ компресы. Таковъ прогресъ!»

Дуэль, по словамъ Жюля Симона, — дѣло не храбрости, а здраваго смысла. Англичане нисколько не трусливѣе французовъ и итальянцевъ, между тѣмъ въ ихъ странахъ не встрѣчаешь дуэлей, какъ не встрѣчаешь болѣе волковъ. Не все, однако, въ дуэли шутка, хотя большая часть дуэлей и кончается теперь шутками.

«Если дуэль кончается смертью, — замѣчаетъ Жюль Симонъ,—то что долженъ думать виновникъ смерти, возвращаясь домой? Изъ двухъ людей, пришедшихъ на поле, одинъ сталъ трупомъ, другой обратился въ убійцу, если не злодѣя. Надобно, чтобы причина дуэли была очень ужъ важна, чтобы совѣсть могла оправдать такого человѣка. Едва ли онъ дома будетъ спать спокойно. Онъ рискуетъ встрѣтить и женщину, которую онъ сдѣлалъ вдовою, и дѣтей, которыхъ оставилъ сиротами. Быть

можетъ, семья эта впадетъ въ нищету. Ему нельзя оставить ихъ безъ помощи, но посмѣетъ ли онъ помочь ей?»

Разсужденія вполнѣ справедливыя, но ими-то рѣже всего задаются люди, идущіе на дуэль, да и общество забываетъ ихъ, когда покрываетъ своимъ презрѣніемъ людей, уклонившихся почему-либо отъ дуэли.

Я разсуждалъ о дуэли съ Сузини, буланжистскимъ депутатомъ; онъ извѣстенъ какъ бретёръ и отличный стрѣлокъ изъ пистолета. Въ числѣ разныхъ анекдотовъ Сузини разсказалъ мнѣ слѣдующій, поучительный, который рекомендую вниманію тѣхъ, кому придется драться съ записными бретёрами.

Нѣкто былъ вызванъ на дуэль маркизомъ де-Моресомъ, храбро принялъ вызовъ и долженъ былъ драться на пистолетахъ. Онъ обратился за совѣтомъ къ Сузини.

— Мой другъ, твоя пѣсня спѣта. Моресъ промаха не даетъ, онъ всегда попадаетъ въ селезенку и кладетъ противника на мѣстѣ. Это настоящій bravi и великодушіе ему недоступно. Я, впрочемъ, спасу тебя: учиться тебѣ стрѣлять нечего и когда будешь противъ Мореса, стрѣляй куда угодно, только не въ секундантовъ, но твердо помни одно—руку держать такъ, чтобы локтемъ по возможности при-

крывать селезенку. Моресъ раздробитъ руку, но пуля отъ удара—такъ какъ пистолеты для дуэли заряжаются слабымъ зарядомъ—получитъ отклоненіе и твоя жизнь будетъ спасена.

Другъ мудрить не сталъ, послушался совѣта Сузини, Моресъ раздробилъ ему руку и заставилъ ходить полгода съ повязкой, но зато селезенка осталась цѣла, а съ нею и существованіе.

Выше было сказано, что наиболѣе популярна еще дуэль въ Италіи, Франціи и Германіи. Италіи принадлежитъ. несомнѣнно, первое мѣсто. Кавалеръ Джелли составилъ и обработалъ полную статистику итальянскихъ дуэлей; оказывается, что за десятокъ лѣтъ въ Италіи было среднемъ числомъ по 276 дуэлей въ годъ. Любятъ почему-то итальянцы особенно драться на саблях. Подобныхъ дуэлей было болѣе 90 проц., тогда какъ на пистолетахъ 6 проц., а на шпагахъ только 3 проц.

Хотя дуэль на саблях, казалось бы, обличаетъ особую готовность противниковъ зарубить другъ друга, но дуэли со смертными исходами въ Италіи, какъ и во Франціи, очень рѣдки, ихъ не болѣе 2 проц., правда, зато случаи пораненія не рѣдки, но эти раны по большей части легкія.

Причины дуэлей разнообразны. Наиболѣе часты дуэли изъ-за газетной полемики; такихъ 36 проц. Затѣмъ 27 проц. дуэлей было изъ-за пустяковъ,

мелкихъ споровъ и т. п. По этому поводу я долженъ обратить вниманіе, что особыми охотниками, по крайней мѣрѣ во Франціи, драться изъ-за пустяковъ являются жиды. Они дѣлаютъ это съ тонкимъ разсчетомъ. Дуэль изъ-за пустяковъ обыкновенно пустяками и оканчивается, между тѣмъ человѣкъ, хотя уже разъ дравшійся (qui a fait ses preuves, какъ говорятъ французы), имѣетъ право отказываться отъ другихъ дуэлей. Этимъ жидки и пользуются, чтобы отказываться отъ дуэлей, когда ихъ вызываютъ серьезные дуэлисты и когда дуэль можетъ кончиться смертью или значительнымъ поврежденіемъ. Вѣроятно и Мейеръ вызывалъ Мореса, разсчитывая только застраховать себя въ будущемъ.

Изъ-за крупныхъ оскорбленій и оскорбленій дѣйствіемъ (въ Россіи—случай наиболѣе распространенный) въ Италіи было только 8% дуэлей, изъза семейныхъ дѣлъ 7%. Замѣчательно, что игра въ карты послужила въ Италіи причиною только 19 дуэлей, тогда какъ даже религіозные споры вызвали 29 дуэлей, хотя, казалось бы, странно драться изъ-за религіи, которая во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ категорически осуждаетъ дуэль.

Профессія, несомнѣнно, вліяетъ на дуэль. Въ Италія болѣе всего дуэлистовъ между военными,

именно 30%, потомъ идутъ журналисты 29%. Газетчики и военные и во Франціи даютъ наибольшій контингентъ дуэлистовъ. Въ Германіи ихъ превосходятъ студенты. Замѣчательно, что и время года вліяетъ на число дуэлей; въ Италіи въ іюнѣ и іюлѣ число ихъ въ пять разъ превосходитъ число дуэлей въ декабрѣ.

Во Франціи дерутся преимущественно лѣтомъ. Замѣчательно, что военные оказываются тамъ по этой части менѣе искусными, чѣмъ штатскіе. Извѣстна комическая дуэль генерала Буланже съ Флокэ, окончившаяся побѣдой послѣдняго.

Дуэль эта происходила на дачѣ въ Нельи, принадлежащей теперь красивѣйшей артисткѣ Comédie Française Рашель Боайе. Послѣдняя показывала мнѣ мѣсто дуэли въ углу парка, описывая подробно, какъ адвокатъ проткнулъ шею генералу.

*
* *

Я чуть не поплатился жизнью за желанье видѣть (въ іюнѣ 1893 г.), какъ строятъ въ Парижѣ баррикады.

Сыръ боръ загорѣлся изъ-за разогнанной полиціей толпы студентовъ, которая хотѣла сдѣлать демонстрацію передъ квартирою père la Pudeur, какъ называютъ сенатора Беранже, весьма почтеннаго юриста, имѣющаго наивность водворять

въ Парижѣ добрые нравы. Беранже написалъ письмо прокурору объ «ужасахъ», которые онъ видѣлъ на балу de Qutr-z-arts. Ужасы состояли въ томъ, что нѣкоторыя дамы изъ моделей художниковъ и кокотокъ низшаго разбора пріѣхали на балъ совсѣмъ голыя, даже безъ фиговаго листа.

Доносъ сенатора возбудилъ молодежь. Пока сборища и «момоны», какъ называется шествіе гуськомъ держа другъ друга за фалды, происходили въ Латинскомъ кварталѣ, полиція ничего не предпринимала (тамъ къ этому привыкли), но когда студенты съ криками Conspuez Beranger! перешли на правую сторону Сены, въ кварталы, гдѣ живутъ президентъ республики, тузы финансоваго міра и гдѣ расположены банки, заключающіе фонды, обезпечивающіе мирное существованіе буржуа, полиція встрепенулась, арестовала нѣсколькихъ демонстрантовъ, поколотила ихъ, а нѣкоторыхъ a passé à tabac.

Эта послѣдняя операція состоитъ въ томъ, что арестованныхъ приводятъ въ полицейскіе участки и тамъ нещадно бьютъ, стараясь какъ бы накрошить изъ нихъ табакъ или истереть въ нюхательный порошокъ. Это есть пресловутый passage à tabac. Съ особеннымъ увлеченіемъ полицейскіе бьютъ такимъ образомъ изрѣдка попадающихся имъ въ руки своихъ заклятыхъ враговъ: радикаль-

ныхъ и соціалистическихъ депутатовъ и гласныхъ думы. Такъ какъ свидѣтелей нѣтъ, кромѣ полицейскихъ, то всѣ жалобы потерпѣвшихъ остаются безъ послѣдствій. Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ! Такая расправа и есть послѣдняя гарантія, которую новая французская конституція предлагаетъ противъ произвола революціонной партіи; безъ нея анархисты давно бы влѣзли въ палату и муниципальный совѣтъ и подѣлались бы министрами; къ счастью, кулаки городовыхъ являются спасителями общества.

Усмиренная демонстрація, подогрѣтая походомъ радикально-соціалистической печати противъ министерства Дюпюи, глава котораго, хитрый оверніатъ, изъ радикаловъ перешелъ въ разрядъ государственныхъ людей à poigne, т. е. по-русски мордобійцъ, произвела въ Парижѣ настоящее волненіе. Адски жаркая погода, какой-то самумъ при ярко-красномъ небѣ, усиливая жажду и стремленіе къ выпивкѣ, еще болѣе увеличила агитацію. Извѣстно, что всѣ революціи въ Парижѣ произошли въ погоду, когда не было дождя и толпа охотно лѣзла на улицу. Окончательно гроза разразилась, когда, очищая одну кофейню на бульварѣ Сенъ-Мишель отъ демонстрантовъ, полицейскій, одни говорятъ нарочно, другіе — нечаянно, хватилъ одного молодого приказчика Нюжера фаян-

совой пепельницей по виску и положилъ его на мѣстѣ. Приказчикъ былъ изъ жидовъ, но въ радикальной печати онъ превратился мгновенно въ эльзасскаго патріота и на три дня Парижъ сталъ, выражаясь слогомъ нашихъ старыхъ офиціальныхъ учебниковъ, «жертвою гибельнаго безначалія».

Я уже не разъ видѣлъ, какъ въ Парижѣ дѣлаютъ демонстраціи и какъ усмиряютъ толпу, а именно въ день паденія Тьера и въ день увольненія Буланже отъ должности военнаго министра, поэтому первые дни мало интересовался волненіемъ, тѣмъ болѣе, что при прорѣзкѣ стараго Парижа широкими бульварами и при современномъ скорострѣльномъ оружіи никакая серьезная борьба между войсками и толпою, развѣ при измѣнѣ начальства, какъ въ 1870 г., невозможна. Іюльскіе, іюньскіе и февральскіе дни въ Парижѣ уже не повторятся.

При этомъ любопытно было наблюдать за разницею впечатлѣній въ разныхъ кварталахъ Парижа. Въ то время, когда на лѣвой сторонѣ Сены и отчасти на правой, около Площади Республики, бушевали толпы и происходили безпорядки, богатый кварталъ вокругъ Grand Hôtel, гдѣ я жилъ, былъ совершенно спокоенъ: то же движеніе экипажей, та же публика на «террасахъ» кафе, спо-

койно посасывающая разныя «consomations»; о томъ, что въ городѣ неспокойно, можно было судить тутъ по тому только, что всѣ полицейскіе посты были удвоены и городовые не прогуливались иначе какъ вдвоемъ, что дѣлается лишь ночью. На лицахъ полицейскихъ было, однако, написано удовольствіе; видно у нихъ руки чесались и они ждали момента, когда позволятъ taper sur les bourgeois.

Сообразно увеличенію агитаціи ожесточался тонъ газетъ, особенно «Intransigeant». Тамъ прямо печатались воззванія къ бунту крупнымъ шрифтомъ и за подписью всей редакціи; радикальныя и соціалистическія партіи въ палатѣ также издали свои манифесты.

Къ вечеру второго дня бульвары приняли видъ зловѣщій; публикѣ раздавались революціонныя воззванія на ярко-красной бумагѣ; на оборотѣ этихъ воззваній были напечатаны, впрочемъ, объявленія разныхъ магазиновъ. Символъ времени: революція и реклама! Вдали виднѣлось зарево—это на бульварѣ Сенъ-Мишель толпа жгла кіоски, скамейки и др. казенное и городское имущество. На бульварахъ появились какія-то сомнительныя фигуры, тѣ physiognomies sinistres, которыя обыкновенно ютятся въ темныхъ углахъ Парижа и спятъ сидя въ подземельяхъ и погребахъ или во рвахъ крѣ-

постной ограды, а выплываютъ на сцену только въ дни революцій, чуя грабежъ.

Начались разговоры о томъ, тронутся или нѣтъ рабочіе Бельвилля и др. промышленныхъ предмѣстій? Послѣ опыта Коммуны рабочіе эти, хотя и поголовно зараженные соціалистическими идеями, очень неохотно подчинялись возбужденіямъ радикальныхъ вожаковъ, зная по опыту, что отъ революціонныхъ вспышекъ, сопровождаемыхъ неизбѣжно экономическими кризисами и бѣгствомъ изъ Парижа иностранцевъ и богатыхъ людей, первыми страдаютъ рабочіе, выигрываютъ же вожаки изъ буржуа, прикидывающіеся друзьями народа, чтобы захватить мѣста и синекуры.

Опасеніе вмѣшательства рабочихъ было тѣмъ естественнѣе, что, благодаря закону о синдикатахъ и учрежденію такъ называемой «Биржи труда», парижскіе рабочіе получили особую организацію, очень удобную для воздѣйствія на нихъ въ революціонномъ смыслѣ. Каждая отрасль труда образовала особый синдикатъ; этимъ синдикатамъ «Биржа труда», содержимая на счетъ радикальной парижской думы, отвела дорогое помѣщеніе, а когда бюро, состоявшія изъ самыхъ отчаянныхъ пропагандистовъ, которые никакимъ «трудомъ» никогда не занимались и попали въ президенты и секретари бюро, чтобы мутить народъ, — собрались въ

одномъ домѣ, то у нихъ явилась мысль общей связи и центральной организаціи. Послѣднее вовсе не предвидѣлось закономъ о синдикатахъ и не входило въ виды правительства, такъ какъ создавало бы въ Парижѣ рядомъ съ законнымъ правительствомъ какое-то самозванное правительство для рабочихъ. Оказалось также, что множество синдикатовъ учредилось, не заявивъ даже о своемъ существованіи администраціи, что противорѣчило закону.

Видя, что центральный синдикатъ желаетъ взять на себя руководство революціоннымъ движеніемъ въ Парижѣ, министерство потребовало немедленнаго закрытія всѣхъ синдикатовъ, незаконно существующихъ, и изгнанія ихъ бюро изъ «Биржи труда», угрожая въ противномъ случаѣ закрытіемъ послѣдней. Полагая, что въ послѣдній моментъ правительство струситъ, бюро не обращали никакого вниманія на означенное заявленіе, а радикально-соціалистическая печать, конечно, поддерживала ихъ дерзкое сопротивленіе. Все это еще болѣе увеличивало смуту и подливало масла въ огонь.

Желая видѣть поближе, какъ строятъ баррикады, я вмѣстѣ съ нашимъ вице-консуломъ въ Каирѣ, г. Иваповымъ, отправились на лѣвую сторону — въ Латинскій кварталъ. Извозчика нашего остановили на улицѣ des Saints Pères; здѣсь стоялъ

бивуакомъ какой-то кирасирскій полкъ, но пѣшкомъ идти далѣе намъ позволили. Вмѣстѣ съ толпою, довольно рѣдкою, мы прошли по бульвару Сенъ-Жерменъ и внезапно на пересѣченіи четырехъ улицъ попали въ одинъ изъ центровъ движенія.

Толпа, руководимая какими-то молодыми людьми, прилично одѣтыми, живо разбирала мостовую и валила ее въ кучи, стараясь загородить входъ изъ всѣхъ четырехъ улицъ, сюда же набрасывались скамейки; газовые фонари и желѣзные кіоски искусно сворачивались желѣзными ломами и также валились. Омнибусы и экипажи останавливались, лошадей выпрягали, кучеровъ съ лошадьми прогоняли съ крикомъ и хохотомъ, а экипажи тащили на баррикады, живо обливали керосиномъ и поджигали. Кучера относились къ этому безобразію довольно благодушно. Всѣ магазины, занимающіе въ Парижѣ нижніе этажи, вокругъ были наглухо заперты, но окна верхнихъ этажей, наоборотъ, открыты, и тысячи головъ спокойно любовались на безсмысленную порчу общественнаго и частнаго имущества.

Мы стояли около часа глядя на эту работу и только дивились, что среди такой столицы въ богатой ея части могутъ твориться такія чудеса, но не успѣли мы обмѣняться подобными мыслями,

какъ на баррикадѣ по направленію отъ бульвара Сенъ-Мишель появилась сотня муниципаловъ изъ такъ называемыхъ центральныхъ бригадъ, дюжихъ ребятъ, которыхъ спеціально откармливаютъ для ловли и ареста мошенниковъ и для усмиренія безпорядковъ. Рожи у этихъ полицейскихъ были воспаленныя; говорятъ, что послѣднихъ нарочно поятъ водкою пуская усмирять толпу.

Впереди муниципаловъ шелъ какой-то господинъ въ черномъ сюртукѣ и высокой шляпѣ, съ палкою въ рукахъ, а рядомъ съ нимъ барабанщикъ. Я ждалъ, что officier de la paix сдѣлаетъ обязательныя по закону les trois sommations, т. е. приглашеніе разойтись, и барабанщикъ будетъ барабанить, но дѣло вышло проще. Едва муниципалы спустились съ баррикады, какъ полицейскій офицеръ поднялъ высоко палку и муниципалы, выхвативъ тесаки, начали безцеремонно рубить направо и налѣво толпу; на моихъ глазахъ одному рабочему раскроили щеку, и онъ упалъ обливаясь кровью; понятное дѣло, толпа заорала: Sauve qui peut! и всѣ бросились бѣжать, кромѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ головъ, бросавшихъ въ полицейскихъ камни.

Увлекаемые толпою, мы вбѣжали въ какой-то огромный длинный дворъ; толпа заперла ворота и начала заваливать ихъ. Мы съ Ивановымъ забѣ-

жали по какой-то лѣстницѣ въ пятый этажъ. Ожидая рѣзни во дворѣ, мы простояли тамъ часъ и затѣмъ спустились; во дворѣ никого уже не было и ворота оставались попрежнему запертыми. Какая-то старуха указала намъ, что дворъ имѣетъ выходъ на другую улицу.

Мы пошли по этой улицѣ и, выбравшись черезъ нее на Сенъ-Жерменскій бульваръ, прошли почти до медицинской академіи; здѣсь мы опять встрѣтили большую толпу, очевидно зѣвакъ. Увидя впереди толпы артиллерійскаго офицера, мы стали около него, полагая, что это сосѣдство обезпечитъ наше мирное глазѣніе. Пока мы болтали, совсѣмъ съ противоположной стороны показался отрядъ муниципаловъ съ голыми тесаками и воспаленными и возбужденными рожами.

При видѣ муниципаловъ толпа шарахнулась и, что меня поразило: мой офицеръ сталъ удирать первымъ съ быстротою зайца. Тутъ п я и мой товарищъ сообразили, что дѣло не шутка, подавай Богъ ноги и также обратились въ постыдное бѣгство, вспомнивъ молдаванскую пословицу, что «бѣгать стыдно, но здорово». Къ счастью нашему, черезъ полверсты мы случайно встрѣтили пустой фіакръ, поскорѣе въ него вскочили и приказали везти себя во всю прыть на правую сторону Сены, подальше отъ грѣха.

Къ вечеру было объявлено осадное положеніе; по желѣзной дорогѣ привезли пятнадцать тысячъ человѣкъ кавалеріи, которая концентрическими разъѣздами очистила улицы отъ всѣхъ буяновъ, и безпорядки прекратились. Рабочіе кварталы такъ и не тронулись. Для правительства, которымъ руководилъ Дюпюи, одинъ изъ немногихъ трезво смотрящихъ на вещи французскихъ государственныхъ людей, безпорядки были даже полезны, позволивъ отдѣлаться отъ Bourse du travail. Она была закрыта. Я ѣздилъ съ А. С. Суворинымъ смотрѣть на это зданіе, о которомъ столько было разговоровъ въ эти дни. Оно было заколочено; чтобы не дать никому предлога входить въ него, даже консьержа заставили выѣхать. Огромная толпа зѣвакъ стояла, конечно, на противоположномъ тротуарѣ и какъ будто чего-то ждала. Это любопытство продолжалось еще нѣсколько дней.

XVI.

Литературная дѣятельность и бюрократія.

Парижъ—этотъ «мозгъ вселенной»—по изреченію Виктора Гюго — что-то плохо сталъ работать по умственной части, хотя типографіи печатаютъ чрезвычайную массу книгъ. Каждый годъ выборы въ Академію дѣлаются все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Во Франціи появилось множество мелкихъ поэтовъ, что всегда указываетъ на паденіе литературы, и не мало уже академиковъ, сочиненія которыхъ рѣшительно никому не извѣстны, кромѣ записныхъ библіофиловъ. Въ наукѣ, въ философіи давно уже рѣшительно нѣтъ ничего выдающагося; шарлатанскія открытія Пастера по части прививки собачьяго бѣшенства были послѣднею пробою обратить на себя вниманіе со стороны европейскихъ ученыхъ. Въ романѣ, кромѣ фабричной рутины и Зола, стоящаго какъ волканъ среди тысячи низкихъ

посредственностей, образовались двѣ школы: декадентовъ и символистовъ, обѣ одинаково вычурныя и безсодержательныя. А слогъ! Языкъ Вольтера устарѣлъ теперь, какъ языкъ Остромірова Евангелія; вся литература и общество употребляютъ argot.

Для того, чтобы показать образецъ современнаго романо-писанія, беру отрывокъ изъ книги, признанной за оригинальную:

«Хорошій голосъ у женщины доказываетъ здоровое состояніе яичниковъ, равнодушіе ко всему—ослабленіе orchides, болтовня—растяженія железъ. Для физіолога лѣнивый работникъ имѣетъ мускулы таза слишкомъ жирные; отважность есть раздраженія солнечнаго сплетенія, а вялость характера зависитъ отъ большаго или меньшаго количества извести въ костяхъ. Что такое упрямство? Это отвердѣніе тканей мозга. Скромность и тщеславіе зависитъ отъ здоровья копчика, а разслабленная плевра вызываетъ уничиженіе св. Лабра. Когда сердечные клапаны здоровы, человѣкъ услужливъ; большія и меньшія претензіи зависятъ отъ функціонированія лимфатическихъ сосудовъ. Толщина сердечной сумки даетъ безчувственность ростовщика, ипохондрическое состояніе влечетъ къ общественности. Двуличіе зависитъ отъ съуживанія отверстія сердца, а болтовня отъ его расширенія. Щедрость связана съ аортой, вѣжливость зависитъ отъ хорошаго состоянія гортанной щели и глотки. Скаредство не бываетъ безъ тугости сфинктера. Человѣкъ справедливъ или несправедливъ, сообразно тому, заслонки сердца закрываются ли хорошо или дурно. Распухшая щитовидная желѣза совпадаетъ съ хвастовствомъ, а разслабленіе воротной вены вызываетъ неповоротливость. Храбрость и трусость сидятъ въ кишкахъ, спокойствіе и гнѣвъ — въ желчномъ пузырѣ, грусть и веселіе—въ почкахъ. Кто имѣетъ здоровую селезенку, тотъ акуратенъ»...

Неизвѣстно только, избытокъ или недостатокъ чего заставилъ автора написать эти курьезныя строки. Вѣрнѣе всего недостатокъ пищи въ кишкахъ.

Еще болѣе дикимъ слогомъ пишутся стихи. Достаточно прочесть моднаго теперь Маларме. Рѣшительно ничего понять нельзя.

Вотъ образчикъ произведеній современныхъ французскихъ поэтовъ:

Aussi quand près de moi, almes, rytmant son pas,
Passent phénoménaux ses fluctuants appas,
Mon masque se rougit d'une pudeur intense;
Et de la nuque aux pieds, m'érode le tourment
Sanguin d'un fol prurit qui noie en sa tentance
L'anémique Voulu de mon affinement.

Кто бы могъ догадаться, что это описаніе коровы!.. Стихотвореніе такъ и называется Mamelles de la vache.

Между тѣмъ на конгресѣ соціалоговъ въ Парижѣ нѣкто увѣрялъ, что власть въ государствѣ въ будущемъ должна принадлежать литераторамъ, потому что ихъ ремесло, избавляя отъ спеціализаціи, позволяетъ имѣть ширину взглядовъ, необходимую для управленія.

Это смѣшная претензія вызвала мѣткое возраженіе Поль Адама. Французскіе писатели чтобы понравиться дрянной публикѣ, которая безъ этого впро-

чемъ ихъ бы и не замѣтила, ограничиваются, по его словамъ, почти исключительно описаніемъ мелочей половыхъ отношеній. Нѣкоторые это дѣлаютъ съ большимъ талантомъ. «Такая спеціализація и гипнотическое вліяніе женскаго живота на мозги французскихъ романистовъ и поэтовъ представляютъ ли достаточно гарантіи ширинѣ воззрѣній этихъ писателей?» спрашиваетъ Поль Адамъ.

Претензіи французскихъ писателей по части вознагражденія не уступаютъ теперь претензіямъ живописцевъ, о чемъ я говорилъ выше. Вопросъ о гонорарѣ въ литературной собственности, какъ извѣстно, новый. Въ прошломъ столѣтіи Жанъ-Жакъ Руссо писалъ, что каждый человѣкъ, желающій стать литераторомъ, обязанъ дать три обѣта: бѣдности, свободы и правды. А Вольтеръ еще категоричнѣе заявлялъ, что «если есть писатель, который станетъ утверждать, что его ремесло не самое жалкое, самое опасное и самое скверное изъ всѣхъ ремеслъ, то онъ, Вольтеръ, очень бы желалъ видѣть подобнаго чудака!».

Хотя нѣтъ спора, что положеніе писателей со временъ Вольтера и Руссо улучшилось, но Лорье въ «Nouvelle Revue», Нума Дрозъ въ «Revue Suisse» и Руксель въ «Journal des Economistes» доказываютъ однако довольно убѣдительно, что никогда, быть можетъ, писатели не были такъ близки

къ бѣдности и отдалены отъ свободы и правды, какъ въ настоящее время, несмотря на всѣ свои претензіи. Они приводятъ въ доказательство различные факты.

Стиховъ во Франціи не издаетъ ни одинъ книгопродавецъ; кромѣ рѣдчайшихъ исключеній, всякое поэтическое произведеніе печатается на счетъ его автора. Равнымъ образомъ и философскія книги не находятъ издателей. Безъ казеннаго жалованья всѣ философы давно бы умерли съ голоду. Романъ давалъ бы хорошіе заработки, такъ какъ романы читаютъ и покупаютъ, а для большинства женщинъ все образованіе сводится къ чтенію романовъ, но здѣсь барыши нѣкоторыхъ авторовъ и губятъ заработки остальныхъ, ибо привлекаютъ къ роману такую массу труженниковъ, которая ужасно понижаетъ цѣну вознагражденія. Лучше всѣхъ вознаграждаются посредственные романисты, поставщики Petit Journal. Не лучше дѣла на театральномъ поприщѣ. Сочинить пьесу легко, заставить ее сыграть—вотъ въ чемъ затрудненіе. Кромѣ нѣсколькихъ знаменитостей, дѣйствительно обогащающихся, драматическіе авторы платятъ директорамъ театровъ за свои пьесы, а не, обратно, получаютъ гонораръ. Да и занлативши нельзя, при всемъ талантѣ, быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, такъ какъ надобно еще заручиться содѣйствіемъ прессы, которое тоже да-

ромъ не обходится. Въ Германіи положеніе писателей еще хуже.

Журналистика также далеко не Эльдорадо для писателей. «Хотя пресса, говоритъ Лорье, кормитъ много людей, которые были бы гораздо полезнѣе, работая на фабрикахъ или паша землю, хотя ежегодно прибавляются сотни періодическихъ изданій и трудъ въ журналахъ раздробленъ до безконечности, но всѣ мѣста въ редакціяхъ заняты и переполнены. Дѣятелей періодической печати болѣе, чѣмъ потребно для публики, но недостаточно для удовлетворенія всѣхъ желающихъ печататься, потому что бумагомараніе (scribomanie)—болѣзнь нашего вѣка». Лучше всего обставлены въ Парижѣ биржевые хроникеры; такъ какъ ихъ хроника доставляетъ газетѣ отъ 50 до 300.000 франковъ въ годъ, то понятно, что bulletenier себя при этомъ не забываетъ.

Книги самыхъ лучшихъ писателей, если издаются книгопродавцами, то послѣдніе платятъ обыкновенно не болѣе 20 сантимовъ съ экземпляра; даже Зола началъ съ этой цифры и только съ большими усиліями добился, что ему даютъ теперь по 70 сантимовъ съ экземпляра, и это когда книги стали расходиться почти сотнею изданій. Относительно числа изданій не слѣдуетъ, впрочемъ, особенно довѣрять надписямъ на обложкахъ; тутъ гос-

нодствуетъ въ Парижѣ порядочный пропзволъ, четвертое изданіе продается иногда ранѣе перваго и бываютъ изданія по полтораста экземпляровъ.

Для того, чтобы судить, какъ относятся къ изданію авторовъ мало извѣстныхъ или неизвѣстныхъ въ Парижѣ, я имѣю собственный опытъ, издавъ въ 1890 г. у Гильомена мою книгу «Les Ministres des finances de la Russie». Фирмою этою, издающею исключительно финансовыя и экономическія сочиненія, вѣдаетъ старая дѣва, дочь и наслѣдница Гильомена. Она еврейка по происхожденію, но если и окрещена, то ее, вѣроятно, крестили въ уксусѣ, такъ она и осталась на всю жизнь кислою и въ придачу сухою въ обращеніи.

Зная французскіе обычаи, я, конечно, предложилъ всѣ расходы изданія принять на свой счетъ, издателю оставалось заботиться лишь о сбытѣ книги. Для этого вышепомянутая дѣвица потребовала у меня уступки 50% съ цѣны и неопредѣленное количество даровыхъ экземпляровъ для раздачи прессѣ. Уступка половины цѣны не удивительна въ Парижѣ, потому что каждая книга только въ книжной лавкѣ издателя продается по номинальной цѣнѣ, другіе книгопродавцы продаютъ ее немедленно съ уступкою 25%. Сверхъ того, отъ меня потребовали, что платежъ денегъ будетъ пропзводиться только по истеченіи года, «чтобы не пу-

тать счетовъ». Само собою, что годъ прошелъ и никакихъ мнѣ денегъ не присылалось; когда же я потребовалъ разсчета, то мнѣ выдали только двѣ трети изъ половины вырученныхъ денегъ. Когда я спросилъ m-lle Гильоменъ, зачѣмъ такое удержаніе, она мнѣ отвѣтила, что это во избѣжаніе возможныхъ отъ книги убытковъ.

— Какіе же у васъ могутъ быть отъ моей книги убытки, когда я оплатилъ ея изданіе впередъ сполна, замѣтилъ я; — если бы только одинъ экземпляръ ея продался, то и тогда вы не остались бы въ убыткѣ.

— У насъ уже такой въ Парижѣ обычай, и мы не можемъ измѣнять его для васъ, отвѣтила она.

Книга была щедро разослана всѣмъ выдающимся экономистамъ и многіе написали о ней. Но изъ чтенія всѣхъ рецензій—нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр., въ «Journal des Economistes» были довольно обширныя, я убѣдился, что критики—tout comme chez nous—книги моей не читали, читали только предисловіе; большинство обратило вниманіе, что послѣдняя глава ея писана о Вышнеградскомъ, бывшемъ тогда министромъ финансовъ, и подъ видомъ разбора книги написало ему плоскія панегирики. Очевидно, критики ожидали за это, и совершенно напрасно, великихъ и богатыхъ милостей.

Французскія газеты за малыми исключеніями

состоятъ изъ рекламъ и репортерскихъ замѣтокъ. Даже «Journal des Débats» не издается уже съ прежнимъ академическимъ изяществомъ. Многія газеты существуютъ только по названію, чтобы получать для ихъ издателей подачки изъ банковъ и большихъ обществъ и даровыя кресла въ театрахъ.

Не могу не выразить удивленія искусству парижскихъ репортеровъ. Какъ-то одинъ изъ редакторовъ «Soir» зашелъ ко мнѣ около 5 часовъ поговорить о моей незадолго передъ тѣмъ вышедшей книгѣ «Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ», разборъ которой онъ прочелъ въ «Éclair», очень теперь бойко расходящейся газетѣ. Газета «Soir» выходитъ въ 9 часовъ вечера. Каково было мое удивленіе найти въ тотъ же день въ газетѣ статью не менѣе 200 строкъ, содержавшую весьма толковую передачу происходившаго разговора. Все это было написано и напечатано менѣе чѣмъ въ четыре часа!

Это, впрочемъ, рѣдкій примѣръ не только толковаго, но и образованнаго репортера; онъ состоялъ однимъ изъ политическихъ редакторовъ газеты. Но не малое число парижскихъ репортеровъ-борзописцевъ отличается круглымъ невѣжествомъ, которому могли бы позавидовать наши репортеры и рецензенты.

Одна изъ газетъ, описывая обѣдъ, данный рус-

скою журналистикою по случаю прибытія въ Парижъ русскихъ моряковъ, пыталась сдѣлать очеркъ русскихъ политическихъ партій. Она увѣряла своихъ соотечественниковъ, что la grande partie nationale въ Россіи образуютъ général Taticheff, major Childer, le tambour Kartzeff, sans compter le professeur Drachevsky, le représentant des classes intellectuelles!! Подъ этою фантастическою номенклатурою надобно разумѣть публициста С. С. Татищева, извѣстнаго историка генерала Шильдера, бывшаго нашего консула въ Рущукѣ г. Карцева и бывшаго профессора Трачевскаго, который, я думаю, очень бы оскорбился, прочитавъ что его считаютъ въ Европѣ славянофиломъ.

Еще лучше отличился репортеръ «Gaulois», газеты, вообще недурно издаваемой на средства Орлеанскаго дома евреемъ Мейеромъ, считающимъ себя однимъ изъ корифеевъ монархической партіи. Репортеръ зашелъ въ Grand Hôtel къ г. Суворину интервьювировать его о современномъ положеніи Россіи. Г. Суворинъ, зная склонность репортеровъ къ вранью, отдѣлывался общими фразами; между прочимъ онъ сказалъ, что съ развитіемъ грамотности замѣтно увеличивается въ Россіи число подписчиковъ газетъ. Каково же было удивленіе издателя «Новаго Времени», когда на другой день онъ нашелъ въ «Gaulois» въ числѣ прочихъ приписан-

ныхъ ему курьезныхъ мнѣній, заявленіе, что будто бы въ Россіи теперь просвѣщеніе такъ распространилось que chaque matin le moujik après avoir prie son chocolat lit son journal! Этакую ерунду и за деньги не придумаешь.

Французскіе журналисты не знаютъ даже, что у насъ отмѣнено крѣпостное право; по крайней мѣрѣ еще 18 мая 1898 г. «Gil Blas», описывая, что Гладстонъ въ физическомъ трудѣ находилъ успокоеніе отъ усиленныхъ умственныхъ занятій, прибавляетъ:

«Это та же система, что у Толстого, который среди своихъ изслѣдованій занимается шитьемъ башмаковъ для своихъ крестьянъ, которыхъ онъ, впрочемъ, сѣчетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, раздавая крупные удары кнута (à grands coups de gourbaches) посреди двухъ философскихъ выводовъ»...

Разбирая большую декоративную картину въ Салонѣ 1898 г., изображающую «торжество мира», одна видная газета замѣтила, что въ центрѣ картины помѣщается «l'Empéreur Alexandre III et son ministre M. Martens!»

Еще лучше отличилась «La Fronde», ежедневная газета, издаваемая (редакторша Маргарита Дюранъ) въ защиту женщинъ. Въ № отъ 22 мая 1898 г. напечатано, что будто бы вышелъ указъ,

контрасигнованный par le ministre de l'instruction publique Bagolopow, воспрещающій носить корсеты «всѣмъ ученицамъ въ губерніяхъ Московской и С.-Петербургской, а также дочерямъ чиновниковъ и ученицамъ академій музыки, живописи и другихъ искусствъ»!!

А въ будущемъ министръ будто бы предполагаетъ регламентировать шляпки и заставитъ носить національныя шляпы. Et la raison? спрашиваетъ газета, и отвѣчаетъ: Personne ne connait. C'est tout de même un pays, bien différent du nôtre!!

По случаю столѣтняго юбилея Палацкаго почти всѣ парижскія газеты (впрочемъ и брюссельская «Indépendance Belge») назвали его «знаменитымъ живописцемъ»!

Большинство парижскихъ газетъ живетъ не подпискою или, точнѣе, розничною продажею, а такъ называемой publicité, т. е. объявленіями и рекламами. Самыя дорогія рекламы, конечно, тѣ, которыя помѣщаются въ биржевомъ отдѣлѣ и служатъ для мороченія дураковъ и очищенія кармановъ публики въ пользу еврейскихъ капиталистовъ. Рошфоръ, желая показаться честнымъ, вовсе уничтожилъ въ «Intransigeant», послѣ краха съ африканскими золотыми акціями, биржевую хронику, но и у него установлена плата за publicité за строку: объявленія 3 франка, рекламы $7^1/_2$ франковъ, faits di-

vers отъ 12 до 20 франковъ. Теперь есть газеты, гдѣ чуть не половина листа наполнена рекламами и такимъ образомъ гонораръ получаетъ издатель, а не сотрудники.

Эта реклама подчасъ, несносна и я понимаю слова того француза, который на вопросъ, страдаетъ ли онъ умирая, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, меня успокоиваетъ мысль, что на томъ свѣтѣ я не услышу болѣе ничего ни о grand français (Лессепсѣ), ни о grande française (Саррѣ Бернаръ)...

Первый уже успокоился, но послѣдняя продолжаетъ себя рекламировать на всѣ лады; даже изъ какой-то весьма интимной хирургической операціи она сдѣлала себѣ большую рекламу. По внѣшности Сарра очень теперь измѣнилась; она деклампруетъ съ англійскимъ акцентомъ и о ней нельзя повторить прежнихъ строкъ: qu'elle remplissait mieux ses roles que son corset и что блохи умирали съ голоду на ея тѣлѣ. Сарра на старости получила довольно круглыя формы.

Не смотря на рекламы, Саррою Бернаръ, какъ и такимъ же рекламистомъ Кокленомъ интересуются мало, болѣе въ буржуазныхъ кругахъ. Tout Paris все болѣе и болѣе предпочитаетъ театру литературные кабачки Монмартра; возникло также множество мелкихъ театровъ, поощряющихъ якобы

начинающіе таланты, а въ сущности лишь проводящіе тенденціи извѣстнаго кружка, или разсчитывающіе на скандалъ. Изъ послѣднихъ обратила на себя вниманіе попытка Шпрака, извѣстнаго ранѣе своими шантажными обличеніями выдающихся финансовыхъ дѣятелей, устроитъ Théâtre réaliste. Въ этомъ театрѣ изображались на сценѣ въ одной пьесѣ роды, а въ другой изнасилованье, съ цинизмомъ, далеко оставляющимъ за собою самыя смѣлыя комедіи Конгрива и Уичерли. Публика возмутилась и судъ приговорилъ Шпрака и главную исполнительницу его комедій къ тюремному заключенію, но такъ какъ театральную цензуру, такъ называемую Anastasie, навѣрное при торжествѣ радикаловъ уничтожатъ, то Шпраку, какъ родоначальнику новаго жанра, воздвигнутъ пожалуй современемъ монументъ и мало-по-малу репертуаръ réaliste войдетъ въ общій обиходъ.

Театральная цензура до сихъ поръ почти не касалась монмартрскихъ представленій и потребовалось вмѣшательство опасавшихся конкуренціи директоровъ театровъ, чтобы заставить театральныхъ цензоровъ повнимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ.

Если же цензура не уничтожена, то нисколько не изъ-за заботъ о нравственности, а потому что цензора чиновники, а всѣ реформы въ области

администраціи идутъ во Франціи удивительно медленно.

Какъ чиновники французскіе цензора похожи на всѣхъ чиновниковъ въ свѣтѣ; они довольствуются ничтожнымъ жалованіемъ и стараются по возможности работать менѣе. Чиновники также имѣютъ способность размножаться; число казенныхъ мѣстъ удвоилось во Франціи за тридцать лѣтъ, хотя почти каждый депутатъ въ свою избирательную программу вставляетъ непремѣнно децентрализацію и сокращеніе администраціи.

Расположенію чиновниковъ содѣйствуетъ то обстоятельство, что одни и тѣ же предметы вѣдаются одновременно разными вѣдомствами, почему требуется, хорошо знакомое намъ, «соглашеніе» разныхъ вѣдомствъ, служащее предметомъ безконечныхъ «пререканій» и безконечныхъ бумагомараній. Кто бы повѣрилъ, что статуи въ паркахъ принадлежатъ въ Парижѣ министерству народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ, а цоколи подъ этими статуями министерству публичныхъ работъ; музеи принадлежатъ первому министерству, зданія музеевъ—второму. Поэтому никогда еще не удавалось, чтобы стекла въ окнахъ музеевъ были вымыты одновременно съ двухъ сторонъ. — «Это превосходитъ силы французской администраціи»,

остроумно замѣтилъ Пельтанъ въ палатѣ депутатовъ.

Мнѣ неоднократно случалось по официальнымъ дѣламъ навѣщать французскія министерства. Прескучное занятіе.

У министровъ въ пріемной залѣ, конечно, огромная толпа, а такъ какъ сенаторы и депутаты влѣзаютъ безъ доклада и внѣ очереди, то простымъ смертнымъ приходится ждать подолгу. Министры принимали просто и любезно, но никогда не знали предмета, о которомъ я ихъ спрашивалъ, не зналъ даже ихъ Гюйо, единственный, кажется, министръ республики, просидѣвшій почти три года подрядъ на мѣстѣ. Это незнаніе понятно, такъ какъ министры выбираются изъ депутатовъ, а послѣдніе считаются годными для всякихъ спеціальностей. Министры отсылали меня къ своимъ chefs de cabinet—нѣчто среднее между правителями канцеляріи и секретарями; эти знали еще меньше и со своею карточкою адресовали обыкновенно къ директорамъ департаментовъ.

Директора сидятъ долго на мѣстахъ и знакомы съ дѣломъ, но бѣда въ томъ, что ихъ никогда нельзя застать на службѣ. Они не являются ранѣе 3 или 4 часовъ, и полчаса спустя никого уже нѣтъ. Начальники отдѣленій и столоначальники сидятъ въ огромныхъ роскошныхъ кабинетахъ, нерѣдко

съ зелеными нарукавниками, чтобы отъ усерднаго писанія не истереть рукавовъ, но это одна комедія, такъ какъ пишутъ они очень мало.

Въ 1871 г. Національное Собраніе вотировало акцизъ съ керосина и другихъ нефтяныхъ маселъ; въ 1874 г. я хотѣлъ узнать подробности взиманія этого налога, оказалось, что правило взиманія (le réglement) еще не выработано. Налогъ былъ потомъ отмѣненъ, а злополучный регламентъ, кажется, такъ и не былъ выработанъ.

Увеличенію переписки содѣйствуетъ еще и то, что во Франціи за малыми исключеніями мѣстная администрація подчинена министерству не иначе какъ посредствомъ префекта, а префекты постоянно мѣняются по политическимъ соображеніямъ и само собою не могутъ быть компетентны и опытны въ массѣ спеціальныхъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію.

Примѣру чиновниковъ слѣдуютъ отчасти и въ частныхъ администраціяхъ. Какъ-то мнѣ нужно было по одному вопросу видѣть главнаго секретаря Большой Оперы, которая во Франціи полуказенное учрежденіе; я имѣлъ внушительную рекомендацію, но никакъ не могъ передать ее, потому что секретаря никогда не было на службѣ. Выведенный изъ терпѣнія, я написалъ ему рѣзкое письмо, выставляя на видъ крайнее неприличіе его

вѣчнаго отсутствія. Онъ, конечно, назначилъ часъ пріема, на этотъ разъ не манкировалъ и извинялся все тѣмъ же изобиліемъ занятій, хотя главное его занятіе состоитъ, кажется, въ выдачѣ печатныхъ бланковъ для входа за кулисы во время балетныхъ спектаклей лицамъ, не имѣющимъ годового абонемента.

Кстати прибавимъ, что французскіе чиновники превосходно описаны въ мало извѣстномъ романѣ покойнаго Габоріо «Nos gens de bureaux». Это, впрочемъ, фотографія чиновниковъ всего міра, такъ какъ, повторяю, чиновники повсюду имѣютъ много общихъ чертъ. Лучше всего глава, гдѣ описано какъ министръ осуществляетъ, наконецъ, давно задуманныя реформы своего министерства, состоящія въ томъ, что тамъ, гдѣ были комнаты для занятій, дѣлаютъ корридоры, а гдѣ были корридоры устраиваютъ комнаты для чиновниковъ, послѣ чего никто уже не можетъ отыскать ни своего стола, ни своихъ шкафовъ и всѣ дѣла окончательно останавливаются.

XVII.

Домашняя жизнь въ Парижѣ.

Путешественники обыкновенно описываютъ въ Парижѣ соборы, монументы, бульвары, театры, гулянья и др. проявленія общественной жизни. Я хочу сказать нѣсколько словъ о мелочахъ повседневной парижской жизни, которая не лишена интереса, такъ какъ имѣетъ мало общаго съ нашею россійскою и даже петербургскою.

Года четыре назадъ я случайно встрѣтился въ вагонѣ съ одною актрисою Михайловскаго театра и сообщилъ ей, что, кажется, уже въ двадцать пятый разъ совершаю путешествіе въ новый Вавилонъ.—«Какой же вамъ расчетъ жить по мѣсяцамъ въ гостинницѣ, когда теперь отели въ Парижѣ нипочемъ, — сказала она.—Живописцы настроили ихъ въ надеждѣ на заказы картинъ отъ американскихъ милліонеровъ, а теперь отдаютъ

дома чуть не даромъ; за сорокъ тысячъ франковъ мой кузенъ архитекторъ отыщетъ вамъ сейчасъ же отель».

Какъ Адамъ соблазнился пустою болтовнею Евы, такъ и я соблазнился вышеозначенною фразою, но на повѣрку оказалось, что хотя живописцы. дѣйствительно, разорились и что маленькіе отели предлагаются въ продажу десятками, но самые мизерные изъ нихъ, на одну квартиру, стоятъ 60 тысячъ франковъ и годятся только для кокотокъ, состоя изъ спальной, гостиной и столовой; отели получше съ ателье стоятъ отъ 100 до 150 тысячъ франковъ; отель, тоже на одну квартиру, гдѣ можно имѣть удобства хорошей частной квартиры, продается не дешевле 300.000, а совсѣмъ хорошій тысячъ 700 франковъ. Считая проценты на капиталъ, жизнь въ своемъ отелѣ стоитъ въ Парижѣ, вдвое дороже, чѣмъ въ наемной квартирѣ, и требуетъ гораздо болѣе прислуги. Въ маленькомъ отелѣ къ тому же всего одна лѣстница и можно сгорѣть живымъ.

Разница въ цѣнѣ на отели одинаковой величины зависитъ, конечно, отъ мѣстоположенія. Парижъ, не считая окружающихъ его большихъ городовъ: Нельи, Булонь, Левалуа и проч., не великъ; онъ имѣетъ менѣе 12 верстъ въ длину и 11 въ ширину, все это пространство плотно застроено; при этомъ

городъ, по извѣстному міровому закону, распространяется на западъ: опустѣвающая восточная часть его населяется фабричнымъ и ремесленнымъ людомъ. Въ центрѣ и въ ближайшихъ къ Сенѣ новыхъ кварталахъ кипитъ торговая жизнь и для отелей остаются кварталы около парка Монсо и въ Отейлѣ.

Въ первомъ поселяются въ отеляхъ болѣе les femmes entretenues, а во второмъ, болѣе удаленномъ отъ центра, мирныя буржуазныя семейства. Есть еще отели въ кварталѣ Елисейскихъ полей, но тамъ земля стоитъ 1.000—2.000 франковъ за метръ и доступна лишь милліонерамъ. Но и въ окраинныхъ кварталахъ Монсо и Отейля цѣна земли колеблется отъ 300 до 600 франковъ за метръ и потому сооруженіе отеля стоитъ самое дешевое столько же, сколько и земля подъ нимъ. Поэтому, во всѣхъ тѣхъ улицахъ, гдѣ цѣна земли поднялась выше 300 франковъ, становится выгодно маленькіе отели срывать и воздвигать на ихъ мѣстахъ большіе дома, maisons de rapport, дающіе гораздо болѣе дохода.

Въ поискахъ за отелями я узналъ нѣкоторые оригинальные французскіе пріемы, касающіеся недвижимости. Прежде всего, въ виду сложности процедуры, необходимо имѣть повѣреннаго или avoué, лично съ вами никто не желаетъ разговаривать

и въ такихъ случаяхъ выставляетъ своего повѣреннаго. Когда я нашелъ такого avoué, мы попробовали купить отель съ торговъ. Одинъ мой пріятель, хитрѣйшій изъ грековъ, для торговъ выбралъ день избранія президента республики; очевидно, онъ явился одинъ и купилъ отель за полцѣны; я не былъ такъ сообразителенъ и каждый разъ меня на торгахъ перебивали.

Камера нотаріусовъ, гдѣ происходятъ торги, учреждена еще въ средніе вѣка; она помѣщается въ старинномъ зданіи и въ ней сохранились отъ древности оригинальные пріемы. Такъ, при объявленіи торга зажигается огарокъ; пока онъ горитъ, каждый можетъ черезъ своего avoué набивать цѣну, но разъ огарокъ потухъ, домъ остается за послѣднимъ предложеніемъ, молотка нѣтъ.

Мнѣ надоѣло смотрѣть на потуханіе огарковъ, avoué предложилъ другой пріемъ. — «Пойдемъ къ controleur des contributions (податному инспектору) и посулимъ ему что-нибудь; онъ знаетъ всѣхъ, кто неаккуратно платитъ налоги, а, слѣдовательно, нуждается въ деньгахъ». Такъ мы и сдѣлали; черезъ нѣсколько дней контролеръ, посовѣтовавшись съ товарищами, указалъ намъ на какого-то старца, лечившаго свои ревматизмы въ Версали и потому уже нѣсколько лѣтъ державшаго свой отель въ Парижѣ пустымъ.

Старику написали, чтобы онъ пріѣхалъ къ нотаріусу получить задатокъ и отдать отъ входныхъ дверей ключъ. Эта передача ключа и считается какъ бы фактическою передачею дома во владѣніе.

Для оформленія этого и, вообще, всей покупки, нужно, конечно, участіе нотаріуса. Должности нотаріусовъ во Франціи покупаются и въ Парижѣ нотаріусы имѣютъ тысячъ по двѣсти франковъ дохода, поэтому это господа важные; ихъ никогда въ конторѣ не застанешь, они или на скачкахъ, или у своихъ любовницъ, и приходится долго ждать, послѣ чего васъ принимаютъ развалясь и едва удостоивая отвѣтомъ на вопросы. Въ получаемыхъ даже большихъ суммахъ нотаріусы никакихъ росписокъ, по обычаю, не даютъ; требовать росписки значитъ какъ бы сомнѣваться въ честности нотаріуса...

Когда мы собрались у нотаріуса, мой avoué, предупредивъ меня, чтобы я ни за что не уступалъ ни сантима, началъ длинную рѣчь о томъ, что намъ дома не нужно, а покупаемъ мы его такъ, чуть не изъ любезности.

— Ваше краснорѣчіе излишне,—прервалъ его нотаріусъ,—мы согласны на нашу цѣну.

Вслѣдствіе залоговой операціи, такъ какъ я купилъ домъ съ разсрочкою платежа, документы по

этому дому оставались нѣсколько мѣсяцевъ у нотаріуса. Я не имѣлъ въ рукахъ рѣшительно никакихъ доказательствъ, что я собственникъ дома. Я выразилъ сомнѣніе, что документы могутъ потеряться, сгорѣть, ихъ украдутъ.

— Помилуйте, у меня въ конторѣ есть документы со временъ Мольера,—отвѣчалъ нотаріусъ,—и ничего никогда не пропадало и пропасть не можетъ. Къ чему же росписки?

Судебные процесы показываютъ, однако, что и французскіе нотаріусы не безъ грѣха, особенно въ провинціи. Но противъ обычаевъ во Франціи идти нельзя.

Формальностями нотаріуса все дѣло и кончается; ввода во владѣніе не существуетъ, вообще роль полиціи въ Парижѣ совершенно не замѣтна по отношенію къ домовладѣльцамъ и квартирантамъ. За четыре года никто меня ни разу не спрашивалъ: откуда я взялся, почему владѣю домомъ, моего паспорта не требовали, нигдѣ меня не прописывали и, вообще, полицейскихъ, иначе, какъ на улицахъ, я не видалъ.

Зато, чуть не ежедневно посѣщаютъ домъ разные inspecteurs des services и при помощи консьержа, съ которымъ, вѣроятно, сносится и полиція, сочиняютъ протоколы о количествѣ употребляемой воды, газа, электричества, очисткѣ нечистотъ и т. д. Всѣ

эти вещи монополизованы въ Парижѣ большими обществами или городомъ и потому обходятся не дешево и бюрократія тутъ страшная, хотя все идетъ исправно. Замѣчательно, что въ Парижѣ не дѣлается разницы между частями города. У насъ для Думы и полиціи существуютъ только Невскій и Большая Морская. Почти на каждомъ шагу стоятъ тутъ полковники и машутъ руками проѣзжающимъ экипажамъ, эти улицы только чистятся и метутся. Въ Парижѣ полковники командуютъ полками, но даже самыя отдаленныя части города содержатся одинаково исправно и роскошно, какъ и центральныя.

При покупкѣ дома надобно быть очень осторожнымъ и слушать внимательно, что читается у нотаріуса передъ подписываніемъ актовъ, потому что, благодаря тѣснотѣ и дороговизнѣ земли, почти всѣ дома въ Парижѣ обременены сервитутами и перечисленіе этихъ сервитутовъ составляетъ цѣлые томы, cahiers de charge, прописываемые въ купчихъ. Случается, что вамъ только принадлежитъ крыша и наружныя стѣны, а боковыя стѣны у васъ общія съ двумя сосѣдями, или цѣлый этажъ флигеля вашаго дома покоится на двухъ этажахъ сосѣдняго дома или, наоборотъ, чужое жилье построено на вашей конюшнѣ и т. п. Все это необходимо твердо помнить, такъ какъ нерѣдко въ cahiers de charge

включено обязательство, что если вашъ сосѣдъ начнетъ перестраивать свой домъ, то вы обязаны принять пополамъ расходъ на общія стѣны, а до того жить какъ Paul и Virginie на вольномъ воздухѣ.

Расходы при покупкѣ дома огромные. Кромѣ платы разнымъ посредникамъ и нотаріусу, приходится уплачивать большія крѣпостныя пошлины; все это составляетъ до 10 процентовъ съ цѣны и затрудняетъ перепродажу недвижимостей.

Купивъ домъ, надобно его отдѣлывать и меблировать. Отдѣлываютъ квартиры въ Парижѣ сравнительно съ нами съ гораздо большею роскошью, такъ какъ изъ оконъ дуетъ, стѣны тонкія и полы одиночные, почему необходимы ковры и драпировки во всѣхъ комнатахъ. Затѣмъ французы любятъ уставлять комнаты разными мелочами—bibelots. Въ отдѣлкѣ свирѣпствуетъ мода. Надобно и квартиру одѣвать по модѣ подъ страхомъ прослыть человѣкомъ безъ вкуса и дикаремъ. Теперь, напримѣръ, въ модѣ только или стиль Людовика XVI или Генриха II, а для кабинетовъ style moderne, заимствованный отъ англійскихъ крестьянъ; поэтому люди, желающіе идти съ вѣкомъ, прямо продаютъ за безцѣнокъ всю обстановку своихъ квартиръ и покупаютъ новую.

Понятно, что при такихъ условіяхъ мебельщи-

камъ и обойщикамъ раздолье. Мебельщиками занятъ цѣлый кварталъ Faubourg St.-Antoine, нѣкогда центръ парижскихъ революцій, а обойщиковъ въ Парижѣ безчисленное множество на всѣхъ улицахъ, только, кажется, что краспльщиковъ — teinturiers и аптекарей еще больше; послѣдніе всѣ непремѣнно pharmaciens de 1-re classe и неизвѣстно, гдѣ скрываются аптекари 2-го класса. Несмотря на изобиліе, говорятъ, нѣтъ выгоднѣе помѣщенія какъ давать деньги на устройство новыхъ аптекъ.

Мебельная матерія въ Парижѣ, конечно, дешевле нашего, но отдѣлка квартиры зависитъ прямо отъ того, у моднаго или немоднаго мебельщика и обойщика вы заказываете вещи. У моднаго, напр. Janson, все впятеро дороже и въ счетахъ каждый гвоздь пишется отдѣльно. Заказы исполняются также очень медленно.

Великимъ спасеніемъ служитъ въ Парижѣ громадный ежедневный аукціонъ, происходящій въ такъ называемой Salle Drouot, особомъ домѣ, состоящемъ подъ наблюденіемъ Chambre de comissaires priseurs и гдѣ иногда одновременно происходятъ аукціоны въ восемнадцати залахъ и на дворѣ.

Здѣсь тоже мода и разныя уловки имѣютъ значеніе. Вслѣдствіе моды, теперь старый фарфоръ и

гобелены очень дороги, картины и бронза дешевы. а вещи китайскія и японскія и мебель всѣхъ стилей, кромѣ Louis XVI и Henri II, нипочемъ. Аукціонисты, входя въ стачки съ оцѣнщиками, наживаютъ сотни тысячъ франковъ. Дѣло оцѣнщиковъ, между которыми есть удивительные знатоки, муспировать вещи. «Messieurs, vous regretterez», говорятъ они, видя, что публика не идетъ на какую-нибудь дрянь. Отъ аукціониста же зависитъ пустить вещь, когда публики много или мало, поскорѣе ударить молоткомъ для пріятеля, или, наоборотъ, набавить цѣну, выхваляя вещь.

Помощникъ аукціониста начинаетъ обыкновенно съ фразы: «Numéro un tel, on demande mille francs, il y a un amateur à cinq cents». Видя, что никто не отзывается, онъ быстро говоритъ: «Alors à cent, à vingt? Commençons par trois francs, ou par le prix que vous voulez!» Менѣе франка предлагать и набавлять нельзя. Замѣчательно, что нѣтъ той дряни, которая не нашла бы себѣ покупателя, но купить вещь что-нибудь стоющую совсѣмъ дешево нельзя и всѣ разсказы объ этомъ — вранье. Дѣло въ томъ, что въ каждой залѣ сидятъ представители большихъ магазиновъ bric-à-brac; они другъ передъ другомъ цѣнъ не набиваютъ, но какъ только торгуется новая для нихъ физіономія, такъ они сейчасъ прибавляютъ цѣну, предпочитая лучше оста-

вить вещь навремя за собою, нежели отдать ее публикѣ дешево и тѣмъ пріучить не обращаться въ ихъ магазины, гдѣ тѣ же вещи стоятъ втрое дороже. Люди опытные покупаютъ поэтому вещи въ Друо не лично, а черезъ особыхъ агентовъ, знающихъ всѣ trucs ремесла. Въ случаѣ ошибокъ, корпорація commissaires priseurs отвѣчаетъ деньгами. Дюма получилъ 30,000, когда ему за Коро продали картину Трульябера.

Продажа вещей, напр., картинъ, по сто, двѣсти тысячъ франковъ вовсе не рѣдка, денегъ въ Парижѣ множество. Русскихъ болѣе всего поражаетъ продажа книгъ: рѣдкія изданія, вовсе съ виду не казистыя, продаются ежедневно по нѣсколько тысячъ франковъ. А кромѣ Друо для книгъ въ Парижѣ имѣется еще каждый день спеціальный аукціонъ около Пале-Рояля.

Страхованіе домовъ и движимостей обходится въ Парижѣ чрезвычайно дешево, зато прямые налоги велики, особенно если присоединить къ нимъ и надбавочные городскіе сборы. Налогъ съ недвижимостей, съ квартирной платы, съ оконъ и дверей составляетъ болѣе полутора процентовъ съ цѣнности дома, а дома рѣдко даютъ въ Парижѣ болѣе 4—5 процентовъ, а отели и того менѣе. Поэтому не можетъ быть никакого сомнѣнія, что если введутъ еще подоходный налогъ, то масса

иностранцевъ продастъ свои дома и выѣдетъ изъ Парижа и будетъ являться туда только навремя.

Хотя налоги взимаютъ въ два срока, но при своей скупости французы стараются ихъ уплату позатянуть немного; моя консьержа ходитъ акуратно къ податному инспектору, торгуется съ нимъ и ограничивается задатками.

Послѣ налоговъ важная статья расходовъ по дому—ремонтъ. У насъ, что бы ни случилось, позовутъ какую-то бороду, который, идетъ ли дѣло о картинѣ Рафаэля или о печной трубѣ, все это кое-какъ поправитъ «маненько», криво и косо, зато за полтинникъ. Въ Парижѣ совсѣмъ не такъ. Лопнетъ, положимъ, водопроводъ; водопроводчикъ только опредѣлитъ, гдѣ труба испорчена, а спаять трубу долженъ другой мастеръ свинцоваго дѣла; если же нужно трубу окрасить, то зовутъ еще маляра, при чемъ каждый изъ этихъ субъектовъ сначала составляетъ смѣту—devis, красиво расчерченную и написанную тремя разными чернилами тетрадь, гдѣ за все полагается отдѣльная плата. Поэтому вмѣсто полтинника починка обходится во сто франковъ.

Можно бы при такомъ порядкѣ сойти съ ума, но есть спасеніе—имѣть на жалованьи годового архитектора; онъ провѣряетъ всѣ счета и безъ милосердія ихъ сбавляетъ: съ нимъ не смѣютъ

спорить. Но въ маленькомъ домѣ архитекторъ обходится дороже сдѣланныхъ имъ сбавокъ. Есть еще удобство: по счетамъ обыкновенно платится разъ въ годъ—послѣ Новаго года.

Въ Парижѣ наружныхъ стѣнъ не красятъ, но каждыя десять лѣтъ домовладѣльцы обязаны вымыть и выскоблить ихъ. Видя, что домъ vis-à-vis рабочіе скоблятъ, я пригласилъ ихъ заодно поскоблить и мой домъ. Рабочіе наотрѣзъ отказались; это-де не ихъ дѣло, не угодно ли условиться съ подрядчикомъ. Послѣ письменныхъ переговоровъ явился ко мнѣ какой-то джентльменъ и обѣщалъ представить смѣту. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ явился съ длинной смѣтой, при этомъ вступилъ въ разговоръ:

— Я читалъ отзовы нашихъ газетъ о вашей послѣдней книгѣ, вы—правы, говоря, что основа французскаго характера жадность.

— Да, тому живое подтвержденіе, отвѣчалъ я, ваша смѣта: въ ней исчислено втрое болѣе чѣмъ нужно.

Мы сторговались, понятно, безъ смѣты, но рабочіе копались нѣсколько дней. Вообще парижскіе мастеровые очень избалованы и работаютъ медленно. Въ одномъ они напоминаютъ нашихъ: обѣщавъ придти въ 7 часовъ утра, являются въ 9, а черезъ часъ никого уже нѣтъ, всѣ ушли завтра-

кать и завтракаютъ съ прохладкою часика два, три. Во время работы поютъ пѣсни и острятъ, но въ концѣ-концовъ дѣлаютъ все не по-нашему—прочно, акуратно, добросовѣстно и со вкусомъ. Подрядчики тяготятся, однако, претензіями и медленностью парижскихъ рабочихъ, которые къ тому же организованы въ могущественные соціалистическіе синдикаты, и предпочитаютъ приглашать рабочихъ иностранцевъ: итальянцевъ, нѣмцевъ и бельгійцевъ.

Въ старыхъ домахъ топятъ еще при помощи каминовъ, потому квартиры тамъ холодны, но всѣ новые дома снабжены калориферами или водянымъ отопленіемъ. Хотя во Франціи каменный уголь на копяхъ дешевъ, но въ Парижѣ отъ заставныхъ пошлинъ и транспортировки въ экипажахъ онъ очень дорогъ, а дрова продаются на фунты, какъ у насъ конфекты. Французскія дрова, однако, не чета нашимъ. У насъ цѣлая вязанка сосновыхъ дровъ сгораетъ въ полчаса, а въ Парижѣ положишь два полѣна дубовыхъ или буковыхъ дровъ и они тлѣютъ всю ночь. Дороговизна топлива такъ велика, что кухни выгоднѣе отапливать свѣтильнымъ газомъ.

Прислуга въ Парижѣ, въ общемъ, по крайней мѣрѣ втрое, если не вчетверо, дороже нашей. Она работаетъ довольно усердно, особенно въ маленькихъ семействахъ и предана интересамъ дома, но

цивилизація уже коснулась ея, каждому нужна особая комната, женская прислуга не желаетъ носить чепчиковъ, des bonnets, и одѣвается по модѣ; всѣ безъ исключенія требуютъ очень вѣжливаго обращенія и обижаются даже, если вы, по русской привычкѣ, не разговариваете съ ними, не любезны и не прибавляете къ каждому приказанію s'il vous plaît. Въ послѣднее время мужская прислуга требуетъ велосипедовъ, мода на которые дошла въ Парижѣ до безумія.

Парижская прислуга ѣстъ гораздо лучше, чѣмъ у насъ чиновники и не какіе-нибудь писцы, но и начальники отдѣленій и даже директоры изъ семинаристовъ. Бутылка краснаго вина обязательна для каждаго и каждой изъ прислугъ къ обѣду и къ завтраку. Никакихъ барскихъ объѣдковъ прислуга, даже въ бѣдныхъ домахъ, ѣсть не станетъ, необходимо готовить особыя блюда. Конечно, вкусы у парижской прислуги свои французскіе, салатъ, напримѣръ, играетъ огромную роль, его къ обѣду приготовляютъ не въ салатникѣ, а прямо въ умывальной чашкѣ. Если прислугу не кормятъ, то ей нужно давать на ѣду minimum мужской по 3 франка, а женской по 2 франка.

Французская прислуга не можетъ обходиться безъ вина, зато она не требовательна насчетъ отопленія; даже въ домахъ, гдѣ есть калориферы,

комнаты прислуги, обыкновенно подъ крышею, не отапливаются и въ морозы. Когда чистятъ комнаты или топятъ камины, окна, даже когда холодно, открываются. Я строго-на-строго запретилъ это дѣлать, но прислуга тайкомъ все-таки растворяла окна, увѣряя меня въ извиненіе, что иначе могла бы задохнуться! Выносливость французовъ насчетъ холода огромная, зимою они гуляютъ въ однихъ пиджачкахъ, разстегнутые. Извѣстно, что и во время знаменитаго отступленія изъ Москвы въ 1812 г. французы лучше перенесли холодъ, нежели поляки и нѣмцы.

Прислугѣ покупается мебель и постельныя принадлежности. Поступившая на мѣсто лѣтомъ горничная требовала купить ей теплое одѣяло, доказывая, что это обязанность хозяина; я усомнился и уѣхалъ осенью изъ Парижа. Оказалось, что горничная спала всю зиму подъ одною простынею и мерзла, только чтобы не купить на свой счетъ одѣяла! Отъ этой-то бережливости во Франціи и скопляются въ народѣ тѣ милліарды, которые затѣмъ ссужаются всему міру, теряясь наполовину отъ очереднаго банкротства разныхъ государствъ.

Очень маленькіе отели обходятся безъ консьержей, соединяющихъ во Франціи обязанности швейцаровъ, старшихъ дворниковъ и управляющихъ домомъ, но уже въ домѣ средней руки имѣется та-

ковой или, вѣрнѣе, таковая. Консьержи самая вліятельная, но и самая дешевая часть прислуги. Они гоняются не столько за жалованьемъ, сколько за квартирой. Если le cordon держитъ въ рукахъ консьержа, то обыкновенно помѣщаетъ въ своей квартирѣ мужа, какого-нибудь служащаго въ частной конторѣ или лавкѣ. Домовладѣльцы предпочитаютъ консьержей, у которыхъ мужья городовые; это внушаетъ страхъ всѣмъ мазурикамъ и разнымъ попрошайкамъ, а послѣднихъ въ Парижѣ сотни тысячъ.

Въ частныхъ домахъ консьержи составляютъ одиннадцатую египетскую язву. Если жилецъ не понравился консьержѣ, онъ не будетъ получать акуратно ни писемъ, ни газетъ, его знакомыхъ не принимаютъ, увѣряя, что нѣтъ дома, а ночью держатъ по получасу на темной лѣстницѣ, прежде чѣмъ tirer le cordon, чтобы открылась дверь на улицу. Иногда вдругъ вамъ отказываютъ отъ квартиры, почему всѣ изъ предусмотрительности живутъ по контрактамъ на три, шесть или девять лѣтъ. Это продѣлка консьержа. Одному моему знакомому консьержа, вѣроятно, имѣвшая дочь въ Одеонѣ, выражала претензію, что его дама «n'a pas un language assez distingué!».

Для домохозяина или владѣльца отеля консьержа, напротивъ, самая преданная душа и какъ цер-

беръ сторожить его интересы. Моя консьержа неоднократно возмущала меня, наивно заявляя: «я не приняла этого господина, у него какъ будто бы былъ счетъ въ карманѣ!» А для являвшихся и въ самомъ дѣлѣ со счетами, у нея всегда отвѣтъ: «со счетами приходятъ въ январѣ», хотя бы разговоръ происходилъ въ февралѣ. Въ отсутствіе ваше консьержа пишетъ, наканунѣ полученія жалованья или когда вышли деньги на расходъ, нѣжныя письма, прибавляя, что по васъ соскучилась и что только ваше присутствіе оживляетъ домъ! Парижане, впрочемъ, не трогаются этими фразами и, уѣзжая надолго, составляютъ всѣмъ вещамъ подробные инвентари—цѣлые томы.

Консьержа имѣетъ своего рода сервитуты; она угощаетъ хозяйскимъ виномъ всѣхъ что-либо приносящихъ или приходящихъ со счетами и работающихъ въ домѣ, зато отъ всѣхъ покупокъ и заготовокъ она имѣетъ пять процентовъ, то, что называется le sou du franc. Величайшее же ея наслажденіе состоитъ въ томъ, что рано утромъ на тротуарѣ, когда сѣрнымъ цвѣтомъ посыпаютъ цоколи домовъ для защиты отъ безчисленныхъ въ Парижѣ собакъ, сходятся mesdames Пиле всѣхъ сосѣднихъ домовъ и здѣсь происходитъ обмѣнъ новостей и перемываніе косточекъ хозяевъ и жильцовъ. Если васъ интересуютъ сплетни, то за сво-

нмъ шоколадомъ вы можете доподлинно узнать, благодаря утреннимъ конгресамъ, всю хронику вашей улицы и даже квартала; кто поздно вернулся и кто съ кѣмъ поссорился: — «La grue du 16 a encore changé d'amant», — «La dame du 7 s'est battu avec son abbé» и т. д. Такъ какъ половина отелей принадлежитъ кокоткамъ и femmes entretenues, то хроника принимаетъ весьма интимный характеръ—не нужно читать и «Gil Blas».

Когда извѣстный писатель Портлисъ бѣжалъ, отъѣздъ его на зарѣ не ускользнулъ отъ всевидящаго ока моей консьержи, которая немедленно подѣлилась подозрѣніями съ сосѣдками.

Такъ какъ въ Парижѣ ежедневно совершаются убійства и притомъ нерѣдко въ оригинальной формѣ—то разрѣжутъ жену на кусочки, то отправятъ убитаго мужа въ чемоданѣ,—и консьержи читаютъ усердно «Petit Journal», гдѣ помѣщаются страшные романы, то имъ постоянно что-то грезится и они васъ держатъ въ постоянномъ страхѣ. То кого-то рѣзали ночью иротивъ сосѣдняго дома, то какіе-то два господина долго смотрѣли на крышу вашего дома, очевидно, съ преступными цѣлями, то приходили таинственныя монахини и, ничего не сказавъ, ушли. При такомъ настроеніи не удивительно, что въ Парижѣ во всѣхъ нижнихъ этажахъ рѣшетки, а на ночь запираются со всѣхъ.

сторонъ, такъ что надобно взломать рядъ дверей, чтобы проникнуть въ спальню.

Благодаря консьержамъ, каждый, а особенно домовладѣлецъ, дѣлается быстро извѣстенъ въ своемъ околоткѣ, малѣйшіе шаги его подмѣчаются и мнѣ никогда не приходилось извѣщать о моемъ пріѣздѣ знакомыхъ моего квартала, они немедленно знали. Вообще кварталы имѣютъ связь и Парижъ представляется, въ сущности, рядомъ небольшихъ городовъ, стоящихъ одинъ около другого; многіе кварталы имѣютъ свою рѣзко опредѣленную физіономію. Даже жизнь въ кварталахъ обходится дороже или дешевле не сообразно ихъ географическому положенію, а по нравамъ обитателей. Въ центральныхъ кварталахъ все дешевле, а не дороже, потому что населяющая ихъ мелкая буржуазія торгуется изъ-за каждаго гроша, въ новыхъ же кварталахъ Marbeuf и Plaine-Monceau, наоборотъ, все дѣлается черезъ прислугу, кокотки даютъ тонъ, и поставщики за все требуютъ дорого, дѣлясь съ прислугою.

Горничнымъ платятъ въ Парижѣ отъ 50 до 70 франковъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Главное занятіе ихъ чистка мебели, такъ какъ въ Парижѣ пыль круглый годъ; чистятъ не по-нашему, помазывая тряпкой, а усердно, раскрывъ, даже зимою, окна настежь, колотятъ мебель, ковры, выворочен-

ныя постели и т. д. Вслѣдствіе такой усиленной чистки и движенія воздуха въ Парижѣ мало моли и ковры и драпировки снимаются разъ въ четыре года и то для машинной очистки сжатымъ воздухомъ.

Мухъ въ Парижѣ очень мало, что зависитъ отъ того, что конюшенъ въ центрѣ города почти не остается. Но удивительно, что въ Парижѣ лѣтомъ имѣются комары, живущіе по деревьямъ не только скверовъ, но и бульваровъ. Они маленькіе, но пребольно кусаются.

Въ полусвѣтѣ, особенно у femmes chic, горничныя, конечно, работаютъ очень много, но, получая на водку по 20 франковъ, а отъ gens chic и по 40 франковъ въ день, онѣ быстро скапливаютъ деньги и переходятъ въ разрядъ мелкой буржуазіи.

У горничныхъ, приходящихъ почти исключительно изъ деревень, имѣются обыкновенно женихи въ провинціи, которые ждутъ, пока ихъ возлюбленныя не скопятъ небольшую сумму, необходимую для приданаго, такъ какъ во Франціи безъ приданаго даже крестьяне не женятся. У меня былъ по этому поводу комическій случай. Я какъ-то въ Salle Drouot купилъ фарфоровый сервизъ, соблазнившись его дешевизною; когда его привезли, консьержа, играющая роль camerіera-major при испанскомъ дворѣ, замѣтила мнѣ, что я напрасно покупалъ сервизъ, потому что, вѣроятно, позабылъ,

что въ прошломъ году уже купилъ таковой и никогда имъ не пользовался. «Это ничего,—сказалъ я, смѣясь, — тотъ пойдетъ въ приданое Лунзѣ». Такъ звали горничную, случайно проходившую въ это время по комнатѣ.

Каково же было мое удивленіе, когда черезъ два мѣсяца я получилъ изъ Парижа письмо, гдѣ Лунза сообщала о своемъ предстоящемъ замужествѣ и о томъ, что она, оставляя меня, проспла не забыть отдать ея сервизъ. Оказалось, что она писала о сервизѣ въ свою деревню, гдѣ-то во Вшивой Шампаньи, и тамъ идея имѣть фарфоровый сервизъ соблазнила кого-то поскорѣе проспть ея руки. Консьержа въ своемъ письмѣ подтверждала фактъ сватовства, практически прибавляя: «само собою разумѣется, что я отдамъ Лунзѣ не тотъ сервизъ, который вы ей обѣщали, а который похуже!»

Поваровъ, конечно, держатъ только очень богатые люди, а кухарокъ найти въ Парижѣ не трудно, потому что всѣ француженки кухарки по призванію; недаромъ французы убѣждены, что «ѣдятъ только во Франціи, въ другихъ же странахъ только жуютъ». Я видалъ самыхъ шикарныхъ кокотокъ, мастерски на кухнѣ переворачивающихъ на сковородѣ своими изящными пальчиками съ раскрашенными и лакированными ногтями омелеты aux fines herbes. Кухарки получаютъ то же, что и гор-

ничныя, но зато воруютъ преписравно, что называется font danser l'anse du panier. Точно также какъ и у насъ, вращаясь около огня, кухарки пріобрѣтаютъ вулканическій темпераментъ, обязательно заводятъ любовныя связи и частенько посѣщаютъ marchand de vin, чтобы утолить нестерпимую жажду. Это даетъ кухаркамъ многочисленныя знакомства и подчасъ полезныя указанія. Одна моя знакомая, отправляясь на скачки, всегда брала tuyaux у своей кухарки и благодаря этому постоянно выигрывала, вопреки противоположнымъ указаніямъ самыхъ записныхъ спортсменовъ.

Провизія въ Парижѣ въ два раза дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, но столъ не обходится въ Парижѣ въ два раза, потому что мясо, котлеты и пр. покупаются приготовленными безъ жиру и костей и столько порцій, сколько нужно на извѣстное число лицъ. Эта привычка брать провизію въ обрѣзъ и служитъ объясненіемъ, почему въ французскихъ семействахъ, кромѣ ближайшихъ родственниковъ, рѣдко кого оставятъ завтракать и обѣдать невзначай, хотя вообще французы довольно гостепріимны.

Кучера, какъ и вездѣ, самая дорогая часть парижской прислуги; это особы весьма дерзкія; они не согласны ни чистить лошадей, ни мыть экипажи, ни убирать конюшню,—для этого содержатся особые конюхи; дѣло кучера воровать на покупкѣ

овса и сѣна и величественно сидѣть на козлахъ въ безукоризненно вычищенномъ цилиндрѣ, при чемъ кучеръ не согласенъ ни ждать васъ въ морозъ, ни стоять во время завтрака и обѣда, а на каждый ге́ras ему требуется по два часа. Даже простые извозчики не занимаются теперь чисткою экипажей и лошадей; даже стоя у колодъ, они только играютъ въ карты у ближайшаго marchand de vin, а для присмотра за лошадьми и для чистки ныли нанимаютъ особыхъ лицъ. Если извозчикъ не окончилъ завтрака, то онъ ни за что не поѣдетъ, развѣ позовешь полицейскаго, а завтракаетъ онъ съ чувствомъ, толкомъ и разстановкою, ему подаютъ и фрукты, и сыръ, и дешевый коньякъ, приготовленный изъ свеклосахарнаго спирта.

Наемныя лошади обходятся въ Парижѣ ровно вдвое дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, а извозчики стоятъ почти втрое. Лѣтъ двадцать назадъ извозчики тутъ ѣздили почти шагомъ, теперь нашли гдѣ-то въ Венгріи отличную породу извозчичьихъ лошадей, выносливую и сильную, хотя съ виду и некрасивую. Это вліяніе большихъ компаній «Petites voitures», «Urbaine» и др., монополизирующихъ постепенно городской извозъ. Компаніи имѣли и другое вліяніе. Когда извозчики были собственниками своихъ лошадей и экипажей, то были са-

мыми ярыми консерваторами и врагами баррикадъ, теперь это первые революціонеры.

Независимо отъ жалованья прислугѣ, конечно, нужно давать награды; это производится разъ въ годъ къ 1-му января и составляетъ обыкновенно мѣсячное жалованье. Étrennes играютъ большую роль въ Парижѣ; вы обязаны къ новому году одарить не только прислугу (но не въ клубахъ), а и всѣхъ близкихъ знакомыхъ, что въ общемъ итогѣ составляетъ порядочный расходъ. Но въ Англіи, говорятъ, праздничная повинность еще выше. Имѣются англичане, которые скрываются къ праздникамъ и дѣлаютъ поѣздки въ Индію, находя, что подобное путешествіе стоитъ дешевле, чѣмъ раздача праздничныхъ подарковъ.

Новаго тутъ ничего нѣтъ. Я зналъ одного русскаго парижанина изъ тѣхъ купцовъ, которые теперь не русскіе, а à la russe, какъ стерлядки. Онъ всегда уѣзжалъ въ Парижъ изъ Петербурга на послѣдней недѣлѣ декабря; такимъ образомъ, извлекая барыши даже отъ разницы стиля Юлія Цезаря и стиля папы Григорія XIII, онъ пріѣзжалъ въ Парижъ послѣ тамошнихъ étrennes, но ранѣе праздничныхъ нашего новаго года. Эта «игра ума» заслужила ему, впрочемъ, въ Парижѣ репутацію d'un pignouf—званіе, ни въ какомъ классѣ по табели о рангахъ не положенное.

XVIII.

Въ полусвѣтѣ.

Въ большой, роскошно убранной спальнѣ, на широкой, низкой кровати, на подушкахъ съ вышитыми наволочками, подъ толстѣйшимъ атласнымъ желтымъ одѣяломъ, покрытымъ кружевами, лежитъ Фуфу—живая, пикантная брюнетка, съ большими умными глазами, съ волосами, выкрашенными въ модный черный цвѣтъ съ рыжеватымъ отливомъ. У Фуфу есть, конечно, и другое имя, но оно извѣстно болѣе судебнымъ приставамъ и ростовщикамъ, когда приходится signer un petit billet. Уже съ 8 часовъ хорошенькая горничная Julia открыла жалузи, опустила занавѣски и поставила около своей хозяйки плато, на которомъ стоитъ тарелка... щей. Иныя пьютъ по утрамъ шоколадъ или чай и ѣдятъ гренки съ масломъ, но Фуфу, родившаяся

въ деревнѣ, въ горахъ Оверни, убѣждена, что soupe au chou даетъ ей силы.

На столикѣ стоитъ будильникъ, лежатъ романы, фіалковыя конфекты pour se parfumer la bouche, машинка для дѣланья лимонада. На кровати разбросаны желтые черепаховые гребни, которые ночью удерживали роскошную шевелюру Фуфу, утреннія газеты, письменныя принадлежности и лежитъ собака.

Этотъ песъ—вѣрнѣйшій другъ; онъ столько видѣлъ, что ничему не удивляется и одинаково ласкается ко всѣмъ многочисленнымъ друзьямъ своей хозяйки. Собакъ мѣняютъ, однако, не рѣже друзей, сообразно модѣ. Была мода на левретокъ, на крошечныхъ терьеровъ, на мопсовъ, недавно еще каждая tendresse имѣла по черному пуделю; теперь обязательно имѣть фоксъ-терьера съ англійскою кличкою.

Поцѣловавъ разъ двадцать собаку, Фуфу, не обращая вниманія на своего ami, который, развалясь въ креслѣ, чиститъ ногти, распечатываетъ полученную корреспонденцію и сортируетъ ее въ двѣ кучки: направо овцы—письма поклонниковъ, налѣво козлища—счета кредиторовъ. Фуфу лишь взглядываетъ на послѣдніе, но первыя или отдаетъ своей опытной Julia для уничтоженія: «au panier!» или немедленно удостоиваетъ отвѣтомъ, выводя

огромныя каракули по діагонали на листкахъ почтовой бумаги, гдѣ кромѣ девиза Фуфу: «Vite et sans secousse» отпечатаны весьма акуратно ея адресъ и № телефона.

Корреспонденція Фуфу по разнообразію можетъ сравниться развѣ съ Коллегіей Пропаганды въ Римѣ: одни письма идутъ въ Буэносъ-Айресъ, другія — въ Петербургъ, третьи — въ Канръ, но большинство, конечно, — въ Парижъ. Окончивъ сортировать корреспонденцію, Фуфу принимается за газеты, начиная прежде всего съ «Gil Blas»— спеціальнаго органа кокотокъ. Нантейль, замѣнившій барона де-Во, каждый день даетъ подробно отчетъ о томъ, что дѣлали наканунѣ les tendresses et celles que l'on aime первой марки, не скрывая интимнѣйшихъ подробностей ихъ жизни. Tendresses не только не обижается такою безцеремонностью, но даже дѣлаютъ автору соотвѣтствующія подношенія, потому что publicité для нихъ безусловно необходима. Женщина, о которой «Gil Blas» не говоритъ, считается уже retirée des affaires или въ такой dèche, что не заслуживаетъ никакого вниманія.

Фуфу съ жадностью просматриваетъ отдѣлъ Potins; она радуется, читая, что ея враги—Tourterelle и La Grande Ida — поссорились со своими amis и уѣхали на островъ Лесбосъ, а пріятель-

ницы—Nini tout court, Ponette и Poupette—обратили на себя вниманіе въ Folies Bergère или на Concours hippique. Но вдругъ ея густыя брови судорожно сжимаются, она видитъ, что Le Diable Boiteux, описывая вчерашнія скачки, замѣтилъ-таки, что она была въ бѣломъ платьѣ, уже разъ надѣтомъ въ этомъ году. «Почему такая любовь къ бѣлому, ужъ не дѣвственница ли случайно Фуфу?»—спрашиваетъ Нантейль.

— «Quel mufle,—замѣчаетъ Фуфу,—я уже хотѣла ему выколоть глаза своимъ зонтикомъ въ прошломъ году, но онъ обѣщалъ быть любезнымъ и даже взялъ за меня у барона сто франковъ на какое-то благотворительное дѣло!»

Пока Фуфу читаетъ газеты, пишетъ письма, уже съ 9-ти часовъ раздаются усиленные звонки,—это все счета изъ магазиновъ и отъ другихъ кредиторовъ. Число ихъ и цифры нисколько не удивляютъ и не волнуютъ Фуфу, иногда только она выражаетъ сомнѣніе, звонитъ, Julia приноситъ ящикъ, гдѣ, въ величайшемъ порядкѣ, лежатъ не только всѣ, когда либо уплаченныя фактуры, но и малѣйшія росписки почтовыхъ конторъ въ посланныхъ заказныхъ письмахъ.

Количество счетовъ объясняется тѣмъ, что femme chic въ Парижѣ, чтобы быть на виду, должна издерживать отъ 200 до 300 тысячъ франковъ въ

годъ, не считая получаемыхъ подарковъ и проигрышей. Прожить менѣе невозможно. Кого ужасаютъ эти цифры, напомнимъ, что уже Дидро находилъ роль кокотокъ, съ соціальной точки зрѣнія, весьма важною и даже полезною. Благодаря ей, жиды и банкиры, по отзыву соціологовъ-философовъ, не могутъ обворовать окончательно весь міръ: кокотки отбиваютъ значительную часть награбленнаго добра и пускаютъ ее въ оборотъ, давая работу множеству трудящагося люда!

Для расходовъ же этихъ женщинъ есть въ каждую эпоху своего рода мѣрило-штандартъ. Что проживали Аспазіи и Лаисы въ Аѳинахъ или кокотки въ Венеціи въ XVI и XVII вѣкѣ — мало извѣстно, но Нюстратенъ, Дюпаркъ, Дарло получаютъ болѣе трехсотъ тысячъ франковъ въ годъ одного жалованья, т.-е. не менѣе директоровъ Брянскаго завода. Это и составляетъ тотъ идеалъ, къ которому стремятся. Фуфу не честолюбива, но и ей нужно тысячъ двѣсти; она не пренебрегаетъ и экономіей: въ дурные года, вмѣсто семи тысячъ, она тратитъ пять тысячъ на свои шляпки и гордится своимъ умѣньемъ жить «немногимъ»!

Кокотокъ de première marque, тратящихъ такія суммы, не очень, впрочемъ, много; число ихъ и въ Парижѣ ограничено, какъ число академиковъ, и колеблется между семидесятью или восьмиде-

сятью. Болѣе весь земной шаръ прокормить теперь не въ состояніи и надобно ожидать, чтобы распахались болота Конго, колонизировались пампасы Южной Америки и эксплоатировались полярныя моря, чтобы новые доходы дали возможность питать роскошь большаго числа этихъ миллыхъ, но весьма прожорливыхъ продуктовъ высшей, утонченной цивилизаціи, безъ которой Парижъ обратился бы въ обыкновенный городъ и пересталъ бы привлекать жуировъ-милліонеровъ со всѣхъ концовъ міра.

По національности, составъ парижскихъ гетеръ разнообразенъ. Это тоже квинтъ-эссенція земного шара *). Имѣются представительницы всѣхъ націй, даже русской, есть американки, креолки и одна турчанка. Жидовки, конечно, отличаются наибольшей roublardise (жаднымъ лукавствомъ), а красивѣйшія по сложенію и умѣнію копить къ старости деньги—фламандки и нѣмки, выдающія себя, конечно, за дочерей Лотарингіи; француженки славятся умомъ и веселостью; парижанокъ между ними мало, потому что парижанки всѣ сухопары и дурно сложены, зато много представительницъ Ліона и

*) Въ древности публичныя женщины почти всегда были иностранки. Въ Библіи иностранки и публичныя женщины почти синонимы. Римскія дамы первыя рѣшились въ своемъ городѣ заняться публичнымъ развратомъ.

южной Франціи. Кромѣ красоты и ума важнѣйшее качество это умѣніе и терпѣніе при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ просить что-либо.

Иностранцевъ поражаетъ, что между знаменитыми кокотками Парижа большинство въ зрѣломъ возрастѣ, а не мало также и старухъ—vieille garde, той старой гвардіи qui se rend toujours, mais ne meurt jamais. Это объясняется отчасти любовью французской молодежи къ старымъ женщинамъ *) и особеннымъ умѣніемъ француженокъ сохраняться до глубокой старости, но въ дѣйствительности ключъ къ разгадкѣ другой. За рѣдкимъ исключеніемъ совсѣмъ молодая женщина не можетъ проникнуть въ очарованный кругъ de la haute bicherie, который, какъ всякая корпорація, является въ извѣстной степени замкнутымъ.

Чтобы вертѣться въ этомъ кругѣ, женщинѣ надобно, какъ сказано, располагать въ годъ отъ 200 до 300,000 франковъ, а очень трудно имѣть, конечно, такую сумму въ своемъ распоряженіи, заработать же ее pour une pauvre petite femme еще труднѣе. Число милліонеровъ, которые готовы бросать сотни тысячъ, вездѣ очень ограничено; боль-

*) Увлеченіе пожилыми красавицами не составляетъ, впрочемъ, исключительной принадлежности французовъ. Прекрасной Еленѣ, когда ее увезъ отъ мужа Парисъ, было сорокъ восемь лѣтъ.

шинство, особенно молодежь, проматываетъ небольшія суммы, а затѣмъ женятся или, разорившись, исчезаютъ съ горизонта. Такимъ образомъ, доходы непостоянны, расходы же неизмѣнны; тутъ-то и спасаетъ кредитъ, одинаково благодѣтельный и для великихъ державъ, и для «маленькихъ женщинъ». Но чтобы имѣть кредитъ на десятки тысячъ въ магазинахъ, особенно у модистокъ, надобно пользоваться извѣстностью, а извѣстность въ Парижѣ не пріобрѣтается скоро, развѣ на театрѣ; для этого нужно время и знакомство во всѣхъ кругахъ, на что опять уходятъ годы. Femme chic должна знать всѣхъ клубменовъ, журналистовъ, директоровъ театровъ, содержателей игорныхъ банковъ, владѣльцевъ первоклассныхъ ресторановъ и т. д., и т. д. Эти знакомства пріобрѣтаются при посредствѣ подругъ и, конечно, интересы послѣднихъ — не допускать конкуренціи новыхъ элементовъ, да еще свѣжихъ.

Поэтому, обыкновенно, первые года блистающія теперь нарядами въ Парижѣ женщины пребывали въ неизвѣстности — прачками, актрисами, гувернантками или горничными, затѣмъ шелъ періодъ новиціата, когда при помощи какого-нибудь опытнаго lancеur'а, или, просто, ростовщика, или старой кокотки, молодая куколка обращалась въ бабочку. Окончательное посвященіе въ орденъ слѣ-

дуетъ лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ. При этомъ, конечно, изъ собственной меблированной квартиры приходится переѣзжать въ отель, на что, даже при наемномъ отелѣ, требуется тысячъ сто или полтораста на обстановку.

Почти по тѣмъ же причинамъ знаменитыя актрисы Парижа почти все старыя бабы — Сарра Бернаръ, Рейшамберъ, Тессандье, Барте, Гранье, Режанъ, Розита Мори и пр. Молодымъ директора театровъ даютъ десять тысячъ франковъ жалованья, а требуютъ отъ нихъ туалетовъ на тридцать.

Фуфу тоже достигла своего положенія не сразу; прежде чѣмъ носить ночныя рубашки Empire, которыхъ талія и рукава состоятъ изъ однихъ кружевъ, она вышивала гдѣ-то въ провинціи, пока какой-то докторъ не увезъ ее въ Парижъ и помѣстилъ въ консерваторію учиться пѣнію. Затѣмъ содержатель игорнаго банка обмеблировалъ ей квартиру, а болѣе щедрый и наивный молодой маркизъ купилъ отель. Но и теперь бываютъ нерѣдко mortes saisons. Въ дурные годы, преимущественно биржевыхъ кризисовъ, она сводитъ концы съ концами только извѣстной системой: треть занимаетъ, а на треть не платитъ старыхъ долговъ. Двѣ послѣднія операціи совершаютея въ ожиданіи, что вотъ-вотъ явится какой-нибудь bon tasta и уплатитъ старые счета, а таковые бла-

годѣтели, дѣйствительно, рано или поздно всегда являются.

До появленія этого спасителя, Фуфу, вѣруя въ ея veine, кредитуютъ всѣ магазины, на опредѣленную для нея цѣну; мало того, зная, что она умѣетъ носить туалеты,—великое искусство,—они шьютъ ей дешевле. Старые счета представляются со сбавкою и по нимъ довольствуются небольшимъ задаткомъ; въ слѣдующемъ сезонѣ—новая сбавка и новый задатокъ. Но эти льготы не даются даромъ: магазины желаютъ, чтобы видѣли ихъ роскошные туалеты, а для этого надобно вести жизнь Вѣчнаго жида и цѣлый день быть какъ бы на выставкѣ.

Весь годъ расписанъ поэтому у элегантныхъ парижанокъ; только весна и часть осени отдается Парижу, остальное время проходитъ въ движеніи между Монте-Карло, Экслебеномъ, Трувилемъ, Остенде, Спа, Біаррицомъ или Люшономъ.

Все это мѣста, гдѣ собираются богатые игроки лучшаго общества, а игроки—самые щедрые люди въ свѣтѣ, у нихъ всегда много galette. Кокотки наблюдаютъ за тѣми, кто ведетъ большую игру и выигрываетъ; онѣ подсаживаются къ нимъ, заводятъ знакомства, просятъ принять въ долю, утѣшаютъ при проигрышѣ, отбираютъ часть выигрыша, никогда ничего не давая при проигрышѣ, и живутъ такъ по мѣсяцамъ, какъ птицы небесныя,

только мѣняя два-три раза въ день туалеты. Директоры игорныхъ банковъ, съ своей стороны, стараются о привлеченіи въ свои заведенія самыхъ красивыхъ женщинъ. Они оказываютъ имъ всякія любезности, а, главное, ссужаютъ, изъ двѣнадцати, впрочемъ, процентовъ въ мѣсяцъ, деньги на игру до времени, пока рыбка еще не клюнула. Часть долга, смотря по трудамъ и заслугамъ, т. е. по тому, сколько времени проспживала кокотка въ salle de jeu и какой былъ ея антуражъ, то-есть велъ ли онъ или нѣтъ большую игру, — великодушно прощается при отъѣздѣ.

Взявъ съ большею, чѣмъ Сусанна, навпостью ванну, или только сидячую ванну, Фуфу вновь ложится, и рослая и толстая массажистка Липа массируетъ ее и затѣмъ твердою рукавицею очень долго растираетъ туалетною водою. Фуфу кричитъ при этомъ, но массажистка утѣшаетъ ее, восхищаясь тою или другою частью ея тѣла. Фуфу выражаетъ сожалѣніе, что климатъ и полиція не позволяютъ ходить по улицамъ въ райскомъ костюмѣ. Каждую недѣлю, а то и два раза, массажистку смѣняетъ красивая и молодая англичанка, миссъ Арчеръ, которая стрижетъ и отдѣлываетъ ногти на рукахъ и ногахъ. Этихъ англичанокъ спеціально обучаютъ въ Лондонѣ и онѣ странствуютъ не только въ Парижъ, но и въ Монте-Карло и др. мѣсто-

пребываніяхъ кокотокъ. Своего рода онѣ артистки. Холодныя и расчетливыя, поработавъ среди демимонда лѣтъ десять, онѣ возвращаются въ Лондонъ и выходятъ замужъ за клержименовъ, дѣлаясь добродѣтельными женами.

Ami, имѣющій неосторожность не уйти въ 9 часовъ и желающій присутствовать при ваннѣ, массажѣ и отдѣлкѣ ногтей, подвергается большой опасности. Фуфу знаетъ, что видъ ея бронзовой кожи размягчилъ сердце ami, и начинается важнѣйшая для каждой tendresse операція—carottage. Ami безъ труда платитъ массажисткѣ, маникюрѣ, за депеши, разные мелкіе расходы горничныхъ и посыльныхъ, но ему s'il veut être gentil предлагаютъ уплатить каждый изъ приносимыхъ безчисленныхъ счетовъ. Ami выбираетъ какой-нибудь маленькій счетецъ, франковъ въ полтораста, но рѣшительно уклоняется отъ другихъ, за что получаетъ упрекъ, что онъ, вѣроятно, хочетъ унести въ гробъ всѣ свои капиталы. «Впрочемъ,—прибавляетъ Фуфу,—я знаю, что мнѣ остается дѣлать, маркизъ Санта-Баккара и графъ Даржанкуръ только и ждутъ случая, чтобы заплатить мои долги».

Ami не возражаетъ, зная, что возраженія могутъ довести нервную Фуфу до слезъ, а тогда ее менѣе чѣмъ тысячью франковъ успокоить нельзя.

Набросивъ пеньюаръ, цѣна котораго соотвѣт-

ствуетъ достоинству ami,—самые дорогіе сберегаются для высоко поставленныхъ особъ—Фуфу переходитъ изъ спальни въ свой cabinet de toilette, украшенный спеціально ей посвященными шаржами Форена; тамъ она быстро одѣвается въ легкое, простое съ виду, но не по цѣнѣ, платье для прогулки, падѣваетъ шляпку, перчатки и, взявъ изъ коллекціи цвѣтной, соотвѣтствующій цвѣту падѣтаго платья, зонтикъ, который долженъ быть разстегнутъ, отправляется въ Булонскій лѣсъ, въ коляскѣ, въ бугги или panier à salade, запряженномъ лошадью, которой она сама мастерски правитъ, не хуже опытнаго кучера.

Въ лѣсу въ это время собирается наиболѣе элегантная часть tout Paris; происходитъ обмѣнъ любезностей; любительницы уединенія гуляютъ пѣшкомъ, скрываясь отъ времени до времени въ боковыя аллеи, въ заключеніе заѣзжаютъ въ Armenonville или Chateau de Madrid занять столъ къ обѣду, если время года позволяетъ обѣдать на чистомъ воздухѣ, а то просто посплетничать и показать туалеты.

Вернувшись изъ лѣса, Фуфу завтракаетъ, чаще всего у себя дома одна или съ ami и какою-нибудь пріятельницею. Программа завтрака не сложная, но цвѣты, которые обожаютъ парижанки, обязательны. Расходъ на свѣжіе цвѣты составляетъ не менѣе

300 франковъ въ мѣсяцъ. Во время завтрака разговоръ вертится на скупости ami и вспоминаются прежніе «друзья», яко бы невѣроятной щедрости, и перебираются счастливыя подруги auxquelles on ne refuse rien. Тутъ припоминаются разныя проявленія безумной роскоши въ étrennes на Новый годъ или въ именины, на Veglione и въ карнавалѣ въ Ниццѣ, на batailles des fleurs въ Парижѣ или Эксѣ, гдѣ, благодаря щедрости amis, Фуфу доставались первыя преміи.

Языкъ, на которомъ ведутся разговоры, не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ Расина и Вольтера. Какой-нибудь человѣкоубійца или бѣглый каторжникъ скорѣе пойметъ что-нибудь въ этомъ спеціальномъ нарѣчіи, нежели самый ученый профессоръ. Тутъ не говорятъ mère, а femme à papa, дитя—gosse, злая женщина—rosse, скучный человѣкъ—rasoir, иностранецъ—rasta, занимать деньги—taper, ѣсть—boullotter или bouffer, благодарю покорно—flute, смотрѣть—se rincer l'oeil, манерничать—faire du chichi, устать—être patrac, удивляться—être baba, плохая вещь—toc, идти пѣшкомъ—venir à pattes, спорить—s'engeuler, ошибаться—faire une gaffe, деньги—galette, удивляться être tué, насмѣхаться—se gondoler, отказать—avoir les pieds nickelés, одно и тоже—kif-kif и т. д., и т. д.

Человѣкъ, дающій деньги, когда la petite Foufou est très ennuyée кредиторами, это un homme chic, дающій мало—un sale type, а обманывающій un mufle или un poseur de lapin. Горе послѣднему, молва о немъ летитъ по Парижу быстрѣе электричества и при встрѣчѣ съ нимъ въ Bois на него показываютъ, приговаривая во все горло: «Tu sais, ma chère, faut se faire payer d'avance avec ce marlou!..»

Послѣ poseurs des lapins Фуфу ничего такъ не ненавидятъ, какъ les castors или demi-castors—свѣтскихъ женщинъ, которыя, имѣя небогатыхъ мужей, но желая носить роскошные туалеты, пускаются въ авантюры и дѣлаютъ конкуренцію кокоткамъ. Между касторами встрѣчаются нерѣдко весьма аристократическія имена. Нѣтъ тѣхъ ужасовъ, которые Фуфу не приписываетъ бѣднымъ касторамъ. Strugle for life заставляетъ ее быть жестокою. Главное обвиненіе, впрочемъ, сводится къ тому, что касторы, вопреки своему имени, боятся воды и никогда будто бы не моются.

Актрисъ также Фуфу не любитъ, ибо, нуждаясь въ меньшемъ числѣ туалетовъ, онѣ довольствуются меньшимъ и сбиваютъ цѣну кокоткамъ.

Себя Фуфу называетъ не иначе какъ femme chic; назвать ее кокоткой, значитъ глубоко оскорбить ее, а за grue она можетъ и совсѣмъ выца-

рапать глаза. Вообще, Фуфу легко сердится, хотя въ душѣ добрѣйшая женщина, и, какъ всѣ француженки, имѣетъ сострадательное сердце. Она не можетъ видѣть бѣднаго, чтобы не сказать своему ami: «Donne lui quelque chose», и если послѣдній заупрямится или дастъ мало, то она журитъ его, прибавляя, что elle adore à faire la charité. Сама она, конечно, ничего не даетъ, потому что денегъ никогда при ней нѣтъ. Впрочемъ, щедрость кокотокъ для галереи: дома всякія старыя платья и тряпки, если не отдаются бѣднымъ родственникамъ, продаются по окончаніи сезона жидовкамъ.

Фуфу католичка и не любитъ ни жидовокъ, ни жидовъ, даже богатыхъ; она по воспоминаніямъ дѣтства можетъ спѣть по-латыни всю обѣдню, но не ходитъ въ церковь потому, что жизнь ея n'est pas régulière; она обожаетъ своего отца и даже послала какъ-то своему брату, барабанщику на островѣ Мадагаскарѣ, 30 франковъ и два года повторяла на всѣ совѣты экономіи:

— Какъ вы хотите, чтобы я мало проживала? Одна семья чего мнѣ стоитъ! Вотъ брату я должна была послать тридцать франковъ!..

Послѣ завтрака, во время пребыванія въ Парижѣ, и по воскресеньямъ обязательно, надобно ѣхать на скачки. Три дня Grand prix особенно важны, туалеты для нихъ заранѣе обдумываются,

ami долженъ готовиться къ нѣкоторому кровопусканію.

— Какъ же ты можешь допустить, что на Grand prix я была не въ тобою подаренномъ платьѣ,— говоритъ Фуфу,—да и всего-то оно стоитъ сто лун.

Парижскія скачки, это—игорный домъ en grand. У тотализатора, рядомъ съ pésage, гдѣ ставки въ 100 и 500 франковъ, т. е. гдѣ собираются богатые спортсмены и игроки, и располагаются tendresses, повторяя тѣ же махинаціи, что около рулетки или баккара. Никакія стихіи не пугаютъ ихъ; въ проливной дождь являются онѣ въ легкихъ платьяхъ, шляпкахъ съ дорогими страусовыми перьями и цвѣтами и въ бѣлыхъ замшевыхъ ботинкахъ. Презрѣніе къ порчѣ своего туалета—своего рода реклама для разныхъ дураковъ. Экипажи кокоткамъ подаютъ при разъѣздѣ со скачекъ ранѣе, чѣмъ другимъ, потому что у каждой есть свой покровитель въ Préfecture de police.

Если нѣтъ скачекъ, то Фуфу начинаетъ по телефону переговариваться со своими подругами, съ которыми, можетъ быть, она только что видѣлась въ Bois. У Фуфу всегда есть двѣ или три закадычныхъ пріятельницы. Она постоянно обмѣнивается съ ними тайнами, разсуждаетъ о туалетахъ, даетъ имъ свои вещи и драгоцѣнности, а на дачѣ или въ Монако живетъ вмѣстѣ, но эта дружба про-

должается рѣдко сезонъ или два; по прошествіи этого срока пріятельницы, уличенныя въ томъ, что старались переманить къ себѣ одного изъ amis Фуфу или заказали ранѣе задуманное ею платье, становятся злѣйшими врагами. До сгéрage шиньоновъ дѣло не доходитъ, потому что cette bonne Fou-Fou называетъ всѣ вещи собственнымъ именемъ безъ перифразъ и имѣетъ такой языкъ, что отбрѣетъ имъ кого угодно, такъ что злая разлучница, благодаря газетамъ, сдѣлается посмѣшищемъ Парижа на три дня, а это въ Парижѣ почти вѣчность.

Въ Экслебенѣ одна знаменитая кокотка почтенныхъ лѣтъ, обиженная остротами Фуфу, сказала ей публично: vous êtes une fille! Но что cette bonne Fou-Fou qui n'a pas sa langue dans sa poche съ вѣжливымъ реверансомъ не замедлила отвѣтить:

— Fille peut-être mais en tout cas depuis moins longtemps que vous.

Соперница, замѣтивъ восторгъ галереи, едва не задохлась отъ злости, тѣмъ болѣе что Gil Blas напписалъ объ этомъ событіи передовую статью.

Но если подруги ссорятся и даже дерутся, то, съ другой стороны, онѣ и оказываютъ взаимно неоцѣненныя услуги, прикрывая разныя шашни и доставляя разныя справки. Каждый годъ, напримѣръ, та, которая спеціально посвятила себя военнымъ,

достаетъ списокъ молодежи, кончающей курсъ въ École supérieure de guerre, съ точною отмѣткою годового дохода каждаго птенца. Остается только памѣтить жертву. Заботливое начальство знаетъ это, и, напримѣръ, офицеры генеральнаго штаба, заводящіе постоянныя связи (collage), немедленно переводятся въ отдаленные гарнизоны, изъ опасенія шпіонства.

Если не съ кѣмъ болтать, Фуфу посылаетъ за гадалкой, которая грязными картами fait le grand jeu и, по обыкновенію, находитъ, что Фуфу любитъ богатый старикъ, котораго она не любитъ, что за нею ухаживаютъ много молодыхъ людей, что она получитъ письмо и большія деньги. Фуфу слушаетъ серьезно, съ большимъ вниманіемъ и даже съ волненіемъ, потому что деньги ей очень нужны, любовныя объясненія она получаетъ ежедневно, переписку поддерживаетъ со всѣми старыми любовниками, не забывая великодушно и тѣхъ, которые разорились для нея, а между молодежью всегда кто-нибудь нравится ей болѣе другихъ и припасается для будущаго.

Въ любовникахъ этихъ дамъ соблюдаются оттѣнки. Тотъ, который объявляется офиціально и проводитъ время постоянно, называется просто ami; обыкновенно же имѣется еще какой-нибудь богатый старикъ, который ради своего семейнаго и

общественнаго положенія желаетъ оставаться въ тѣни, это—l'homme sérieux, его уважаютъ, но обманываютъ сколько могутъ. Имѣется иногда еще третій любовникъ—хорошенькій молодой человѣкъ, чаще всего офицерикъ или артистъ безъ гроша, но любезный, такъ-называемый petit ami или gigolot; его любятъ, дѣлаютъ ему подарки, но разсуждать ему не позволяютъ и къ себѣ въ присутствіи ami не допускаютъ. Знаменитая во время второй Имперіи Кора Пирль имѣла какъ petit ami здороваго русскаго діакона. Болѣе трехъ любовниковъ имѣть считается неприличнымъ, развѣ кокотка остается совсѣмъ свободною и вынуждена lever des michés. Это случайныя связи; ихъ слѣдуетъ, однако, скрывать. Une micheteuse — презрительная кличка для шикарной женщины. Женщины, часто мѣняющія свои привязанности, также презираются; постоянство служитъ какъ бы рекомендаціей, что товаръ добротный и съ нимъ не охотно разстаются. Въ Парижѣ есть даже общество des amants fidèles.

Въ 2 часа экипажъ снова поданъ, и если ami подъ рукою, то онъ любезно приглашается faire un petit tour dans les magasins, отъ чего ami, наученный горькимъ опытомъ, благоразумно уклоняется; онъ знаетъ, что Фуфу его нечаянно завезетъ къ какому-нибудь ювелиру въ rue de la Paix,

гдѣ у нея вѣчно вещи въ починкѣ и передѣлкѣ, нескончаемый счетъ и гдѣ она давно высмотрѣла un petit bijou, une vraie occasion тысячъ въ десять. Если же Фуфу попадаетъ по дорогѣ въ одинъ изъ grands magasins, то того хуже, всѣ приказчики, будто бы, знаютъ ея вкусы и предлагаютъ наперерывъ свои товары. Фуфу готова, кажется, скупить всѣ районы и гордится, что адресъ ея каждому кассиру извѣстенъ въ точности. Въ хорошемъ настроеніи духа она не забываетъ и ami — покупаетъ ему подарокъ, какой-либо галстукъ, который, впрочемъ, оплачивается въ общемъ счетѣ тѣмъ же ami.

Покинувъ, наконецъ, магазины, Фуфу посвящаетъ себя заказу и примѣркѣ новыхъ платьевъ, самый важный актъ въ жизни всякой элегантной парижанки! Платье, чтобы сидѣть хорошо, должно быть десять разъ примѣрено: въ этомъ секретъ, почему парижанки такъ всегда изящно одѣты, платье составляетъ точно часть ихъ тѣла. Какъ всѣмъ женщинамъ, ей, конечно, «нечего надѣть» и «не можетъ же она ходить голая»? Фуфу ѣдетъ въ rue de la Paix къ Paquin или Doucet (мода и изобиліе долговъ заставляютъ, впрочемъ, мѣнять своихъ couturiers), а тамъ приходится по часамъ ждать очереди, при чемъ время проходитъ въ болтовнѣ съ приказчиками и пріятельницами. Ami до-

пускается въ святилище только въ дни, когда хочетъ ручаться въ платѣ по счетамъ, но это случается больше съ растакуэрами. Да и Фуфу невыгодна такая щедрость, она теряетъ сбавки со счетовъ, дѣлаемыя владѣльцами магазиновъ.

Сколько при заказываніи и примѣркѣ платьевъ требуется вкуса, ума, изобрѣтательности, глубокихъ соображеній, просто непостижимо. Фуфу имѣетъ ужъ для сезона тридцать платьевъ, нужно, однако, выдумать что-нибудь новое для тридцать перваго. Это тѣмъ затруднительнѣе, что она не можетъ надѣть то же, что ея подруги, шьющія въ томъ же магазинѣ, которыхъ равнымъ образомъ тридцать и у каждой по тридцати платьевъ. Поэтому Фуфу съ презрѣніемъ отвергаетъ готовыя модели и вмѣстѣ съ закройщикомъ обдумываетъ по часамъ эфекты, при чемъ essayeuse терпѣливо стоитъ, пока на ней, какъ на болванѣ, проектируютъ разныя драпировки. Фуфу выказываетъ здѣсь глубокія познанія и учитъ самого monsieur Пакэна, который въ восхищеніи не смѣетъ напомнить о старомъ счетѣ и даже угощаетъ мадерой съ бисквитами.

Главные заказы платьевъ, шляпокъ и проч. бываютъ зимой и осенью, но почти круглый годъ приходится примѣрять и покупать что-нибудь. Да и трудно придумать, что бы и дѣлали эти дамы, если бы стачка магазиновъ закрыла имъ туда

входъ хотя на одинъ мѣсяцъ. Фуфу навѣрное заболѣла бы отъ грусти или стала бы морфинизироваться.

Она и такъ не все веселится. Перебирая свое прошлое, свои романы, безчисленныя повышенія и пониженія, траты милліоновъ рядомъ съ каждодневною нуждою, Фуфу становится подчасъ меланхолическою и думаетъ о смерти. Обыкновенно пріемъ бромистаго калія или глотокъ эфира успокаиваетъ ея нервы, но иногда ami долженъ утѣшать ее болѣе серьезно. Fou-Fou выпросила у одного изъ нихъ, въ виду своей близкой смерти, пять тысячъ на свой надгробный мавзолей. Деньги эти попали, конечно, въ тѣ же модные магазины, которые не могутъ ждать, но Фуфу не хочетъ обманывать своего ami; она сознается одному пріятелю въ своемъ легкомыслін, взявъ у него франковъ четыреста, заказываетъ архитектору рисунокъ мавзолея и совершаетъ купчую на участокъ на кладбищѣ гдѣ-то, гдѣ цѣна земли подешевле. Ami, видя такіе документы, еще болѣе трогается и, не желая видѣть Фуфу въ мавзолеѣ, отпускаетъ для поддержанія ея здоровья еще тысячи три. Пріятель же, видя, что Фуфу такъ ловко надула своего ami, приходитъ, съ своей стороны, въ телячій восторгъ и даритъ Фуфу брошку...

Такіе пріемы показываютъ не ординарную со-

образительность. Фуфу вообще женщина опытная, все и всѣхъ она знаетъ, всѣ короли и принцы, пріѣзжающіе жупровать въ Парижъ, ей знакомы и съ нею на ты. Съ однимъ принцемъ она ѣздила на верблюдахъ въ глубь Сахары. Вообще она много путешествовала—была и въ Россіи, и въ Алжирѣ, и въ Южной Америкѣ, отлично знаетъ Италію, Испанію, Лондонъ и Швейцарію. Но любитъ она изъ всѣхъ государствъ только княжество Монако и наивно убѣждена, что Австралія находится въ Америкѣ и что Дунай протекаетъ по Египту.

Для оцѣнки различныхъ націй она имѣетъ свой собственный масштабъ. Она презираетъ бельгійцевъ и итальянцевъ за ихъ скупость, испанцевъ за бѣдность, русскіе sont très gentils avec les femmes, mais malheureusement ils n'ont pas le sou; греки, турки, румыны пользуются особою ненавистью, ибо они всѣ poseurs de lapin, южно-американцы, чистокровные rastaquouères, хорошіе люди, но sauvages, страшно ревнивы и колотятъ безъ церемоніи своихъ amies. Лучше всѣхъ французы, они въ молодости охотно разоряются на женщинъ, до старости, по складу парижской жизни, не могутъ обойтись безъ любовницъ и отличаются утонченною вѣжливостью, что на женщинъ всегда производитъ хорошее впечатлѣніе.

Осенью, когда темнѣетъ рано, поѣздка въ Лѣсъ

замѣняется посѣщеніемъ около 6 часовъ Palais de glace. Это, въ сущности, фабрика ревматизмовъ, такъ какъ съ одной стороны тянетъ холодомъ отъ ледяного круга, на которомъ катаются на конькахъ (мужчины во фракахъ!), а съ другой поджариваетъ отъ саламандръ, но les tendresses обязаны быть тамъ и показать свои роскошныя соболи и шеншиловыя накидки. Это одинъ изъ «рынковъ невольницъ» и посѣщеніе его весьма поучительно для моралиста, не боящагося получить жестокій насморкъ или воспаленіе легкихъ.

Послѣ катанья въ Bois или Palais de glace tendresses иногда куда-то исчезаютъ и не любятъ, если ихъ спрашиваютъ, гдѣ онѣ были. Обыкновенно посѣщается l'homme sérieux, богачъ, скрывающій свою связь, буде таковой имѣется. А иногда это признакъ, что старая связь наскучила и завязывается гдѣ-нибудь новая. Но всѣ минуты этихъ дамъ сочтены и Фуфу спѣшитъ къ семи часамъ вернуться въ свой отель, гдѣ парикмахеръ Жанъ, одинъ изъ преданныхъ и услужливыхъ друзей, безконечный счетъ котораго никогда окончательно не ликвидируется, терпѣливо ожидаетъ съ своими инструментами и запасомъ новостей. Фуфу надѣваетъ капотъ и пока парикмахеръ убираетъ голову, она требуетъ кухонную книгу и тщательно провѣряетъ счеты. Она вообще ведетъ акуратно, хотя и без-

порядочно свое счетоводство, записывая на одной и той же сторонѣ доходы—caisse, остатки и расходы. Фуфу прекрасно знаетъ цѣну всѣмъ вещамъ, до послѣдняго су, хотя въ разговорѣ она не считаетъ иначе, какъ на луидоры, даже и себѣ цѣну означаетъ въ таковыхъ. Она видитъ, что кухарка ея Мари страшно воруетъ и ежедневно два или три раза посѣщаетъ сосѣдняго marchand de vin, гдѣ разсказываетъ о своей барынѣ des horreurs, но Фуфу терпитъ это, будучи должна своей кухаркѣ и зная, что новая еще болѣе станетъ воровать, а каждая кухарка, уходя, пишетъ анонимныя письма всѣмъ amis, разоблачая коварное поведеніе своей барыни, хотя amis и безъ разоблаченій cordon bleu достаточно освѣдомлены.

Счета кухарокъ провѣряются, впрочемъ, если по кухонной книгѣ платитъ сама хозяйка. Если же ami имѣлъ неосторожность заявить, что будетъ уплачивать расходы по хозяйству, то книга принимаетъ фантастическіе размѣры: кухарка пишетъ все, что ей на умъ взбредетъ, барыня приказываетъ записывать туда свои неоплаченные счета модныхъ и другихъ магазиновъ, а частью и счета пріятельницъ; нуждаясь въ двухъ-трехъ луи, онѣ берутъ ихъ у кухарки, приказывая внести въ кухонную книгу. По этой системѣ каждое яйцо всмятку обходится ami въ среднемъ франковъ во сто.

Къ обѣду Фуфу вновь должна переодѣться съ головы до пятокъ. Ami знаетъ это и такъ какъ ему обыкновенно дѣлать нечего, какъ играть въ клубѣ, то онъ и является къ обѣду нѣсколько ранѣе условленнаго. Она надѣваетъ чистую рубашку, корсетъ, который долженъ быть свѣжъ и потому замѣняется новымъ каждыя двѣ недѣли, хотя стоитъ полтораста франковъ; чулки должны быть сообразны съ цвѣтомъ ботинокъ—черные къ чернымъ, бѣлые къ бѣлымъ, желтые къ желтымъ, чулки подтягиваютъ лентами къ корсету, почему панталоны надѣваются послѣ корсета. Эти панталоны съ кружевами цѣлое художественное произведеніе; цѣна ихъ доходитъ до полторы тысячи франковъ и болѣе. Юбки также дѣлаются очень роскошными и ихъ имѣется цѣлый ассортиментъ, соотвѣтствующій платьямъ.

Вообще les dessous теперь играютъ огромную роль въ туалетѣ парижанокъ, даже весьма порядочныхъ. Своею цѣнностью они превосходятъ иногда значительно цѣнность платьевъ. Высоконравственныя барыни объясняютъ это тѣмъ, что у своихъ couturiers при примѣркѣ онѣ должны раздѣваться и не могутъ тутъ казаться бѣднѣе кокотокъ.

Надѣвъ юбку, Фуфу моетъ два или три раза руки и слегка макильируется. Это требуетъ особаго искусства; тончайшій слой crème Simon со-

вершенно достаточенъ; если Фуфу ѣдетъ, гдѣ будетъ сильное освѣщеніе, она ранѣе бѣлилъ кладетъ на щеки капельку румянъ; все это дѣлаетъ просто руками; немного черной краски на рѣсницы и брови и красной на губу и макильяжъ готовъ. Если надѣвается платье декольте, то по голымъ плечамъ и спинѣ проводится кисточкой самый легкій слой розовой пудры.

Никакихъ тайнъ туалета у Фуфу не существуетъ. Она одѣвается публично и очень рада, если ея ami, который на все это смотритъ отъ привычки болѣе чѣмъ равнодушно, убѣждается, что красота ея все-таки въ здоровой натурѣ и искусство не замѣняетъ, а только слегка оттѣняетъ красоту, которая поддерживается массажемъ и прогулками. Посложнѣе только обезцвѣчиванье и крашенье волосъ; на это требуется цѣлый день. Фуфу ходитъ тогда не въ духѣ, съ головою, обвязанною полотенцами, и парикмахеръ выслушиваетъ кучу упрековъ, ami же лучше въ день крашенья волосъ и не показываться.

Julia—у которой накопленъ капиталецъ и которая собирается скоро s'établir кокоткой въ Бордо или Марсели—и другая горничная помогаютъ одѣванію. Онѣ преклоняются передъ компетентностью своей барыни. Фуфу умѣетъ не только приказать, но и показать, какъ что сдѣлать, гдѣ отрѣзать,

гдѣ пришить, гдѣ почистить, какъ прикрѣпить. Маленькія ручки ея работаютъ быстро, и то, на что русской дамѣ потребовалось бы два часа, оканчивается въ двадцать минутъ.

Вымывъ еще разъ руки, потеревъ ихъ mimosa, налакировавъ ногти и вычистивъ съ яростью зубы, при чемъ полосканіемъ служитъ cedrat, Фуфу принимается за надѣваніе шляпки. Это дѣлается съ большимъ вниманіемъ при многократныхъ перестановкахъ зеркала, потому что то или другое направленіе большой шляпки измѣняетъ выраженіе лица. Убѣдившись, что шляпка, выбранная изъ шкафа, гдѣ ихъ десятка два, идетъ къ ней, Фуфу улыбается довольная собою и, вымывъ въ пятый разъ руки, надѣваетъ платье, приказавъ слегка подтянуть корсетъ. Если къ платью идутъ ленты или къ шляпкѣ вуалетки или шарфы, то все это каждый разъ вырѣзывается новое изъ цѣлыхъ кусковъ матерій. Шляпка надѣвается ранѣе платья, потому что, надѣвъ современное платье, женщина уже не можетъ поднять рукъ, чтобы хорошенько надѣть шляпку.

Но туалетъ еще не конченъ; надѣваются другіе башмаки и выбирается соотвѣтственный вѣеръ изъ ящика, наполненнаго дорогими вѣерами; каждый изъ нихъ былъ поднесенъ какимъ-нибудь поклонникомъ и имѣетъ свою исторію. Девять десятыхъ

вѣеровъ обыкновенно поломаны, вѣроятно въ минуту досады или ревности. Фуфу беретъ свѣжія длинныя перчатки, кладетъ носовой платокъ и ключъ отъ своего отеля въ портмонэ, въ которомъ никогда нѣтъ денегъ. Портмонэ, по модѣ, надобно носить въ рукахъ. Затѣмъ Фуфу, сообразно погодѣ, набрасываетъ короткую или длинную накидку, которая должна быть надѣта нѣсколько небрежно.

На драгоцѣнности существуетъ мода. Въ настоящее время носятъ почти исключительно жемчугъ, и чѣмъ его болѣе, чѣмъ онъ роскошнѣе, тѣмъ лучше; надѣвается по нѣсколько колье сразу. Драгоцѣнные камни не въ модѣ, развѣ изумруды и очень дорогіе рубины, но ихъ носятъ въ кольцахъ, которыхъ слѣдуетъ надѣвать очень много на всѣ пальцы.

Даже на духи мода мѣняется въ Парижѣ постоянно. Les tendresses рѣдко, впрочемъ, употребляютъ духи въ ихъ натуральномъ видѣ, но дѣлаютъ сложныя смѣси. Есть опытные люди, которые по перчаткѣ или забытой бездѣлушкѣ узнаютъ, какъ сетера, своихъ возлюбленныхъ. Иногда эти смѣси подъ замысловатыми названіями приготовляютъ Герленъ и др. модные парфюмеры.

Вспрыснувъ себя духами, Фуфу горячо цѣлуетъ фоксъ-терiера и быстро направляется къ выходу, процѣдивъ небрежно своему ami: «tu viens, mon

cher». Ami, какъ собака, слѣдуетъ въ карету, гдѣ Фуфу, даже въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, не позволяетъ себя цѣловать, чтобы не испортить общаго ансамбля фигуры. Зато платья мять парижанка не боится и случается, что въ двухмѣстную карету умѣщаются двѣ дамы на колѣняхъ своихъ двухъ кавалеровъ. На этотъ счетъ въ Парижѣ свободно.

Если Фуфу одна или только съ пріятельницей, то она обѣдаетъ у Вебера или въ какомъ-либо американскомъ барѣ, но съ ami она ѣдетъ къ Пальяру, Дюрану или Жозефу, гдѣ цѣны анаоемскія и къ итогу счета приписываютъ число мѣсяца и номеръ стола, не считая того, что ошибаются и въ итогѣ, и въ сдачѣ, конечно, не въ пользу кліента. Всѣ швейцары, шасеры, метръ-д'отели и гарсоны въ хорошихъ ресторанахъ отлично знаютъ этихъ дамъ и ихъ поклонниковъ, ихъ привычки, а хозяева считаютъ долгомъ въ Новый годъ посылать tendresses'амъ подарки, вѣрнѣе, взятки, въ видѣ вина, паштетовъ, фруктовъ и т. п., чтобы онѣ не перекочевали къ конкурентамъ и не увели съ собою кліентовъ. Фуфу, войдя въ ресторанъ, не спрашиваетъ, есть ли мѣсто, ибо для нея, какъ для городничаго, мѣсто всегда отыщется, въ крайности приставятъ столикъ.

Вопреки мнѣнія, что кокотки питаются только омары и трюфелями, за обѣдомъ Фуфу ѣстъ не-

много, одно блюдо вредно для ревматизма, другое для цвѣта лица, отъ третьяго толстѣютъ и т. д. Секретъ въ томъ, что довольно туго стянутый корсетъ не даетъ вволю поѣсть, къ чему француженки большія охотницы. На напитки опять мода; шампанское (въ модѣ cordon rouge Мумма) ставится болѣе для вида; теперь вина не пьютъ, пьютъ одну минеральную воду или самое дешевое вино, поэтому дорогіе рестораторы отыгрываются на фруктахъ: ихъ приносятъ цѣлыми корзинами, и дамы своими пальчиками перерываютъ нѣсколько корзинокъ, что даетъ хозяину право приписать къ счету франковъ двадцать пять. Стоятъ кое-что и цвѣты, обязательные для стола, да и метръ д'отель не дастъ хорошаго стола, т.-е. стола, гдѣ туалетъ виденъ для всѣхъ, безъ особаго поощренія. За обѣдомъ, а если завтракъ въ ресторанѣ, то и за завтракомъ, Фуфу вдругъ вспоминаетъ кучу забытѣхъ дѣлъ; начинается новая корреспонденція и посылка разсыльныхъ съ petit bleu и депешами. Ami только почесывается. Фуфу нужно, напр., почтовую марку; она стоитъ три су, но Фуфу требуетъ, чтобы ami послалъ сейчасъ же посыльнаго; тотъ дѣлалъ видъ, что искалъ марку гдѣ-то за заставой.—«Дай ему сорокъ су на водку»,—говоритъ Фуфу, Ami радъ такой таксѣ, а то, пользуясь случаемъ, она посылаетъ иной разъ депеши въ

страны, куда каждое слово стоитъ два-три франка. Кучеръ ея Жозефъ прекрасно обѣдаетъ въ э. время на счетъ ami.

Кучера кокотокъ это своего рода особы. Они невольно дѣлаются повѣренными тайнъ и потому ихъ менажируютъ. Такъ какъ часто у этихъ дамъ нѣтъ денегъ для расплаты за лошадей, то кучера оказываютъ протекцію у содержателей экипажей, иногда, говорятъ, не безъ корысти. Tendresses поэтому всего чаще упрекаютъ другъ друга въ связи съ кучерами.

Хотя Фуфу обучалась чуть не въ избѣ, но ѣстъ она, какъ герцогиня, даже раковъ умѣетъ ѣсть ножомъ и вилкою. Если обѣдъ происходитъ въ Арменонвиллѣ или Мадридѣ, шефъ цыганскаго оркестра считаетъ долгомъ сойти съ эстрады и, пожирая Фуфу своими блестящими, какъ уголь, глазами, сыграть ей подъ ухо нѣсколько начувствительнѣйшихъ романсовъ, какъ бы залѣзая при этомъ смычкомъ прямо въ карманъ ami.

Въ концѣ обѣда, особенно если къ столу подсѣло нѣсколько знакомыхъ, Фуфу требуетъ свѣжій миндаль, отыскиваетъ миндалинки съ двойнымъ зерномъ и предлагаетъ les philipines, т. е. то, что у насъ называется Gut Morgen Filipchen. Какъ ни вертись, но въ концѣ концовъ Фуфу всегда выигрываетъ въ эту невинную игру, доставляющую

ей ежегодно не одинъ десятокъ цѣнныхъ подарковъ отъ пропгравшихъ.

Послѣ обѣда, въ половинѣ десятаго, Фуфу ѣдетъ въ театръ. Ложа заказывается изъ ресторана по телефону, или черезъ шасера. Она еще въ жизни не видала перваго дѣйствія ни одной изъ пьесъ; она желаетъ непремѣнно сидѣть на виду въ ложѣ аванъ-сцены и по возможности въ первое представленіе, когда ложа обходится ami франковъ двѣсти. Несмотря на обѣдъ, Фуфу съѣдаетъ въ театрѣ безъ труда фунтъ замороженныхъ конфектъ. Оказывается, что она знаетъ чуть не всѣхъ сидящихъ въ креслахъ мужчинъ и въ десять минутъ запоминаетъ туалеты всѣхъ сидящихъ элегантныхъ дамъ. Par discretion мужчины не кланяются, разъ видятъ ее со своимъ ami.

Къ пгрѣ, какъ и къ содержанію пьесы, Фуфу неравнодушна и отъ души наслаждается пьесою, хотя не видитъ ни начала, ни конца ея. Но еще болѣе ея характеру voyou соотвѣтствуетъ репертуаръ артистическихъ кабаковъ Монмартра, убивающихъ теперь драматическое искусство во Франціи. Дерзости Брюана, остроты де-Фурси, кокетство Бевалъ приводятъ ее въ восторгъ, на наиболѣе она тронута, когда Дельметъ, самый модный романсистъ, закатывая глазки, поетъ сочиненный въ честь ея романсъ: «Petite brunette aux yeux

doux». Даже и въ публичныхъ балахъ, куда заглядываютъ изъ café-concerts, Фуфу, оказывается всѣхъ знаетъ: самыя отчаянныя дебардерки, Môme-Fromage, Pattes en l'air, дѣлающія salut militaire, т. е. поднимающія ноги выше головы, привѣтствуютъ ее радостными кликами.

— Дай имъ по лундору,—говоритъ она своему ami,—онѣ кормятъ своихъ бѣдныхъ матерей.

Ami знаетъ, что дочери пропьютъ эти деньги ранѣе, чѣмъ ихъ матери, но раскошеливается.— «C'est une vraie jouissance que de donner de l'argent aux femmes»—внушаютъ ему.

Обширность круга знакомства Фуфу вообще поразительна. Если случается, что она по какому-нибудь случаю заѣзжаетъ въ Palais de justice, то и тамъ всѣ члены магистратуры, судебные слѣдователи, знаменитые адвокаты знаютъ ее и влекутъ въ свои кабинеты, гдѣ о чемъ-то по часамъ разговариваютъ, заставляя ami терпѣливо сидѣть въ корридорѣ вмѣстѣ со сторожами.

Въ іюнѣ, когда жарко и ѣхать въ театры не хочется, Фуфу отправляется на ярмарку въ Нельи. Она отлично стрѣляетъ въ цѣль, набираетъ разныхъ призовъ, накупаетъ для себя, для подругъ и прислуги, конечно не на свой счетъ, кучу всякой дряни: пряниковъ, мирлитоновъ и горшковъ, и пр. Она, какъ всѣ француженки, любитъ звѣринцы

и восхищается атлетами; оказывается, что и ихъ она всѣхъ отлично знаетъ и ее они знаютъ.

Послѣ театра надобно еще разъ показаться въ свѣтъ. Для этого ранѣе служили Café de la Paix, а теперь служатъ Grand Café и Maxim. Хотя еще недавно послѣдній платилъ, по слухамъ, по 50 фр. за вечеръ принцу S., законодателю парижскихъ модъ, но онъ упалъ и служитъ переходною ступенью къ Café Américain, гдѣ собираются les grues. Впрочемъ, въ Américain наверхъ пріѣзжаютъ и кокотки первой марки, и тогда уже тамъ устраиваются настоящія оргіи.

У Maxim'a подъ музыку иногда вальсируютъ; тутъ наверху есть и номера, но въ Grand Café совсѣмъ grand genre, сидятъ чинно въ ярко-освѣщенномъ залѣ, разсматривая взаимно туалеты. Консомація идетъ слабая и хозяинъ покрываетъ свои расходы тѣмъ, что счетовъ не пишутъ, а гарсонъ, смотря по дамѣ, говоритъ итогъ, при чемъ, если дама ужъ очень шикарная, можно за бутылку зельтерской воды заплатить рубля три. Знаютъ, что спорить въ такомъ священномъ мѣстѣ не будутъ.

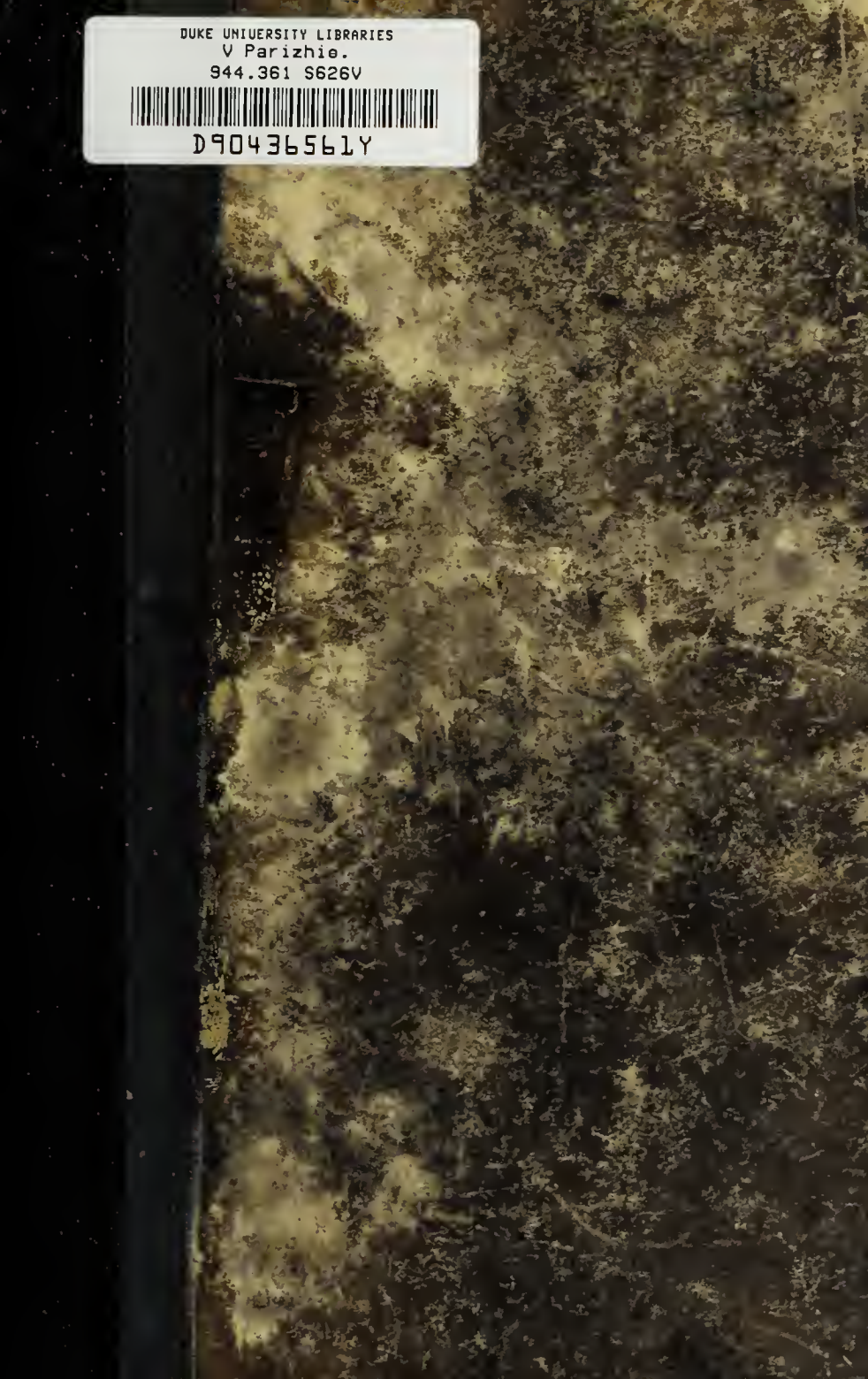
Въ Парижѣ всѣ встаютъ рано, поэтому ужинаютъ сравнительно рѣдко. Къ часу Grand Café пустѣетъ. Возвращаясь ночью домой, Фуфу рѣдко будитъ прислугу, утомленную чисткою безчисленнаго множества надѣтыхъ за день нарядовъ и

обувп. Она сама отпираетъ дверь своего отеля, кипятитъ необходимую ей теплую воду на газовомъ рожкѣ; если платье очень сложно застегнуто сзади, то ami помогаетъ снять его, за что получаетъ непзмѣнно строгіе выговоры за неловкость и утѣшаетъ себя, цѣлуя Фуфу въ затылокъ. Уже лежа въ постели успѣваетъ она прочитать нумеръ «Soir», купленный при выходѣ отъ Maxim'a или Grand Café*).

Если сосчитать по пальцамъ, то окажется, что за день Фуфу провела на ногахъ около двѣнадцати-пятнадцати часовъ и сдѣлала пѣшкомъ и на лошадяхъ верстъ сорокъ, почти все время съ большою шляпкою на головѣ. Она имѣетъ право на отдыхъ.—«Adieu, mon ami», говоритъ она, сегодня я страшно устала. Ami мрачно повертывается на другой бокъ, зная, что завтра будетъ буквально та же исторія. Кружевныя обшивки и бантики подушекъ не даютъ ему спать, и пока Фуфу покоится сномъ праведницы, въ красивой позѣ, онъ подсчитываетъ, что, помимо всякихъ предвидѣнныхъ заранѣе окладныхъ сборовъ и содержанія, у него на развлеченіе Фуфу за день вышло изъ кармана экстраординарныхъ франковъ пятьсотъ...

*) Въ настоящую минуту (1898 г.) Café de Paris сталъ соперничать съ Grand Café.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Предисловіе къ первому изданію	v
	Предисловіе ко второму изданію	xvii
I.	Публичное чтеніе во время войны	1
II.	Послѣ Коммуны	8
III.	Паденіе Тьера	30
IV.	Въ національномъ собраніи	51
V.	Въ госпиталѣ Сенъ-Луи	75
VI.	Въ засѣданіи французскаго конгреса	87
VII.	Парижъ въ 1885 году	105
VIII.	Балетъ въ Парижѣ	121
IX.	Монументы	144
X.	Въ русской колоніи	160
XI.	Въ русской колоніи (Окончаніе)	172
XII.	На закатѣ буланжизма	196
XIII.	Парижанки и феминизмъ	229
XIV.	Жакъ Сенъ-Сиръ о нѣмкахъ	251
XV.	Дуэли и баррикады	275
XVI.	Литературная дѣятельность и бюрократія	293
XVII.	Домашняя жизнь въ Парижѣ	311
XVIII.	Въ полусвѣтѣ	336

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
V Parizhie.
944.361 S626V
D90436561Y